

МЕЖДУ ГОРИЗОНТАМИ

12+

ИВАН КАРТЕЛЯН

Иван Картельян

Между горизонтами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67670234

SelfPub; 2022

Аннотация

Два мира – одна загадка. Коннору и Эмме предстоит пройти непростой путь в поисках ответов.

Содержание

Место под солнцем	5
Сверху вниз	36
Неудачный день	58
Капитан	83
Морская болезнь	107
Мирный город	126
Шахтёрский лес	178
Три титана	196
Другая сторона	211
Последние дни	230
Потемнение	251
Эмма	277
Темнота	292
Долгий сон	310

Иван Картельян

Между горизонтами

С самого начала значит?

Место под солнцем

Порой, когда всё вокруг было залито мягким светом утреннего солнца, город был особенно красив. Располагался он у подножья столпа, простиравшегося до самых облаков и выше. А если с погодой повезло и небо было кристально чистым, открывался прекрасный вид на город – по ту сторону Главного столпа.

Этот столп ничем не отличался от сотен других, кроме того, что был он, фактически, самым близким к нашему неподвижному солнцу, и именно поэтому у его подножья основали город Новое Начало, в котором родился я, а ещё – мой отец, мой дед и поколения до него. Столпы были сорока километров в высоту и нескольких километров в диаметре. Они соединяли две плоскости одного мира. Лишь Главный столп человечество покорило, попав на другую сторону. Со временем с той стороны подножья был также основан город – его называли Возвышение. Порой невозможно было оторвать глаз от прибрежного Возвышения, что было где-то там, высоко над головой.

Главный столп, с величественным зданием городского управления (на возвышенности подножья), был центром Нового Начала. Центром, от которого тянулась паутина из дорог, простиравшихся вдоль и поперёк высоких и архитектур-

но изысканных зданий, где жили люди побогаче. Дороги шли через рыночные площади, частные секторы и подходили к городской черте у реки, со всех сторон окружённой полями и фермами.

Нынче вся городская экономика ограничивалась внутренним рынком, но так было не всегда. Во времена, когда мой дед был еще молод, он предложил использовать систему из подвесных блоков и тросов, которые бы крепились на каждом километре столпа, чтобы иметь возможность перемещать груз из одного города в другой. Это ознаменовало начало торговых отношений с Возвышением, и долгие годы торговля была основной деятельностью моей семьи. Пока однажды все концы не были оборваны.

Вот уже двадцать лет прошло с момента, когда все ученые, занимающиеся фундаментальными науками, пришли к общему заключению что мы живем в месте, которое по всем известным законам существовать не может. Физические законы друг друга взаимно отрицают, и существуют в полном противоречии. Самой большой загадкой для учёных было солнце, неподвижно зависшее между двумя плоскостями. Притяжение ни одного из миров не влияло на него. Ни одна математическая модель мира не могла объяснить противоречия между физическими законами. Объяснить природу происхождения стольких парадоксов никому так и не удалось.

Заявления учёных о невозможности объяснить физическую модель существования нашего мира, укрепило ряды

религиозного Ордена Основателя, который, спустя пару лет, получил полную власть в управлении городом.

Став главной правительственной единицей, они изменили привычный порядок вещей. Торговля с Возвышением была запрещена из-за их непринятия правил Ордена. Постепенно оборвались все связи, попасть на ту сторону стало невозможно. Появились новые законы, ограничивающие свободы, новые порядки и цензура. Но именно при правлении Ордена Основателя началось то что впоследствии получило название Промышленной революции. Город стал развиваться. Люди уравнились в правах, уровень жизни среднего и низшего класса подрос. Население в целом приняло все перемены и привыкло.

Моя мать умерла когда мне было три года. Поэтому меня воспитывали отец и дедушка. Дед был умным человеком, и всю жизнь занимался поиском ответов на беспокоящие его вопросы. Верить ли религиозному движению, которое упивалось властью и заявляло что Основатель это высшее незримое и всемогущее существо, в которое просто нужно верить? Или верить ученым, признавшим свою беспомощность в поиске ответов на главный вопрос – почему мы существуем? Оба варианта дедушку не устраивали, и он искал ответ, обращаясь к истории и знаниям предков.

С годами дедушка сформировал коллекцию из сотен книг и рукописей, которым было от трех до семи сотен лет. Многие книги из его коллекции запрещались властями ещё до

его рождения, некоторые попали под запрет с подачи Ордена. Так или иначе – дедушка рисковал, храня всё это в подвале нашего дома, но ему было плевать на правила.

Все детство я читал то, что читать было нельзя, и узнавал то, что знать было нельзя. Из меня растили человека, который будет во всём сомневаться и всегда стремиться узнать правду, никому и ничему не верить, всё ставить под сомнение. Это были главные постулаты моей семьи. Со временем я понял почему эти книги были под запретом. "За закрытой дверью", "Где не светит солнце", "Вспоминая неизвестность" и другие работы философов второго и третьего веков заставляли людей задавать неудобные для Ордена вопросы, на которые тот не имел ответов. Хотя нет – ответ был, и всегда лишь один: "Так задумал Основатель".

Вот уже прошло девять лет с тех пор, как дедушка пропал. Отец не говорил мне куда он делся, но убеждал, что с ним все хорошо, и что однажды он вернется. В это с трудом верилось, однако это была, пожалуй, единственная ложь, которую я слышал от отца, и я её принял, хоть и скучал по деду много лет.

Шёл 876 год с начала отсчета, сорок шестой день летнего солнечного цикла. Не прошло и нескольких дней с моего двадцатого дня рождения, как я принялся за работу. Мы с отцом занимались выращиванием зерна и жили, соответственно, в фермерской части города. Пару лет назад он травмировал ногу, и с тех пор я был главной рабочей единицей.

Этим утром мне нужно было сходить за новым точильным камнем, так как лезвия наших кос затупились за последние пару дней. Выходя из дома, я взял свой потрепанный рюкзак, положил деньги в карман и направился на рынок.

Сегодня к отцу должен был прийти его друг, они собирались раз в неделю, чтобы выпить и поговорить о своём. Если бы меня спросили – есть ли у меня друг, я бы наверное ответил, что нет. Но для остальных моим другом был Артур, потому что из всех знакомых с ним я проводил больше всего времени. Это было скорее случайностью, нежели осознанным решением дружить, наши отцы дружат, и работаем мы на соседних участках – вот оно так и получалось. Этим утром мы тоже встретились.

– Эй Коннор, – принаравливаясь к моему шагу обратился ко мне Артур, – я с тобой!

Я кивнул. Артур был кучерявым парнем, немного ниже меня ростом. Мы с ним были одного возраста, но волновали нас совершенно разные вещи. Он был наивен и простодушен – качества, которые позволяют людям быть счастливыми и беззаботными, которых был лишен я сам. Однако, за счёт легкости своего характера, Артур умудрялся зацепить беседой даже циника вроде меня.

– И что думаешь? – спросил он.

Я озадачено окинул его взглядом. В руках Артур держал поделку из дерева в виде зайца с сердечком в руках.

– Слишком рано, – ответил я, – у вас всё только закру-

тилось, а ты ей уже намекающие на глубину чувств подарки делаешь. Можешь её спугнуть, – попридержи пока коней.

– Ну что за облом, знаю что ты прав, но не хочу тебя слушать, – фыркнул он, пряча зайца в рюкзак за спиной. – Я веду её сегодня на озеро, и в этом ты меня не переубедишь.

– И не собирался, там хорошо. Погоди, – я замедлил шаг и показал пальцем на здание городского управления, которое было видно с любой точки города, – разве ты не хотел повести её туда?

– Да, – замешкался он, – не получилось договориться. Дядя сказал, что только завтра сможет меня привести. Но завтра Она не может.

– Я бы на твоём месте вообще ни о чём не просил этого фанатика.

– Да ладно тебе, – усмехнулся Артур, – Это же ты тут самый несогласный с Орденом, а мне как-то все равно. Да и к тому же он – тоже моя семья.

– Знаю, просто... – Поднялся сильный шум, заглушивший мою речь.

Мы повернулись к источнику звука. По тросу, что тянулся от городского управления до района фермеров, скользило два гвардейца Ордена Основателя. Они отцепили свои карабины от тросов и приземлились в пяти метрах от нас, прямоком на брусчатку по которой передвигались повозки. Двое мужчин лет тридцати были облачены в защитные штаны и жилеты из уплотненной ткани синего оттенка, на головах бы-

ли шлемы с эмблемой Ордена а на поясе красовалась кобура с револьвером. Они окинули взглядом прохожих и принялись патрулировать местность.

– Вот о чем я говорю, – вспыхнул я, – они везде, с их "штаб-квартирой" мы как под колпаком, мало того что оттуда весь город как на ладони, и чуть что произойдет из того, что они считают неприемлемым, они об этом узнают. Так ещё и растянули эти тросы по всем районам, как паук свои сети. Вот они – тут как тут!

– Я понимаю, Коннор, – и наверное тебя не переубедить, но из-за их контроля у нас почти нет преступности, все чувствуют себя в безопасности. Отец говорит, что до того как Орден пришёл к власти, было больше нищеты, а следовательно и преступности.

– Слушай. Да, они не тотальное зло. Просто я не могу принять то что люди ставят себя во главе только лишь потому, что проповедуют единственную общепринятую религию. Раньше религии были призваны давать людям утешение и прощение, им хотелось верить что после смерти нас не будет ждать забвение, что грех можно искупить хорошими поступками, что за нами приглядывает кто-то. На то она и вера, что людей к ней не принуждали. А сейчас вера – это закон. Не веришь во всемогущего основателя, нарушаешь закон.

– Ты же знаешь что другого ничего не осталось, ученые сдались, а других гипотез о сотворении давненько не появлялось, – пожав плечами сказал Артур.

– Прости, я вспылел, вечно одна и та же история, – сказал я, зная что этот разговор в очередной раз ни к чему не приведет.

– Это точно, улыбаясь, заключил Артур, – Помнишь, что сегодня мой отец к вам приходит, он принесет вино с нашего последнего урожая. Вышло отличным.

– Главное, чтоб они не перебрали, как в прошлый раз, – заявил я.

Пусть рабочий и торговый районы и не пестрили архитектурными изысками, эти трёх и четырехэтажные каменные здания с вдохновляющим, хоть и покрошившимся орнаментом на фасадах, дышали историей.

Именно с этих районов и начинался город. Сначала расположившись возле реки в паре километрах от "Главного" столпа, город разрастался в его сторону, и уже затем подножье стали обживать. Широкие улицы, выложенные каменной брусчаткой, освещали фонарные столбы, к которым вот уже сотню лет назад как подключили электричество, и небольшие территории, отведенные под нужды торговцев.

Ну а наверх, к противоположной стороне столпа, людей потянуло, как я считал, простое любопытство, ведь и по эту сторону, земель было более чем достаточно ещё на многие поколения вперед. Хотя я понимал – первопроходцев – я бы тоже хотел посмотреть на ту сторону. К сожалению, я родился в неподходящий момент. Доступ наверх всегда был лишь из стен здания городского управления, и с тех пор как там

стал заседать Орден, путь наверх был заказан.

Купив все необходимое, Артур ушел готовиться к вечерним посиделкам у озера, а я заточил косу и пошел работать. Как говорил мой отец, людям всегда будет нужен хлеб. Пусть я и не сильно горел желанием всю жизнь быть фермером, спорить с отцом было сложно, за счёт этой работы мы были обеспечены, и ни в чем не нуждались.

Правда, материальная обеспеченность не была в приоритете лично у меня. Я хотел понять, что же там, за пределами... Там, куда не доходит свет нашего солнца, понять в чём причина парадоксальности нашего мира. Неужели Основатель и правда есть, или всё же ученые сдались на полпути, и ответ можно было найти. Видимо, мне это любопытство досталась от деда, ибо у отца чувства авантюризма не было и в помине. По этой причине я перечитывал всё, что оставил дедушка. Все его журналы, все его находки. Но все они были больше философскими высказываниями, нежели чем-то конкретным. Интересно, нашёл ли дед то, что искал?

Я закончил когда уже вечерело, солнце тускнело, и заливало оранжевыми светом наш дом. Это было небольшое двухэтажное кирпичное строение с большой прилегающей территорией, отведенной под пшеницу, и скрытым от глаз посторонних подвалом где хранилась дедушкина коллекция. Помывшись, я поднялся в свою комнату, взял книгу с прикроватной тумбочки и пошел во двор к дереву, у которого я всегда отдыхал с книжкой. В местах, где меня могли уви-

деть, я читал только разрешенную литературу. Сегодня это была обычная фантастика про магию и драконов, легкое чтение чтобы расслабиться после рабочего дня. У меня был час, пока солнце не потемнело окончательно.

Отец Артура, дядя Джек, пришел немногим позже. Пусть моё «читальное» дерево и находилось на немалом расстоянии от дома, до меня все же доносились разговоры двух мужчин, опустошивших бутылку вина за 20 минут.

– Послушай меня Алан, – доносился голос дяди Джека, – все виноделы знают, что в сок сахар добавлять не надо, он и так перебродит. Так ты портишь вкус.

– Но так вино выходит крепче, и с этим ты уже ничего не поделаешь, – отвечал ему отец.

– Разве это главное? Вот попробуй, почувствуй аромат.

– Это уже вторая бутылка, Джеки, я уже прочувствовал все что можно.

– Вон, Коннор еще не пробовал, пусть он скажет какое вкуснее, с сахаром или без. – предложил дядя Джек.

– Он у меня не пьющий, я ему уже много раз наливал, не хочет и все тут.

– Но это же ради науки.

– Я же не учёный, – крикнул я достаточно громко чтобы меня услышали.

– Тогда мы с твоим папкой всё выпьем, – усмехнулся Джек.

Когда стемнело, я пошёл в свою комнату и прикрыл дверь.

До меня продолжали доноситься их голоса, но мне они не мешали. Страница за страницей фэнтезийная писанина походила к концу, а веки наливались тяжестью. "Еще главу, и спать", – подумал я, как тут же раздался глухой стук.

– Что случилось? – крикнул я отцу.

– Джек упал, все хорошо, не переживай, – крикнул отец.

Я пожал плечами и продолжил читать. Спустя десять минут в комнату зашел отец и присел на спинку моего кресла. На его лице была легкая ухмылка.

– Сын, – сказал он, – идём выпьем.

– Пап я же не пью, а дядя Джек все уже?

– Да, он уже ушел. Знаю, что не пьёшь, пошли один стаканчик, хочу поговорить с тобой.

– Ладно, – решил я, отец никогда раньше не предлагал с ним выпить, да и пьяным он не выглядел.

Мы спустились на кухню и сели за стол, на котором стояло два стакана. Отец откупорил вино, которое, как он говорил, хранилось для особых случаев, и разлил по стаканам.

– А разве это не...

– Да, – прервал меня папа, – это дедушкино вино, сегодня особенный случай.

– И что за случай? – меня распирало любопытство. Более того, это вино было старше меня, и вот его-то я всю жизнь хотел попробовать.

– Сын, я знаю что у тебя, как и у моего отца, есть эта тяга к неизведанному. Знаешь, в детстве я тоже был поглощен

книгами – теми, что дедушка приносил. Но из-за своей жажды знаний, он редко бывал дома. Я наблюдал за детьми, чьи отцы всегда были рядом и хотел того же. Но никогда не говорил об этом. Я знал как важно для него то, что он делает, и я уважал это, но для себя я решил, что буду другим отцом. Буду всегда рядом со своим ребёнком.

– Познакомившись с твоей матерью, я окончательно позабыл про все эти книжки и "бесценные" знания. Я хотел жить ради неё, она была замечательной. Затем появился ты, – отец улыбнулся, – мы были безумно счастливы. А потом она умерла, болезнь унесла её за месяц. И у меня остался ты один. Я дал себе слово, что буду хорошим отцом.

– Ты отличный отец, пап, – прервал его я, но он продолжал.

– После того как Орден пришёл к власти, твой дедушка стал больше проводить времени дома, он помог мне воспитать тебя, и я был рад, что он стал уделять тебе внимания больше, чем мне когда-то мне. Особенно учитывая, как сильно вы с ним были похожи. Я был уверен, что он закончил со всеми своими поисками ответов, что он решил, наконец, пожить для себя, для нас. И ты знаешь, что дальше случилось.

– Скорее не знаю, – добавил я.

– Да. Ты, наверное, думаешь, что я скрыл от тебя правду, я не умею врать, твоя мать всегда мне это говорила. Это так, – ухмыльнулся он. – Но я правда не знаю где он, однако я знаю

почему он ушел.

– Незадолго до исчезновения, он сказал мне, что нашел зацепку, подсказку, которую искал всю жизнь, то что поможет узнать правду, которая скрыта за горизонтом. Я надеялся что он передаст эти знания кому-то помоложе – все же ему шёл уже шестой десяток. А сам будет лишь наблюдать. Но в один день он пропал. Видимо, он хотел узнать всё сам. Увидеть своими глазами.

Отец поднес стакан к губам и сделал небольшой глоток. Я последовал его примеру. Вино, правда, оказалось приятным на вкус, может я чаще бы пил, если бы всё вино было таким.

– Вино он делать умел, – улыбнулся отец, – Да ведь?

Я кивнул и сделал еще один глоток.

– Я думал обо всем этом, много думал, – продолжал он свою мысль, – вот что бы ты сказал, если бы я предложил отправиться в путь, на встречу неизведанному, попробовали бы найти дедушку. Узнали бы как там по ту сторону солнца. Говорят, море, омывающее город Возвышение всегда теплое, не то, что наши реки. Устроили бы себе приключение.

Я был ошарашен, наверное, если и было в мире что-то, чего я уж точно не ожидал услышать, так это призыв моего отца отправиться в приключение. Идея была настолько интересна в теории, настолько же абсурдна на практике.

– Пап, это в тебе вино говорит, – засмеялся я.

– Пусть так, – продолжил он с азартной ухмылкой, – но вот если бы это сделали, что бы ты взял с собой. Путь длинный

подумай хорошо.

– Ага, я понял, это вроде игры. Ладно, давай подумаем. Предположим, что для начала мы хотим попасть на ту сторону, так? Через здание городского управления мы бы не пробились, но, допустим, нас пропустят? В первую очередь нас ждет преодоление столпа, с твоей-то ногой... Ну, да ладно, это двадцать километров вверх и затем двадцать – вниз. Это где-то четыре дня в пути: нужно взять с собой провианта на эти дни, спальные мешки, воду и очень удобную обувь. Как рассказывал дедушка, подъем там достаточно крутой. В возвышении можно было бы заправиться, хотя вдруг там наши деньги не котируются, – подработали бы. Затем, на выбор – море лес или поля. В зависимости от выбранного направления. Что думаешь? – спросил я.

– Ты абсолютно прав, но знаешь, надо еще взять с собой головной убор, ведь на столпе будут прямые солнечные лучи, а вот спальные мешки нужно брать максимально лёгкие, чтобы не тащиться с ними. И какую-нибудь тетрадь чтобы всё записывать, или зарисовывать, – представляешь, какие виды будут простираться с Главного? Я бы запечатлел вид с уровня солнца, между горизонтами, где до обеих плоскостей равное расстояние. Чтобы облака были, как будто отражены зеркально. Твой дедушка говорил, что это самое прекрасное, что он видел в жизни.

– Помимо бабушки? – саркастично сказал я.

– Конечно, помимо мамы, – засмеялся отец.

Этот разговор продлился еще минут пятнадцать, и у нас обоих стали смыкаться глаза. Я не знал, чем был вызван этот разговор, но я был безумно рад что он состоялся, как будто мы говорили о том что всегда весело в воздухе, но на этом стояло какое-то негласное табу. Бутылку мы не допили, но добрую половину опустошили, встали из-за стола и отец обнял меня.

– Завтра утром к нам могут прийти гости, так что не шуми, – сказал он, когда я стал подниматься к себе.

– Гости? – переспросил я, – кто?

– Не столь важные, по поводу зерна, новые покупатели, – сказал он махнув рукой. – Ложись спать.

– Спокойной ночи, пап.

– И, Коннор, – окликнул меня отец на пол пути, – я люблю тебя.

– И я тебя люблю, – сказал я улыбувшись. И ушёл в свою комнату.

Наверное, я был бы озадачен оттого, что отец был сегодня так сентиментален, но я списал это на вино и на нашу интересную беседу. Завалившись в постель, я заснул почти сразу, успев лишь на пару мгновений задуматься: "что бы всё это значило?"

На следующее утро я проснулся чуть позже обычного. Меня разбудил стук по входной двери дома, достаточно громкий и настойчивый, чтобы я его услышал со второго этажа.

Услышав, как дверь открылась, я вспомнил про то, что кто-то должен был прийти. Раз уж проснулся, то надо было встать. Когда я поднялся с постели, мне бросился в глаза рюкзак, упёртый о комнатную дверь. Надев штаны и футболку, я подошёл к рюкзаку, он был чем-то набит под завязку и к нему прикреплена записка. Я взял её в руки и начал читать.

«Сын, если ты проснулся от стука в дверь, значит они все же пришли. Мне жаль, но Гвардейцы Ордена меня арестуют. Прошу не вмешивайся и не попадайся им на глаза, иначе тебя тоже арестуют. Уходи через окно. Спрячься, беги через соседнее кукурузное поле. Не нужно меня спасать, я знаю, на что иду. Прости меня Коннор. Беги!»

Это какая-то шутка? Продолжение вчерашней игры в "Что если?". Я не мог понять, что значило это письмо, но все же насторожился, следуя совету отца. Бесшумно открыв двери, я вышел из комнаты и подошёл к лестнице, откуда открывался вид на гостиную. В ней стояло три гвардейца, один из них держал отца за плечи, второй сторожил вход, а третий поднимал ковёр под которым находился вход в дедушкин подвал.

– Алан Мейер, знаете ли вы что все помещения в месте проживания должны быть зарегистрированы и указаны в плане. – надменным голосом говорил гвардеец поднявший ковер. – Этому дому уже более пяти десятков лет, и я не думаю что вы не знали об этом помещении.

– Как я мог о нём знать, если оно под ковром спрятано, –

ехидничал отец.

– Шутите, Алан, это здорово, люблю хорошую шутку. – Он потянул за ручку и открыл люк в подвал. – Вот, например, хорошая: "Казнь так смешна, что люди аж голову теряют".

– А вы уверены что стоило идти в гвардию- с такими шутками на сцену нужно. – Продолжал дерзить отец.

– Посмотрим что тут у нас, – гвардеец спустился вниз, – Надо же, —доносился из подвала его голос, – да тут целый клад!

Он неспешно поднялся по лестнице, держа в руках две книги из списка запретных.

– В наручники его, – сказал гвардеец, – думаю вам известно, что эти книги под запретом, как и десяток других в этом подвале. Сожалею, но ваша любовь к остротам вас никак не спасёт. Именем Гвардии Ордена Основателя я задерживаю вас за хранение незаконных объектов в незарегистрированном помещении. Вы будете помещены под стражу и преданы суду, который вынесет окончательный приговор. Мы знаем что с вами проживает ваш сын, Коннор. Как совершеннолетний, он тоже будет задержан и отвечать перед законом. Он дома?

– Нет, он переехал, в домик на дереве.

– Что же, раз вы не хотите сотрудничать, мы сами его найдем. Обыскать дом. – кинул высший гвардеец.

Я оцепенел, я должен был освободить отца, но и сам не

должен был попасться, мой мозг перебирал десятки вариантов, и все они заканчивались плачевно. Гвардеец, стороживший вход, начал двигаться в сторону лестницы. Мой отец бросил на него взгляд и увидел меня. Мотнув головой, он дал мне понять что надо бежать. Но я не мог его бросить. И тогда он предпринял последнее действие.

Он выхватил револьвер из кобуры гвардейца, находящегося в шаге от него и направил на идущего в мою сторону. И я не смог больше молчать.

– Отец нет, – крикнул я и незамедлительно услышал выстрел, произведенный высшим Гвардейцем. Брызнула кровь. Отец упал на колени, и собрав остаток своих сил, крикнул: "Беги Коннор!". Моё сердце в этот момент остановилось, и мир замер. В папу выстрелили, он сделал это, чтобы отвлечь их внимание. Он пожертвовал собой, чтобы я мог уйти. Я не мог его бросить, но я понимал что отец сделал всё, ради моего спасения. И я принял это. И я побежал...

Вернувшись в свою комнату, я схватил рюкзак, захлопнул за собой дверь и побежал к окну. Раскрыв его, я вылез и выпрыгнул во внутренний двор нашего дома. Двадцать метров – и я уже был в поле. Позади меня всё еще были слышны их перекрикивания.

– Зачем ты стрелял? – кричал один.

– Он выхватил револьвер, что мне оставалось?

– Его смерть на твоей совести.

Я услышал это. Услышал отчетливо, сквозь прерывистое

дыхание и шелест пшеницы. Отец погиб. Был убит в попытке меня спасти. Я должен был выполнить его последнюю просьбу, должен был убежать.

Пробежав метров сто, я перепрыгнул через полуметровое ограждение и очутился на кукурузном поле. Мой рост не позволял мне раствориться в нём, и я стал двигаться, согнув спину. Тяжесть рюкзака, бьющие по лицу листья, ноги будто потяжелевшие вдвое из-за непрекращающегося бега, несмотря ни на что, я продолжал бежать. Когда дыхание сбилось окончательно, и ноги уже не могли продолжать движение, я остановился. Мой мозг работал, как никогда быстро, перебирая в голове места, где я мог бы спрятаться.

– Это Джек, – подумал я, – это он сдал нас. Нет, нужно сначала спрятаться.

Я отгонял мысли об отце в сторону, но они продолжали накатывать.

– Я их всех убью, – мелькало в голове. – Они поплатятся. Артур знает? Он тоже предал нас?. И тут меня осенило. Озеро! Возле озера была возвышенность с лесной рощей, там бы я спрятался за деревьями и мог бы просматривать территорию.

Путь был неблизкий. Через кукурузное поле я преодолел полпути. Затем последовало ещё два почти пустых участка. Вариантов не было, пришлось пойти на этот риск. Осмотревшись по сторонам, я убедился, что никого не было, отдышался, и побежал что есть сил.

Двести, триста, четыреста метров, силы заканчивались. Но я был уже близко. Преодолев последний участок, я вышел на дорогу. На ней у меня не было шансов оставаться незамеченным. Но я знал, кто жил в тех трёх домах, что располагались у дороги. Все что я мог это сделать вид, что я просто иду по делам, и надеяться, что они никому меня не сдадут. "А что если они уже знают? Нет, они бы не успели", – подумал я.

– Здравствуй Коннор, – раздался голос пожилой женщины.

Вот и первый свидетель

– Здравствуйте, Гerti, прекрасный день чтобы сходить в горы, подышать воздухом, – сказал я, махая ей рукой. Она была хорошая женщина и не выдала бы меня, зная, что мне грозит тюрьма, а то и хуже. Но ей могли бы сказать, что меня ищет отец или другую никчемную ложь, лишь бы вытащить из старушки правду. Горы были в противоположной от озера стороне, так что я надеялся, что выиграл себе время.

– Какой ты молодец, – кинула она вдогонку, – только смотри не сиди там допоздна, чтоб отец не переживал.

Я улыбнулся и кивнул ей. Выйдя из её поля зрения, я снова побежал. В воздухе уже витал запах озера. Спустя еще пять минут неспешного бега, я пришёл. Озеро было небольшим, его можно было всё разом охватить взглядом. В этот день ветра не было и его плоскость как зеркало отражало плывущие по небу облака. Я забрался на холм, который так

удачно зарос деревьями и кустами. Нашел место, где можно было спрятать себя со всех сторон. Спустя пару минут я кинул рюкзак возле крупного дерева, окруженного густыми кустами, в ста метрах от берега. Наконец-то я мог перевести дух. И понять что произошло.

Отец погиб, ради чего, зачем. Как они узнали? Джек был у нас вчера, может он заметил люк? Неужели он нас выдал? Разве они не были друзьями? Чёрт. Что дальше, что мне делать? Так вот что отец мне вчера говорил. Уйти, уйти далеко, и не возвращаться. Дома больше нет. Стоило предвидеть, что это произойдет. Нет, как тут угадаешь? Папа. Стоп. Он собрал мне рюкзак. Наверняка он туда положил, что-то важное. Я положил рюкзак на колени и расстегнул молнию. Сумка была забита, там было все, о чём мы с отцом говорили накануне. Вода, паёк для походов, лёгкий спальный мешок, комплект сменной одежды, и удобная обувь. И только сейчас я осознал, что всё это время бежал босиком. Я надел кроссовки на побитые и грязные от пыли ноги, и продолжил рыться в сумке. В малом отделении, что было закрыто отдельной змейкой, я нашел то что искал – блокнот, из которого торчало два потёртых листка. Я достал их, это были записки. Первая – явно написанная отцом. С нее я и начал.

"Коннор, хотел бы я, чтобы ты не читал эту записку. Но если ты держишь её в руках значит произошло одно из двух, меня взяли под арест, или же я погиб, припятствуя аресту. В обоих вариантах я прошу тебя, не вини никого. Вчера ночью

Джек напился и споткнулся о ковёр, так он и увидел люк. Ты же знаешь что он послушный следователь правил "Ордена", не думаю что он хотел чтобы всё так вышло. Я сам виноват. Давно было пора избавиться от тех книг, но я продолжал их хранить на память. Это все что после себя оставил мой отец.

Мне жаль что так вышло, но пойти с тобой я не мог, с моей ногой я был бы обузой. Тебе придётся покинуть Новое Начало. Ты помнишь вчерашний разговор? Попади на ту сторону, там тебя искать не будут, но я тебя знаю, мой сын не сможет просто осесть на месте. И поэтому, я оставляю тебе письмо, что оставил дедушка перед тем как ушёл. Я не хотел тебе его показывать до определенной поры, зная что ты захочешь отправится за ним. Но теперь тебя ничего не сдерживает, и ты можешь предпринять путешествие о котором всегда мечтал.

Тебе будет не просто, проявляй осторожность, и доверяй только тем, кто чист сердцем. Звучит как-то приторно, но ты меня должен понять. Я воспитал хорошего человека, и я в тебе уверен. Настал твой час, ты волен выбрать свой собственный путь. Уверен что на этом пути нет места фермерству.

В рюкзаке я оставил все самое необходимое на неделю пути, не ленись и проверь все, какое-то время придется обходиться только этим. Самая сложная часть – это преодолеть "Главный". А значит, пройти через штаб "Ордена", знаю что звучит как что-то невозможное. Но путь есть, за последние пару лет были случаи когда люди перебирались на ту сторо-

ну, к сожалению я не знаю как. И тут тебе придётся действовать по обстоятельствам.

Мы с мамой всегда тобой гордились. Береги себя, и удачи. Я люблю тебя, сын."

Слёзы скатывались по моим щекам и падали на лист, размывая буквы. Я не знаю, что я чувствовал. Горечь, злость, гордость, радость, отчаяние, или всё и сразу. Годами я думал о том, чтобы отправиться в путь, пойти по стопам дедушки, и найти его, но никогда и представить не мог что мне придется это сделать. И по факту у меня не было выбора. Отец был прав – просто осесть где-то, я не мог. Дома у меня больше не было. Во мне жило желание отомстить, но он бы этого не хотел. Не ради этого он отдал свою жизнь, чтобы я кого-то за это наказывал. Но я хотел бы узнать, зачем. Почему Джек рассказал "Ордену" про люк? Обдумывая прочитанное, я забыл что у меня в руках был ещё один лист. Он был от дедушки.

"Алан, Коннор, написав эту записку я поступил как трус, потому что побоялся сказать вам это, глядя в глаза. Годами я ждал момента, когда я смогу отправиться в путь, но я не мог вас бросить. Но когда я увидел, как вы повзрослели, увидел, что я был вам больше не нужен, я понял, что нужный момент настал. Всю свою жизнь я провёл в поисках – в поисках конкретной книги. И я её нашел, она дала мне именно то, что я надеялся в ней увидеть, и даже больше. Впоследствии я нашёл еще два экземпляра, и у меня есть все пред-

посылки считать, что больше их не осталось. Одну я взял с собой, а две другие, я закопал по этим координатам. X:— 10.316 Y:03.120. Будьте внимательны. В этой книге зашифрован путь. Я надеюсь, что вы не последуйте по моим стопам, и проживёте нормальную спокойную жизнь. Я не говорил вам, но я не первый в нашей семье, кто ушёл на поиски ответов. Мой дед поступил так же, как сейчас делаю я. Дождался, когда все подрастут и не будут в нём нуждаться, и ушёл. Похоже, у нас это семейное, да Коннор? Отговаривать тебя от той же участи я не смогу, но если ты решишь, что хочешь этого, я смогу помочь. В книге я оставил инструкции, которые помогут тебе разобраться. Я желаю вам прожить счастливую жизнь, и не стоит обо мне грустить, ведь я отправился на встречу тому, что искал всю жизнь. И пусть мне горько вас отпускать, — но если я найду то, что ищу, я смогу обрести счастье. Люблю вас. Прощайте."

Внизу страницы был нарисован знак в виде песочных часов без верхней крышки.

Причина, по которой отец не показывал мне это письмо, стала ясна спустя несколько строк. Слезы больше не накатывали на глаза, а разум начал проясняться. В это день я потерял отца но узнал правду о пропаже дедушки, и обрёл цель. Рассудок был чист, многочисленные вопросы, которые у меня оставались, на время перестали меня тревожить. Теперь я точно знал, что мне нужно делать.

Отогнув ветки кустов, я посмотрел на тропинку, с кото-

рой пришел. Там никого не было. Поняв, что у меня есть время в запасе, я стал перебирать рюкзак. В том же отделении, где был блокнот, лежали карта компас и несколько ручек. Я достал карту и развернул её на земле. И стал искать координаты.

– Минус десять, – бубнил я под нос ведя пальцем по карте, – ноль три... Ясно.

Я хорошо знал это место, к счастью для меня, это был безлюдный участок, в полесье. Он был немногим дальше места, где я сейчас находился. Но была одна существенная проблема, перерыв рюкзак вдоль и поперек, я точно знал, в ём не было ничего для вскапывания земли. "Папа, ну как же так?", – подумал я. Дома не было недостатка в инструментах, но вернуться туда было бы самоубийством.

Укладывая всё обратно в рюкзак, я услышал отдаленные звуки голосов, отодвинув ветки, я увидел гвардейцев, двоих из трёх. На секунду меня переполнила злость. Однако она быстро отступила, когда я увидел что они идут в сторону горной тропы. "Спасибо Герти", – подумал я, и стал наблюдать как они удаляются.

Убедившись что путь чист, я выбежал на тропу, ведущую в город. Я знал, что мне нужно делать, но не был уверен в здравости этой идеи. Может стоило лучше всё обдумать, но времени было в обрез, – молва о беглеце разнесётся быстро. Нельзя было медлить, сегодня я должен был покинуть Новое Начало. Через пару дней листовки с моим лицом раскле-

ят повсюду, и скрыться будет уже невозможно. Скорее всего меня назовут политическим преступником, или опасным беглецом.

За хранение запрещенной литературы не казнили, но провести всю жизнь в одиночной камере – тоже как-то не прельщало. "Орден" считал распространение знаний, полученных из этих книг, ересью, опасной для их правления. Чем больше людей задумывалось о правдивости высказываний "Ордена", тем менее стабильным было бы их положение. "Мы говорим от лица Основателя", – повторяли они. Мне было интересно, верили ли они сами в то, что говорили? Как знать....

Я рисковал, возвращаясь в город. Иначе было нельзя. В фермерском районе жило немного людей, но я всё равно пытался по возможности избегать любых контактов. Попадаясь кому-то на глаза я вёл себя спокойно и не выдавал свою тревогу. "Думаю они еще не знают", – утешал я себя.

Я дошел. Надежда была в том, что меня не будут искать так близко к дому, ведь ферма Артура была по соседству. Я не знал – мог ли я ему доверять, особенно после того что сделал его отец, но у меня не было выбора. Он стоял возле входа в складское помещение, где хранились инструменты. Нужно было сделать все тихо. Я перелез через ограду и бесшумно подошёл к Артуру со спины.

– Артур, – тихо сказал я, схватив его за шею правой рукой и закрыв рот левой. – это я.

Артур опешил, он был довольно боязливым и не оказал и малейшего сопротивления "Не закричишь?", – спросил я. Он помотал головой, и я его отпустил.

– Коннор, – начал говорить он шепотом, – что происходит, почему тебя ищут?

– Ты не знаешь?

– Здесь были гвардейцы, сказали что ты нарушил закон и укрываешься от ареста. А твой отец, он...

– Застрелен. Это же может произойти и со мной, мне нужна твоя помощь, – сказал я.

– Что угодно, – в его глазах была искренность, похоже он правда хотел помочь.

– Для начала ты должен понять, что мы не сделали ничего плохого, и тебе я не причиню вреда. Мне нужна лопата, небольшая, и сейчас не могу никому доверять, поэтому ты пойдешь со мной, чтобы я был уверен что ты никому ничего не скажешь.

– Конечно, я тебя понял, – он схватил с верстака небольшую ручную лопату, больше похожую на шпатель, и махнул головой дав понять, что он готов.

Наш разговор только должен был состояться, но не здесь. Мы пошли к отмеченным на карте координатам. Я выбрал другую тропу, на которой меня ещё не видели. В любом случае, пройти полностью незамеченными не было шансов.

– Гвардия, —прошептал Артур, когда мы прошли половину пути.

Из за угла в ста метрах от нас вышло два патрульных. Мы незамедлительно свернули в дворик с яблоневым садом. Хозяева этого участка как раз в этот момент собирали урожай в двух рядах от нас – у нас была возможность пройти незамеченными ещё немного. Прошмыгнув через несколько участков мы вышли за городскую черту и бегом отправились в лесок.

Дойдя до места, я начал отсчитывать шаги, место нужно было найти с предельной точностью. Сверившись с картой еще пару раз, я нашел то, что нужно. Взяв у Артура лопату, я принялся выкапывать, а его попросил выгрести землю, взрыхлённую мной, лишь для того, чтобы он был на виду. Я всё еще не мог ему верить.

– Коннор, скажи что происходит? – шепотом говорил он.

– Твой отец, – сказал я, не сдерживая агрессии, – он сдал нас "Ордену", настучал им что у нас есть незарегистрированное помещение. А в нем были дедушкины книги, часть из которых запрещены.

– Нет, папа не мог...

– Но он это сделал! – крикнул я, – ясно? Вчера он был у нас, и увидел подвал, а сегодня к нам пришли.

– Я видел вчера отца, сразу после пьянки – он пришёл домой и вырубился. Когда бы он это сделал?

– По чем мне знать? Видимо успел, может утром. Это уже не важно. Ты знаешь наказание за хранение запрещенной литературы?

– Но ты же можешь заявить в суде, что не знал про это помещение, и что книги не читал.

– И что это даст, сяду не на всю жизнь а лет на двадцать? Отец хотел, чтобы я покинул город, и я это сделаю.

– Как ты собираешься уйти? – озадачился Артур, – уже лет двадцать, как путь закрыт.

– Поэтому мне нужна твоя помощь ещё кое-в чём. – сказал я, перестав копать. – Твой дядя. Мне нужно чтобы Ричард провёл меня в здание Городского Совета.

– Ты спятил? – воскликнул Артур. – Ты хочешь проникнуть в самое логово людей, которые на тебя охотятся?

– Это единственный путь, и ты это знаешь, – настаивал я на своем, – он же проводил тебя на крышу, так?

– Да, но ты же знаешь что он предан "Ордену".

– Поэтому я прошу тебя. Попроси его сделать эту услугу, скажи, что твой отец об этом попросил, у меня основание полагать, что в главном штабе ещё не знают обо мне. Те кто пришёл к нам в дом, это главные по нашему району. Полагаю, твой отец сказал им, а они пришли к нам, не сообщая в штаб. Они не будут сообщать начальству, пока не поймают меня, в противном для них случае, им несдобровать, ведь один нарушитель убит, а другой – в бегах.

– В твоих словах есть смысл, к нам заходили именно те трое, о которых ты сказал. Значит у тебя есть еще несколько часов, пока они не вернулись с твоих поисков и не оповестили "Орден".

– Именно так. – подтвердил я, – поэтому сейчас я прошу тебя мне помочь в последний раз, поговори с Ричардом, попроси пропустить меня. Сошлись на то, что мне нужно увидеть город с высоты для вдохновения или еще какуюнибудь чушь, может, что я смертельно болен, неважно, мне нужно попасть внутрь, дальше я буду действовать по обстоятельствам.

– Хорошо, я сделаю всё, что в моих силах, Коннор, мне правда жаль, что так все вышло, ты можешь мне верить. – заявил Артур.

– Я хочу тебе верить, но я все же перестрахуюсь. Мы вместе дойдем до торгового района, а затем разойдемся по разным улицам. В трёх сотнях метрах от здания Городского Управления есть магазин сладостей "Маршал Меллоу", если тебе удастся уговорить дядю помочь, встань возле вывески и подними правую руку. Если же нет – то левую. Убедившись что за тобой нет хвоста, я подам тебе знак. Три коротких свиста. После чего ты уйдешь домой, как ни в чем не бывало.

– Хорошо, я всё понял. Ричарду сказать что ты подойдешь сам?

– Да, пусть ждет меня у входа, он меня знает с детства так что, надеюсь, лишних вопросов не последует.

– А что если в штабе о тебе уже знают? – задал вопрос Артур.

– Как я и говорил, буду действовать по обстоятельствам. Мы с Артуром, еще раз повторили план действий и согла-

совали версию истории которую нужно было сказать Ричарду. И продолжили копать. Наконец-то лопата наткнулась на что-то твердое. Это была металлическая шкатулка размером с предплечье. На её крышке был вырезан знак, который дедушка оставил внизу письма – песочные часы без верха. Затаив дыхание, я открыл шкатулку. В ней лежала завернутая в ткань и брезент книга. Осторожно развернув оба слоя защиты, я достал книгу. Книгу сказок с названием: "Место под солнцем"

Сверху вниз

Я никогда не видел подобную книжку, и не слышал такого названия, даже в списке запрещенных она не числилась. Книга выглядела довольно старой, но состояние у неё было очень хорошее. На обложке – заяц лежал на траве упираясь спиной о ствол дерева. "И на её поиски дедушка потратил всю жизнь?", – подумал я. Времени на ознакомление у меня не было, но любопытство было очень сильным, и я открыл её и пролистал. Она вся была исписана заметками и комментариями явно оставленными моим дедом. Судя по стилю и иллюстрациям, это был сборник сказочных рассказов объединенных одним главным персонажем, зайцем Адамом.

– Только одна? – задумчиво произнес я.

Я завернул книгу обратно в ткань и положил в сумку. В шкатулке больше ничего не было, и я вернул её в яму, присыпав землёй. Пора было выдвигаться. Я закинул рюкзак на спину, дал отмашку Артуру, и мы отправились в город. Хоть я и верил в свою теорию о том, что обо мне ещё не сообщили в штаб, мы пытались обходить любых гвардейцев издалека. Транспортировочные тросы, что нависли над городом были в этот раз нашими союзниками. Мы заранее могли видеть в какой район отправились патрульные. И обходить его стороной. Хоть я уже давно не смотрел на часы, но понимал, что

близился полдень. "Слишком много событий для нескольких часов", – подумал я. Спустя полчаса с момента выхода – мы были в торговом районе.

– Теперь мы расходимся, – сказал я командным тоном, – я рассчитываю на тебя.

– Мы больше не увидимся? – спросил Артур.

– Если все будет хорошо, то нет, – ответил я тихо.

– В таком случае, это прощанье

э. – он протянул мне руку, – удачи тебе, Коннор, мне жаль что все так вышло, но я верю, что у тебя все получится. Как знать – может еще увидимся?

– Время покажет, – сказал я, пожав ему руку, понимая, что больше его не увижу.

Улыбнувшись друг другу напоследок, мы разбежались по сторонам. До центра, если торопиться, можно было добраться за полчаса. Оббегая патрульных гвардейцев, я преодолевал квартал за кварталом, торговый, затем рабочий, и вот я уже был в центральном районе. Здешние здания были самые высокие в городе. Семи, восьмиэтажные со скульптурами на фасадах, – дома были один краше другого. Именно здесь жили главы "Ордена" с семьями, главы рынков и руководители горнодобывающих предприятий. На них не распространялось правила о равенстве доходов, так как именно они и были главными работодателями всего города.

Дойдя до магазина сладостей, куда должен был подойти Артур, я начал выбирать удобную позицию для наблюдения.

Выбор пал на лавочку – в сотне метров от магазина. Дабы не привлекать внимание запотевшей от бега футболкой (всё-таки в этом районе люди одевались попрезентабельнее чем в фермерском), я достал из рюкзака кофту и надел её. Отец также положил мне панаму от солнца, но, думаю, она бы только привлекла внимание надень я её.

С каждой проведённой в центре минутой, моя "параноя" усиливалась. Я не мог быть уверен в том, что штабу ещё не сообщили, и, к тому же, я не просто был рядом с ним, я намеревался войти в самое его сердце. По дедушкиному описанию вход к подъёму находился аккурат посередине здания, нужно было высматривать двойные металлические ворота. "А если они закрыты", – подумал я, что только усиливало мое волнение. Я шёл в самое логово тех, кого терпеть не мог, а теперь ещё и тех, кто хочет меня посадить пожизненно, а может и казнить, вот уж в чём я не мог быть уверен.

Минуты тянулись как часы, мой взгляд бегал по сторонам непрерывно: "Где Артур, может он уже сдал меня? Нет. Думаю он не предал бы меня. А что если Ричард не согласился? А что если согласился и уже устроил мне ловушку?". Мысль за мыслью пролетали у меня в голове, и в них не было ничего оптимистичного. Как вдруг в моё поле зрения попал Артур, он неспешно шёл к обусловленному месту, он не оглядывался по сторонам, что могло говорить об его уверенности в том, что за ним нет слежки.

Он подошёл к магазину сладостей "Маршал Меллоу",

встал под вывеской, и медленно поднял правую руку. Он подал мне знак, знак, что все идет по плану, и Ричард ждет меня у входа. В то, что меня не схватят как только я подойду к зданию, верилось с трудом. Но мешкать было некогда, всё ещё был шанс, что обо мне не знают. Я поднялся с лавочки и начал обходить квартал с другой от Артура стороны, он не должен был меня увидеть.

Он хотел пойти со мной внутрь, но я не мог допустить чтобы его в случае моего ареста считали бы соучастником. Если бы его обвинили, что он попросил меня пропустить, он бы мог сказать, что не знал о моих планах, и что я его обманул. В любом случае, механизм был запущен.

Пройдя еще пару кварталов, я вышел к главному входу в здание городского управления. Оно находилось на вершине подножья, но вход был внизу на уровне с остальными зданиями. Возле входа стоял Ричард и с кем-то говорил. Дабы не рисковать, я подождал пока его собеседник не ушёл, и лишь тогда вышел к нему навстречу. Он был довольно высоким и худощавым мужчиной лет тридцати. На правом поясе у него весела связка ключей, а на левой стороне в кобуре была дубинка. Увидев меня, он улыбнулся и помахал рукой.

– Коннор, давно с тобой не виделись, как ты? – сказал он и протянул мне руку.

– Привет, Ричард, – изображая искреннюю улыбку начал я, пожимая ему руку, – Сам понимаешь, ферма занимает много времени, вырваться в центр редко получается.

– Да уж, я и с братом из-за этого редко вижушь. Ну что пойдём? – он указал на вход, и мы выдвинулись

– Коннор, ты даже не представляешь как вовремя ты пришел.

– И почему же, – спросил я изображая любопытство, хотя внутри всё сжималось.

– Прокатишься на подъемной системе, которую установили буквально пару месяцев назад. Даже Артур её не видел ещё. Раньше приходилось подниматься по ступенькам на высоту двадцати этажей, а сейчас, встал на платформу, и она тебя поднимает куда нужно.

– Здорово, – в это раз искренне ответил я, – работает на электричестве?

– Да, сейчас увидишь.

Мы прошли метров двести от входа в здание и подошли к прямоугольной клетке. Ричард взялся за рукоять, потянул справа налево, открывая вход в клетку. Мы зашли внутрь, он закрыл её тем же движением и нажал на кнопку с надписью "Холл". Мы стали подниматься.

– Здорово, правда? – спросил Ричард.

Он казался хорошим парнем, но его чрезмерная преданность Ордену не давала мне покоя. Он работал у них в отделе коммунальных служб и часто говорил моему отцу, что тот неправильно распоряжается водой. То он сильно много тратит на полив, то у него выгребная яма для слива отходов не того диаметра, поэтому мы и недолюбливали его. Но всегда

оставались вежливыми.

Прозвенел колокольчик. Мы прибыли на место, Ричард распахнул клетку, и мы очутились в огромном помещении с множеством дверей по правую сторону, и лишь одними железными воротами по левую сторону. "Может, это оно" подумал я. До них было идти метров сто, а у меня все еще не было идеи, как туда попасть. Все что я мог – это тянуть время.

– Спасибо что впустил меня, – начал разговор я.

– Никаких проблем, я и не думал что ты художник, знал бы, что ты можешь срисовать город отсюда, сам бы тебя позвал. Это какая же картина может получиться!

– Да, я как-то не думал, что это уместно просить о таком, но Артур сказал, что сегодня может выбить такую возможность.

– Сегодня просто начальство взяло выходной, и обычно они не против, чтобы мы водили сюда гостей, – он наклонился ко мне поближе, и прошептал, – если они не узнают.

– Здорово, – сказал я, – я на всякий случай взял и карандаши и краски, в общем, целый рюкзак накидал.

Пока мы шли, справа от нас сменялись однотипные двери, отличавшиеся лишь табличками. В попытке найти зацепку, я читал каждую надпись и не мог не заметить, что мы прошли мимо двери с надписью "Крыша". Но почему?

– Надо было и отца привести с собой, не каждый же день экскурсии по священному месту проводят – сказал он, и ме-

ня передернуло от его "священного места".

– Он сегодня отсыпается, – сухо кинул я.

– А, ну да, ночью Джек и двух слов связать не мог, здорово они вчера...

Мое сердце на мгновение замерло. Он вчера виделся с дядей Джеком. Артур убеждал меня, что его отец никогда бы нас не сдал. Но если он вчера видел Ричарда, он мог сболтнуть своему брату лишнего. Я должен был убедиться.

– Так ты вчера был у Джека? – Осторожно спросил я.

– Да, заглянул к нему вечером, а его не было дома, и хотел уже уходить, как он заявился, шатаясь.

– Наверное, наговорил там всякого под мухой? – улыбался я, пока сердце выпрыгивало из груди.

– Да, – я замер, – говорил что все равно вино без добавления сахара самое лучшее, – засмеялся он.

– Что ни будь еще?

Мы прошли несколько метров в тишине.

– Например? – осторожно спросил Ричард.

– Может сообщил о чем-то подозрительном?

Ричард остановился возле двери, взялся за её ручку, и медленно сказал:

– Было кое-что, Коннор, знаешь мне очень...

Не дав ему договорить, я вырвал дубину из кобуры на его поясе и с размаху вдарил ему по лицу. Несколько зубов вылетело у него изо рта, и он упал с глухим стуком. Доказательств мне было достаточно, это был он – предатель. Я сто-

ял над ним с дубинкой и сдерживал себя, чтобы не продолжить избивать его. Я забрал связку ключей, а Ричард схватил меня за руку.

– Я держу его! – крикнул он, шепелявым от недостатка зубов, ртом.

Я замахнулся и ударил его по руке, чтобы он отпустил меня. В ту же секунду дверь стала открываться, но тело Ричарда мешало ей распахнуться. "Схватить его", – донесся голос из комнаты. Я, что было сил, рванул в сторону металлических ворот. Спустя несколько секунд, я слышал как дверь всё-таки открылась. Обернувшись, я увидел двоих гвардейцев, бегущих за мной. Между нами был разрыв в полсотни метров, и я уже почти добежал до ворот, когда увидел, что на них висит большой древний замок. А на связке – всего один ключ, подходящий к такому замку. Я бы назвал это везением, но за мной гналось два гвардейца, намеревающихся меня схватить.

Подбежав к воротам, я поместил ключ в замочную скважину и повернул. Замок открылся, и я незамедлительно снял его и начал открывать одну створку врат. Дверь открывалась с трудом, и когда зазор стал достаточно большим, я прыгнул в него и принялся закрывать ворота за собой, когда внутрь просунулась рука гвардейца. Бросив ключи на землю, я ударил по руке дубинкой, и, приложившись всем телом, захлопнул ворота и повесил замок с моей стороны. Раздался щелчок и я почувствовал облегчение. Гвардейцы продолжали

бить по воротам и угрожать мне, но я уже был в безопасности.

Я присел на землю, упершись спиной об ворота, и передо мной открылся вид на огромную круговую лестницу, опоясывающую столп на километры вверх. Ступени были выбиты в самой породе столпа и по ширине были от одного до двух метров. Я понимал, что при сильном желании меня поймать, мои преследователи могли сломать врата. Поэтому, слегка отдышавшись, я начал восхождение.

Теперь я знал правду: ни Артур, ни его отец нас не предавали, просто пьяный человек взболтнул лишнего своему брату. То, что я выбил Ричарду пару зубов, грело мне душу, но если бы меня не пытались в этот момент поймать, одними зубами он бы не отделался. Я знал, что отец был бы против мести, но несколько переломанных костей я бы ему обеспечил.

Понадобился час, чтобы преодолеть четверть круга, поднявшись на километр вверх. Ноги уже раскалывались от боли, подъём по столь крутой лестнице был сложнее, чем казалось, и я принял решение передохнуть. Присев на одну из ступеней, я посмотрел вниз. Передо мной открывался завораживающий вид на Новое Начало, город в котором жила моя семья с момента основания, и я покидал его навсегда...

Отдохнув, я принялся идти дальше. С каждым шагом возвышаясь над одним миром, и приближаясь к другому. Впереди было около двадцати километров вертикального подъ-

ема по столпу диаметром в несколько километров, что увеличивало расстояние еще раза в полтора. Путь предстоял долгий, поэтому привалы были частым явлением. Обогнув ту часть столпа, на которую вечно светило солнце, я попал на его теневую часть. Здесь было в разы прохладнее, и я решил не задерживаться, преодолев этот участок как можно быстрее.

Спустя несколько часов, я вновь был на солнечной стороне. Уже вечерело, и я осознал, что за день не съел ни крошки. Уже валясь с ног, я нашел ступень поудобнее, снял рюкзак, достал походный паёк и флягу с водой, и принялся жадно их поглощать. Практически безвкусные крекеры казались мне невероятно аппетитными, а вода воспринималась нектаром, но нужно было вовремя остановиться, – всех запасов мне должно было хватить на несколько дней, лишь при правильном распределении. Сложив флягу и оставшиеся крекеры в рюкзак, я обратил внимание на сверток.

Я понял, что пришло время ознакомиться с книгой. Развернув сверток, я взглянул на обложку с лежащим у дерева зайцем, открыл на первой странице, и сразу наткнулся на запись, сделанную моим дедушкой. "Читать в обратном порядке", – гласила надпись. Понимая, что комментарий был оставлен не просто так, я открыл книжку на последней главе, которая, как и сам сборник, назвалась "Место под солнцем".

Рассказ был о том, как заяц по имени Адам (он был главным героем во всей книге) после множества странствий на-

конец-то нашёл место, которое идеально подходило для того, чтобы построить там домик. "Взобрался Адам на величественное дерево, что одиноко стояло на опушке, и посмотрел вокруг. Перед ним открылся прекрасный вид на залитые солнцем поля, извивающиеся реки и кристально чистые озера, густые леса и крутые горы вдали. И решил Адам, что будет здесь стоять его домик".

Сбоку от этого абзаца была сноска написанная ручкой: "Судя по всему, прообраз зайца это сам основатель города, а величественное дерево – Главный столп".

– Он думал, что эта книга была навеяна реальными событиями? – вслух произнес я. Хотя выводы было делать ещё очень рано.

Уже темнело, и читать дальше было проблематично, поэтому, прочитав лишь одну главу, я закрыл книгу, и вернул её в сумку. Я хотел пройти еще хотя бы один виток лестницы прежде, чем устроить ночлег. Солнце потускнело окончательно и перешло в ночную стадию, заливая округу тусклым белым светом. Ночью оба города загорались тысячами жёлтых огоньков электрических лампочек, создавая целое светопредставление. "Полюбуюсь завтра" думал я, продолжая восхождение.

На теневой стороне столпа было так темно, что глазам понадобилось немало времени, чтобы привыкнуть. Ноги уже не хотели меня слушать, но нужно было пройти ещё немного. Преодолев теневую часть, я принялся искать подходя-

щее место для ночлега. Найдя в столпе небольшую выемку в несколько метров, сделанную скорее всего для того, чтобы торговцам при переходах было где ночевать, я закинул туда рюкзак и достал спальный мешок.

Перед сном меня тревожил целый поток мыслей, о том пробил ли "Орден" ворота, или же они решили, что достаточно того, что я ушёл из города. Думал о том, не будет ли у Артура проблем из-за меня. Думал об отце и о том, жив ли ещё дедушка, а если да, то смогу ли я его найти. О том, что жизнь не будет прежней. И не заметил, как усталость настигла меня, и я уснул.

Проспав часов семь, я проснулся от судороги, ноги ужасно болели, все пройденные за прошедший день ступеньки дали эффект, сравнимый с несколькими тысячами приседаний. Я выполз из спального мешка, подошел к краю лестницы посмотрел вниз. Учитывая, что я обогнул столп дважды, я был уже на семи или восьми километровой высоте. И город был, как на ладони. На лестнице, что была на виток ниже, никого не было. И я убедился, что за мной никого не послали. По сути – зачем им было меня ловить, если я сам себя изгнал из города?

Вернувшись к спальному мешку, я присел, упершись о стену столпа, и принялся завтракать. Крекеры уже не казались мне вкусными, а вода была самой обычной. Все это было неважно. Съев положенное, я достал книжку и начал её изучать под лучами утреннего солнца. Для начала я решил

открыть оглавление. В задуманном автором порядке, первая глава называлась "Из темноты". Прочитав названия всех глав, я пришёл к выводу, что заяц Адам, путешествовал через весь наш мир, пока не нашёл подходящее место для основания города, а в некоторых названиях я узнавал известные мне места. Предпоследняя глава явно была про его преодоления горного массива, что был недалеко от Нового Начала. А глава "Три титана", скорее всего, отсылала к столпам, что по дедушкиным рассказам были смутно видны, только если преодолеть горы и ещё несколько дней продолжать идти в сторону от солнца.

Глава про горы была подписана дедом, как несущественная. Надпись на полях гласила: "Проход через горы займет несколько месяцев, в Возвышении нужно найти капитана Ханса Дойла, на его судне можно преодолеть существенную часть пути."

"Интересно когда дед это написал?", – подумал я. Преодолеть горный массив и правда нельзя было меньше, чем за месяц, но путь к нему хотя бы не преграждала целая штаб-квартира религиозных фанатиков. К тому же этот капитан Ханс мог уже давно скончаться. Но ясно было то, что море простиралось на сотни километров в сторону от Главного столпа, и, при наличии судна, можно было пройти огромное расстояние за считанные дни

Прочитав несколько глав, я вернул книгу обратно в сумку, свернул спальный мешок и, преодолевая ужасную боль в

ногах, продолжил свой путь наверх. Восхождение давалось куда труднее, чем днём ранее, но осознание того, что в спину никто не дышит, успокаивало, и я мог делать частые передышки. Порой мне нравилось сесть на широкую ступеньку и свесить ноги вниз. "Как хорошо, что у меня нет боязни высоты", – подумал я.

– И как у деда хватило на это сил, в его-то возрасте, – произнёс я вслух, нарушая гробовую тишину.

Время от времени на пути мне встречались вбитые в столп подвижные блоки, оставшиеся со времён открытой торговли между городами. Канаты, по-видимому, срубили, а блоки оставили. Наверное, была еще надежда на то, что когда-нибудь отношения наладятся, ведь помимо торговли города могли обмениваться знаниями, опытом, научными открытиями... Но я эти времена уже точно не застал бы.

Минуты перетекали в часы, залитая солнцем сторона сменялась теневой, казалось, что я иду по кругу, и это будет продолжаться вечно. Главным показателем моего прогресса служила не земля, всё дальше и дальше отдалявшаяся от меня, а солнце, что было словно на ладони. Каждый раз, ослепляя меня, выходящего из теневой части Главного, оно было все ниже по отношению ко мне.

День близился к концу, осознание того, что осталось пройти всего один виток, чтобы добраться до центра столпа, меня воодушевляло. Но сил больше не было, нужно было дать ногам отдохнуть. Воды и еды оставалось на два дня, "Бо-

лее чем достаточно для спуска", – подумал я, и вновь подыскав место для привала, разложил спальный мешок. Почитав еще пару глав "Места под солнцем", я уснул.

Третий день на столпе начался не с судороги, и не с пения птиц – так высоко они не летали. День начался с мысли. Едва открыв глаза, я вспомнил, что мне сказал отец: "Нужно зарисовать момент, кода солнце будет между горизонтами". Я был полон сил и желания поскорее добраться до центра. Сложив всё на место, я закинул рюкзак на спину и продолжил путь.

В очередной раз, добравшись до теневой стороны, я остановился. Неужели сейчас я увижу то, что простиралось перед моим взором уже несколько дней? Величие столпа и отбрасываемой им тени поражало воображение. В отсутствие слепящего солнца, я мог рассмотреть все детали столь прекрасного и столь необъяснимого мира. Десятки, а может сотни других столпов вдалеке соединяли две противоположные части одного целого. Леса и поля, горы и реки, плывущие над ними облака – всё это было словно отражено в зеркале. Снизу возвышались горы, сверху ручьи впадали в морские просторы, сверху шёл дождь, а снизу было безоблачно. И в самой дали, куда едва доходили солнечные лучи, два горизонта сливались в одну бесконечно длинную линию.

Насладившись видом и прохладой теневой стороны, я двинулся дальше. Это была финишная прямая, после чего меня ожидал столь же длительный, но менее тяжёлый путь вниз. Спустя два часа, я был на месте. Возле очередного бро-

шенного без дела блока находилась вертикальная металлическая лестница длиной всего в десять метров. Каждая её ступень была вколочена глубоко в каменную породу столпа. Взглянув наверх, я увидел такую же спиральную лестницу, как и та, по которой я взбирался уже который день, только устремленную вниз.

Прежде чем приступить, перешагнуть этот рубеж, отделяющий низ от верха, небо от земли, один мир от другого, я снял рюкзак и достал блокнот, что мне оставил отец. Из него вылетели прощальные записки от отца и деда. Я поднял их, и мне на мгновение слало грустно. Я почувствовал себя одиноко, – у меня ни осталось никого. И ничего, кроме цели. Я сложил записки вдвое и положил их на дно рюкзака, чтобы они больше не могли выпасть.

Достав карандаш, я принялся зарисовывать прекрасный вид. Солнце, что было прямиком напротив меня, находилось приблизительно на том же расстоянии что и обе плоскости. – Километров двадцать, – предположил я. – Интересно какое оно по размерам?

В глазах стали плясать солнечные пятна, так бывает, когда смотришь на что-то очень яркое. Но оно того стоило. Пусть я и не был художником – я смог передать общий замысел. Два мира друг напротив друга и солнце между их горизонтами! Рисунок можно было повернуть вверх ногами, и смысл бы остался прежним.

Я закончил рисовать, накинул рюкзак и направился к ме-

таллической лестнице. Подойдя к ней вплотную, я схватился за ступень, вколотенную в столп, и потянул на себя. Она не сдвинулась с места.

– Вроде надежно, – вслух сказал я, сам себе. И в ту же секунду увидел знак. Дедушкин символ – песочные часы без верхней крышки – вырезанный на ступени что была на уровне глаз. Он был размером с ноготь, но сразу бросался в глаза. Я расплылся в улыбке. Это было лучшее, что происходило со мной за последние несколько дней. После смерти отца я прятался, бежал и карабкался, двигаясь вперед к какой-то смутной цели. И вот сейчас цель стала обретать очертания.

"Он был здесь. Я иду верным путем. А может он оставил этот знак еще в молодости? Неважно, главное, что он был здесь. Все было не напрасно. Я найду его", – проносилось у меня в голове.

Я схватился за лестницу и начал подниматься вверх. Спусти пару метров я почувствовал, что стал легче, тяжелый рюкзак перестал тянуть меня вниз, а волосы будто распушились. Еще несколько ступеней – и я стал полностью невесомым. В этот момент я почувствовал себя ребенком. Я летал. Парил между мирами, не отпуская лестницу из рук. В одно мгновение, низ и верх перестали существовать, и я перекрутился так, чтобы ноги были направлены в сторону города Возвышение, встал на ступень и начал медленно спускаться. Два метра, один, и вот мои ноги ощутили твердую землю на противоположной стороне столпа. И в этот момент началось

моё шествие сверху вниз.

Спуск оказался еще менее трудозатратным, чем мне казалось, я лишь передвигал ногами, а гравитация и инерция делали свое дело. Однако сильно расслабляться было нельзя, ведь один неловкий шаг, и я мог свалиться с такой высоты, что от меня бы и мокрого места не осталось. Преодолеть виток вокруг столпа, двигаясь вниз, можно было меньше чем за час, что очень играло на контрасте с подъемом.

Я не переставал наслаждаться видом, место, где я прожил всю свою жизнь, было где-то там, сверху. А под ногами был мир, на который я привык смотреть снизу вверх. Не успел я оглянуться, как половина пройденного пути была позади. И я принял решение не останавливаться пока не дойду до конца. В очередной раз свернув с теневой стороны, я наткнулся на блок на котором висела, оборванная снизу но сохранившая половину своей длины, веревка.

– Сколько она тут провисела, – сказал я, сняв её с блока, и начал сматывать. Веревка в пути могла пригодиться, "Странно, что мы с отцом не подумали о веревке", – проскочила мысль.

Не забывал я и про отдых, – после каждого витка устраивал привал и продолжал читать историю о зайце Адаме. Ближе к вечеру, когда до города оставалось километра четыре, во время очередного привала я дочитал книгу до конца. Это было лишь первое прочтение, я и представить не мог сколько скрытых смыслов было скрыто в этих рассказах. Судя по де-

душкиным записям на полях, он разгадал большую их часть, или как минимум ту, что позволила ему проложить маршрут, которому он следовал.

Через время я заметил, что на Возвышение двигались грозовые тучи, что были примерно на одной высоте со мной, и я ускорил шаг. Было бы глупо после всего пережитого за эти дни быть убитым молнией. Вечерело, город загорался ночными огнями, а я подбирался всё ближе. Темнота была мне на руку, спуском среди белого я дня привлёк бы нежелательное внимание.

Еще час пути и я был на месте, по крайней мере, мне так казалось. Город был как никогда близко, мне открывался вид на освещенные фонарями улицы, на жилые здания разной этажности, и на редких прохожих, которые бродили по округе. Город Возвышение не был похож на Новое Начало, в первую очередь он был городом, основанным у побережья моря, а Столп был лишь придатком, стоящим неподалеку. Возле порта стояло самое освещаемое здание в городе, огни прожекторов подчеркивали важность строения, не делая при этом его вычурным. Судя по всему здание было правительственное, а весь остальной город был как будто его обрамлением.

Изучив город с высоты, я принялся искать выход, ступени закончились, и я уже какое-то время шел по прямой. Спустя десять минут я обнаружил вырубленное в столпе пространство похожее на пещеру, сделав пару шагов внутрь, я осту-

пился. В голову закрались мысли что на выходе меня будут ждать. Это было глупо, никто здесь обо мне не знал, но меня не покидали сомнения. "Идти через парадную туда, где меня не ждут?". Я даже не мог знать приведет ли меня эта пещера к выходу. И, скорее всего, изнутри она была закрыта, также как и ворота в Новом Начале.

Я подошел к краю столпа, чтобы осмотреться. Я был в двух сотнях метров от земли, а внизу столп плавно переходил в небольшую, поляну с деревьями и кустами, скорее всего, это был городской парк. Здесь люди не жили у самого подножья, предпочитая, по-видимому, морской берег. Оглядываясь по сторонам, я так и не увидел внизу вход в пещеру, и меня посетила мысль, спуститься вниз по, так удачно мне подвернувшейся, веревке.

Побродив по столпу ещё немного, я нашел крепление для блока, которое я мог использовать для веревки. Завязав её покрепче, я дернул что есть силы несколько раз, проверив её прочность, и скинул с обрыва вниз. Это было довольно рискованно, но и альтернатив я не видел. Только так я мог пройти незамеченным. Схватившись за трос покрепче, я свесил тело с подножья, и начал сползать вниз. Спустя половину пути руки уже отнимались от боли, тяжелый рюкзак на спине как никогда давал о себе знать. Я продолжал перебирать руками, пока наконец не очутился внизу.

Я прибыл в Возвышение. После нескольких дней в пути, и наконец-то добрался до своей первой цели. Следующим

пунктом был поиск капитана Ханса, но ноги уже подкашивались от усталости, – лечь спать прямо в парке не казалось мне плохой идеей. Но я должен был хоть немного осмотреться, на случай, если рядом было более подходящее место или же просто менее открытая территория.

Пройдя в сторону от столпа, я вышел на улицу, где фонари освещали каменную дорогу со стоящей на ней одинокой повозкой, а напротив находился самый близкий к парку жилой квартал. Я продолжил свой путь по улице, рассматривая местную архитектуру, что не сильно отличалась от привычной мне, из Нового Начала. Рассматривая округу, я не заметил как со спины ко мне подошло два человека. Они попросили меня остановиться, вежливо дотронувшись до плеча.

– Добрый вечер, – учтиво произнес один из них. По первому впечатлению это были местные стражи правопорядка, наподобие наших гвардейцев. На голове у них был странный плоский головной убор с нашитой надписью "Порядок". На поясе весели наручники и дубинка, а форма была темно-синего цвета.

– Вечер добрый, чем могу помочь, – вежливо ответил я, пытаюсь скрыть волнение.

– С вами что-то произошло? Вы неважно выглядите, – продолжал говорить стражник, второй предпочитал молчать.

Я не видел себя со стороны но мог представить, что после последних дней, я и правда выглядел как бездомный после

драки.

– Да все хорошо, просто я... Ходил за город, в поход на пару дней, – на ходу сочинял я. – Прошу прощения за внешний вид.

– Можете предъявить свои документы? Рядовая проверка. – Не отставал от меня первый стражник.

– Так я же говорю, был на природе, и не брал с собой документов.

– Ну, вы же знаете что вечером все граждане обязаны при себе иметь удостоверение личности.

– Конечно, простите я... об этом просто не подумал. В следующий раз обязательно буду всегда носить с собой.

– Хорошо, гражданин, впредь будьте внимательны. – вежливо продолжал стражник, – но прежде чем мы уйдем, позвольте задать последний вопрос.

– Конечно, – уверенно ответил я.

– Что вы делали на вершине столпа?

Внутри у меня всё сжалось.

– Что простите? – переспросил я ломающимся от страха голосом.

– Надоел этот цирк, – подал голос второй стражник, и выхватил дубинку с пояса.

Его озлобленно ухмыляющееся лицо было последним, что я увидел перед тем как отключиться от сильного удара по голове.

Неудачный день

Ничто не может разбудить тебя лучше, чем ведро холодной воды, вылитой на голову. Открыв глаза, я обнаружил себя раздетым до трусов и прикованным к стулу. В лицо мне светили прожектора, и я мог различать лишь силуэты стоящих рядом людей.

– Проснулись, наконец? – спросил один из силуэтов.

– Конечно, ведь вы столь учтиво меня разбудили, – съязвил я. Вот к чему меня привел мой путь, – как-то путешествие подошло к концу, толком не начавшись.

– Мы всегда учтивы с гостями. Итак, – строго продолжал силуэт мужчины, – назовите свое полное имя и возраст.

– Коннор Майер, – скрывать имя было бессмысленно, оно все равно им не о чем не сказало бы, – двадцать лет.

– Запишите: Коннор Майер, двадцать лет, рост метр семьдесят три, карие глаза, русые волосы, – сказал кому-то второй силуэт.

– Итак Коннор, расскажите нам кто вы такой и как вы сюда попали? – продолжал первый, подходя ближе.

– А можно сначала перестать светить мне в глаза?

Силуэт дал отмашку, и свет выключили. Передо мной стояло два мужчины средних лет и строгого вида молодая девушка. Девушка записывала каждое мое слово в блокнот.

Все они были одеты в форму синего цвета и с нашивками, указывающими их звание, на плечах. Это не были простые охранники, я понимал, что попал в местную тюрьму.

– Я сбежал из Нового Начала, из-за преследования, – сказал я.

– Преследования? И за что же вас преследовали?

– Незарегистрированное помещение в доме.

Мужчина, который судя по нашивке, был старше по званию, ходил из стороны в сторону и кивал головой после каждого моего слова.

– Неужели на вашей стороне настолько жесткие законы, что из-за такой мелочи, как не зарегистрированное помещение, вас преследуют? И какое же наказание вам грозило, что вы сочли побег лучшим из вариантов?

– Двадцать лет тюрьмы, – ответил я, думаю, они не были осведомлены о политике Ордена, поэтому я мог приписать им что угодно, во избежание лишних вопросов.

– А "Орден" с годами стал еще более бесчеловечным, – продолжал он.

– Я прошу прощения, – начал я, – я знаю, что здесь незваный гость, и без вашего ведома пересек границу. Но я не задержусь здесь, я не собираюсь нарушать порядок в вашем прекрасном городе. Я лишь хотел скрыться от несправедливого преследования, неужели все это, – я приподнял руки указывая на свою прикованность к стулу, обязательно?

– Я понимаю ваше беспокойство, но давайте я скажу вам,

как все обстоит с нашей стороны. Нам известно, что на столп со стороны Нового Начала может попасть лишь представитель "Ордена". А они в свою очередь являются нашими врагами. Вы заявляете о том, что вы беженец, но у нас есть все причины полагать, что вы самый настоящий шпион, присланный внедриться к нам. И вы будете стеснены в движениях столько, сколько мы посчитаем нужным.

– Шпион? Да я ненавижу "Орден" и все что с ними связано, они загребли под себя весь город, а впоследствии еще отняли наш дом, убили моего отца и разрушили мою жизнь. – с надрывом говорил я, – Если вы считаете их своими врагами то в моем лице вы скорее обретете друга, чем их сторонника.

– Занимательно, предположим, что вы говорите правду...

– Это правда, – я перебил его криком.

– Предположим что так. В таком случае объясните мне, как вы проникли через ворота. Насколько нам известно, проход на столп лишь один.

– Я незаметно проник в их штаб.

– То есть вы заявляете, что, будучи в розыске, вы смогли проникнуть в здание где и заседают те, кто вас разыскивает? В здание, в которое обычный гражданин не может попасть в принципе.

– Это правда, я... я знал как попасть внутрь, так как на них когда-то работал друг моего отца. – правда не сыграла бы мне на пользу. Сказать, что меня почти за руку провел один из членов ордена, было не в моих интересах. И в этот момент

я понял насколько же глупо поступил Ричард, впус­тив меня внутрь. Его план привести меня в ловушку сыграл против него.

– Я хотел бы вам поверить, но по мимо всего проче­го, кое-что, всё же, не дает мне покоя, – старший стражник протянул руку девушке с блокнотом, и она передала ему мою книгу. – При вас обнаружили, это.

– Просто книжка со сказками, – принялся оправдываться я, в надежде, что им ничего про неё не известно.

– Просто книжка говорите? – он открыл книгу на закладке, и начал читать, – "в Возвышении нужно найти капитана Ханса Дойла, на его судне можно преодолеть существенную часть пути", – он захлопнул книгу, – какого пути?

– Я не знаю, я нашел её в подвале, я не знаю, что значат этот бред на полях, вы же видели какая там чушь написана.

– И эту чушь вы протащили с собой через сорок километ­ров столпа? – надменно переспросил стражник.

– Слушайте, я читал её накануне, она была в рюкзаке, а когда за мной стали гнаться, я кинул в рюкзак всё для побе­га, а книгу не выложил. – говорил я в надежде, что они не видели записок, лежащих на дне рюкзака.

– Я оставляю вас наедине со своими мыслями, может, зав­тра вы будете сговорчивее, – мужчины и женщина разверну­лись и начали удаляться из помещения.

– Стойте, развяжите меня, я вам все сказал, – кричал я им вслед.

– Полагаю, в таком положении вам будет лучше думать-ся, – сказал главный, дал отмашку и прожектора опять включились. – И мне есть что обдумать.

Помещение было окружено бетонными стенами и решеткой со стороны входа, в воздухе витал запах плесени, а глаза ослеплял свет прожекторов. Я дрожал от холода, я был истощён и измотан. Ещё час я пытался докричаться до них, но все было бесполезно. Несмотря на прикованные к неудобному стулу ноги и руки, холод и свет пробивающийся через веки, я уснул.

Я не знаю сколько я спал, несколько часов или несколько минут, ненадолго пробуждаясь, я видел кого-то, может это был сон, я видел человека или лишь его глаза. Я не понимал, но я видел сочувствие. Очередная порция холодной воды вылилась на мое тело. Я закричал от неожиданности, во рту все пересохло. Шея занемела он сна в сидячем положении, голова раскалывалась.

– Воды, – прохрипел я.

– Еще раз облить? – ухмыляясь, произнес главный стражник. В этот раз он был один.

– Прошу, – прошептал я. И он протянул флягу к моему рту.

– Мы же не звери, ты пойми, – говорил он, я жадно глотал воду, пока он не убрал флягу. – Вы проспали пять часов, в таком-то положении, в такой обстановке, видимо вы и правда очень устали.

– Что вам от меня нужно? – тихо спросил я, – я все вам сказал.

– Вот в чем дело Коннор, не имеет значения что ты скажешь, – он начал отстегивать ремни, сковывающие мои руки, пока в комнату заходило два других стражника – будет это правдой или ложью. Ты ворвался к нам на территорию, тебя здесь не ждали, и здесь нет тебе места. Но я нашел решение.

Он отстегнул все ремни, пока двое других держали меня за плечи, и я смог пошевелиться. Главный развернулся и начал выходить из помещения, меня подняли и поволокли следом. Мы шли по длинному коридору с тюремными камерами по бокам. Каждая камера была заперта металлической дверью.

– Я решил, что мы не будем спешить, ты останешься у нас очень надолго, и лишь от тебя зависит то, сколько именно это "долго" будет длиться. Ты расскажешь все, что знаешь о Новом Начале, об Ордене, о твоей книжонке. И когда я решу, что ты сказал достаточно, я обдумаю твоё освобождение. – он остановился возле открытой камеры, – Ты должен понять что лучший выход, это дружить со мной. И я докажу это.

Меня завели в камеру. Это была небольшая бетонная коробка с решетчатым окошком под потолком, умывальником, и небольшой кроватью. На кровати лежали серые штаны и рубашка, а на умывальнике – мыло и полотенце.

– Приведи себя в порядок, отдохни, и вскоре мы с тобой поговорим. Как я и сказал у нас много времени впереди.

Дверь захлопнулась за моей спиной. Я в ту же секунду подбежал к умывальнику и начал жадно хлебать воду. Напившись вдоволь, я умыл лицо, затем помылся полностью, это была та еще задача, но других вариантов не было. Надев выданную мне тюремную одежду, я лег на кровать и закрыл глаза.

Ты попал, Коннор, главное чтоб они не нашли письма, в противном случае они поймут что ты врал, хотя что с того? Все равно ты отсюда никуда не денешься – думая я. – Что, они пытаться меня будут? А смысл? Я ведь, правда, ничего не знаю. Хотя они-то насчёт этого не в курсе. Я влип. И что теперь? Дедушка, этого, ты не предвидел! Даже если сотрудничать с ними, не факт что меня выпустят. А если и выпустят, книгу они мне вряд ли вернут. Дурак. Профукал единственное, что у меня оставалось – цель. Ну и свободу. Цель и свободу. Идиот. Что теперь делать?

Мысли сменяли друг друга с такой скоростью, что сфокусироваться на чем-то одном я не мог. Так продолжалось еще полчаса, пока я не "отрубился".

Прошло уже три дня с тех пор как меня арестовали. Жизнь в заключении протекала по определенному графику. Утром кормили какой-то невразумительной похлебкой, вели в душ, затем запирали. Мне не давали пересекаться с другими заключенными, видимо не хотели привлечь ко мне внимание. Это же, наверняка, сенсация, парень из другого мира.

Днем ко мне на час приходил старшина Михаэль, который меня допрашивал. Он относился ко мне с уважением и был добр, или пытался таким казаться. Я делился с ним информацией об Ордене. Я говорил ему только то, что сам считал нужным, описывал идиотские законы, действующие в Новом Начале, но упускал любые детали, которые бы могли использоваться против города в целом. Со временем он стал ко мне добрее и порой старшина давал мне крупницы информации об их городе.

Их местные хранители закона называли себя просто – Полиция Возвышения, место, где находился я, было Городским тюремным комплексом. Главными финансовыми структурами города являлись портовая и энергетическая промышленность. Десятки деревень в округе обеспечивали город сельскохозяйственными продуктами. Все это сильно контрастировало с Новым Началом, где все отрасли находились в пределах одного огромного города. А деревни были скорее придатком, нежели полноправным винтиком в системе.

Порой Михаэль спрашивал меня о той или иной записи в книге, но я продолжал убеждать его в своем неведении. Мне обещали, что однажды, когда поймут, что я не опасен для их порядка – они меня отпустят. Я слабо в это верил, но всё же, мечтал продолжить свой путь. Поэтому претворялся, что я на их стороне и готов играть по их правилам. По ночам я вспоминал отца и корил себя за то, что не смог его спасти, за то, что не понял к чему вёл тот разговор за вином, ведь я

мог бы убедить его пойти со мной. Винил себя за то что меня поймали, обесценив его жертву, и что дедушкино наследие оказалось в чужих руках. "Может было бы лучше, убей Орден меня вместо отца", – думал я.

В ночь на четвертый день в мою камеру постучали. Я встал с кровати, и посмотрел на дверь. Свет из коридора, что пробивался сквозь маленькую щель, снизу освещал просунутую бумажку. Я встал, подобрал листок с пола, и подошел к окошку, из которого лился тусклый белый свет ночного солнца.

"После завтрака отпросись в туалет. Зайдешь во вторую кабинку", – внизу листка был нарисован дедушкин знак, часы без верха. У меня перехватило дыхание.

"Кто-то нашел записки в рюкзаке. Они хотят меня проверить? А что если это не они, но кто здесь захочет мне помогать? Это подстава. А может дело не в записках, это дедушкин знак. Он здесь? Он кого-то подослал мне помочь? Нет. Думаю дело в записках. Завтра. После завтрака. Я буду"

Когда еду просунули в отделение двери, я взял её и тут же вылил добрую половины каши в раковину. Я не мог думать о еде, но надо было сделать вид, что я оценил художества повара. Когда ко мне постучали чтобы забрать поднос, я уже был наготове.

– Спасибо, – сказал я, и просунул поднос с посудой в проем. – Могу ли я выйти в туалет?

На меня надели наручники и вывели из камеры. В сопро-

вождении надсмотрщика я прошёл метров двадцать, он открыл мне дверь, запустил, а сам остался снаружи. В туалете было четыре кабинки, прикрытые деревянными дверцами, я зашел во вторую. Не прошло и минуты, как я услышал звук открывающейся слева кабинки, затем – справа. Видимо, проверяли, нет ли тут лишних ушей. Когда распахнулась моя кабинка, вошла строгого вида девушка, с завязанными в хвост волосами, которая стояла с блокнотом при моем допросе.

– Что происходит? – спросил я шепотом.

– Я нашла записки твоего деда и отца, я знаю, что ты врешь старшине, – я хотел, что-то сказать в ответ, но она продолжала. – Мне на это наплевать, он ничего не узнает. Я могу помочь тебе. Я могу вызволить тебя отсюда. Но взамен ты поможешь мне.

– Как? – спросил я едва осознавая что говорю, – Что от меня требуется?.. Погоди, это ловушка?

– Идиот, была бы это ловушка, просила бы я тебя о помощи? Ты же с верхнего мира, ты сможешь показать место, где ты прошел? Сможешь отвести меня туда, если выберешься?

– Я... Да, но что... Зачем тебе это.

– Мне нужно убраться с Возвышения, увести отсюда своего брата.

– Но... Ты не понимаешь – я начал говорить еще тише, – В Новом Начале тебя не ждет ничего хорошего, с тобой там поступят так же как сейчас поступают ваши со мной. А может

даже хуже. Ты слышала, что сказал старшина, единственный проход через ворота в штабе Ордена.

– Все это не важно, мне нужно место чтобы спрятать брата. В общем, это не имеет значения. Ты хочешь выбраться или нет?

– Да, – уверенно прошептал я. – Что от меня требуется?

– Сегодня. В полночь. – Отрезала она и вышла из кабинки, – уходи, пока за тобой не зашли.

Я вышел из туалета, стражник взял меня за плечо и повел обратно в камеру. Я не знал можно ли ей доверять. Но я узнал её, то, что мне мерещилось в первую ночь здесь, чей-то взгляд, взгляд полный сочувствия, это была она. Весь оставшийся день я думал только об этом. Когда пришел Михаэль, я ждал. Ждал, что он задаст мне вопрос, в котором будет скрыт намек, на то, что он всё знает. Но такого вопроса не последовало.

– Коннор, мы беседуем уже четыре дня, и я могу сказать, что ты создаешь впечатление хорошего, искреннего парня.

– Спасибо, – настороженно ответил я.

– Знаешь, ещё будучи юнцом, мне было интересно читать новости о преступлениях, я мнил себя детективом разгадывающим тайны, неподвластные обычным людям. Я отучился на полицейского, закончил институт с отличием. Но так уж вышло, что в нашем чудесном городе правят не знания и умения. Быть полицейским престижно, и туда рвутся сынки, скажем так, не последних в городе людей. Вот я и попал

сюда, – тюрьма, не самое лучшее место, но иногда, навыки, полученные при обучении, мне помогают даже здесь. И вот я сижу перед тобой и чувствую, что ты чего-то не договариваешь. Скрываешь от меня правду.

– Возможно, вы правы, – ответил я, – Я еще не научился вам полностью доверять, но я обещаю что попробую.

Поговорив еще недолго, он ушел. И меня вновь захватили мысли о побеге. Было ли это возможно или даже думать об этом было глупо? Безусловно, я с первого дня хотел сбежать, но у меня не было ни малейшей идеи, как это осуществить, а тут сразу сообщник, да ещё и один из работников тюрьмы. Не могло же всё быть так просто.

Наступила ночь, я считал мгновения, и меня всё не покидали мысли о том, что всё это была подстава, чтобы вывести меня на чистую воду. Но я понимал, что если был шанс отсюда выбраться, я должен был им воспользоваться. Я сидел на кровати в ожидании неизвестно зная чего, как вдруг дверь открылась.

– Вставай, мы уходим, – сказала девушка, стоящая в проёме.

Я молча встал с кровати и последовал за ней. Мы вышли в коридор и остановились.

– Протяни руки, – сказала она, держа наручники.

– Как мне к тебе обращаться? – спросил я, протягивая ей запястья. – Мое имя ты знаешь.

– Я Эмма, – она пристегнула наручники, взяла меня за

плечо и повела вдоль коридора. – Слушай внимательно. У нас мало времени, ты должен делать всё в точности, как я говорю. И когда всё закончится, ты будешь свободен, и мы разбежимся. Понял меня?

– Лишь один момент, – что с моим рюкзаком?

– Ты сможешь его забрать, когда мы выберемся.

Я решил, что не буду задавать лишних вопросов, пока не выберусь, и продолжал идти. Мы подошли к выходу из блока. Эмма открыла дверь, в небольшом помещении за столом, забитым кипой бумаг, сидел один охранник.

– Приказ о переводе от старшины Михаэля, – сказала она, протягивая охраннику лист с печатью.

– Посреди ночи?

– Да, сказал, что завтра его камера нам пригодится, а его временно определить в первый блок.

– Ясно, ну проходи. – Сказал он, встал из за стола, подошел к двери что вела на выход, и открыл её.

Эмма повела меня на выход. Мы оказались в небольшом дворике, окруженном сеткой, перед нами в двухстах метрах было здание чуть меньше того, из которого мы вышли. Пройдя несколько метров в тишине Эмма обернулась – убедиться, что дверь закрыли.

– А теперь слушай. Два дня назад во вторую одиночную камеру этого блока перевели моего брата, ты сможешь мне его вытащить. По бумагам ты определен в третью одиночную камеру, у неё общая стена со складским помещением,

к которому у меня есть доступ. Несколько последних месяцев я разрушала эту стенку химикатами, чтобы она ослабла. Твоя задача найти моего брата сделать так чтобы он попал в твою камеру, затем вы сломаете стену, нужно будет вырвать умывальник, и прилегающая стена поддастся. У меня нет доступа к брату, все что я могу, это отслеживать его переводы. Объяснишь ему весь план, чтобы он тебе поверил, скажи ему, "дом там – где кормят", он поймет, что ты от меня.

– Как он попадет в мою камеру посреди ночи? – спросил я.

– Тут вы должны действовать по ситуации, у меня нет доступа к этому блоку, но мой брат что-нибудь придумает, в этом я уверена. По ночам остается один охранник в блоке и один на пропускном пункте. Мы должны успеть до рассвета, потом обнаружат, что тебя нет, увидят поддельный документ о переводе и узнают что мы заодно. Поэтому времени мало. Вопросы?

– Почему я, почему сейчас?

– Я прочла те письма, ты не преступник, так же как Томас, вы просто попали в беду. Когда его арестовали, я устроилась сюда работать, чтобы быть рядом и вытащить его. Но меня определили в другой блок, и я не могла подобраться к нему. И вот впервые за два года появился шанс. Его определили в нужную камеру, а у меня появился лазутчик. Прошу, не подведи.

Я кивнул, заявляя о своей готовности, и мы вошли в нужный тюремный блок. При входе в помещение нас встретил,

резко вставший со стула, охранник. И прежде, чем он успел возмутиться нашим визитом Эмма начала говорить.

– Приказ от старшины Михаеля о переводе заключенного в одиночную камеру третьего блока, – она протянула озадаченному охраннику лист с печатью. – До дальнейших распоряжений он будет определен в третью одиночную камеру.

– Посреди ночи? – мужчина вопросительно вскинул брови, на что Эмма незамедлительно ответила более мягким тоном.

– Приказ есть приказ, что тут поделать.

– Да, – улыбнулся ей охранник, – ох уж это начальство, что-то придумают себе...

Он подошел к двери, ведущей в главное отделение блока, открыл её и взял меня за плечо.

– Ну что пойдём, – сказал он мне и повёл внутрь, оставляя Эмму позади.

Я повернул голову и увидел как она, с полным решимости взглядом, кивает мне вслед.

– Денни, забери новенького, – крикнул охранник на весь блок.

Мы зашли в широкий двухэтажный холл, где навскидку было двадцать камер – по десять на каждом этаже. Ко мне подошёл другой охранник, тот самый Денни, и повел меня дальше, пока второй возвращался на пост. Меня подвели к третьей камере, распахнули дверь и начали расстегивать наручники.

– А тут уютно, а когда будут кормить? – Спросил я.

– Когда надо, – раздраженно ответил сопровождающий.

– Знаете, как говорится, "Дом там, где кормят" – сказал я, достаточно громко, чтобы меня услышали в соседней камере.

Тяжелая металлическая дверь захлопнулась за моей спиной. Эта камера была менее просторная, чем предыдущая, в ней не было, даже маленького, окошка, а в воздухе чувствовался запах сырости. Единственное, что служило здесь освещением, была щель между полом и дверью.

Поняв по звуку шагов, что охранник удалился, я подбежал к правой стене камеры, и начал постукивать по ней в области умывальника. Эмма сделала свое дело, стена была вздутой, и в некоторых местах полой. Визуально это не бросалось в глаза, из-за общего, сомнительного состояния камеры.

– Эй, – услышал я тихий голос, за которым последовало три стука. – Слышишь меня? – голос доносился из противоположной стены.

– Да, – прошептал я, прижавшись к стене ухом. – Томас?

– Откуда ты знаешь эту поговорку? – спросил голос, – и моё имя?

– Мне сказала твоя сестра, она меня сюда послала.

– Вот сумасшедшая, что она придумала? Зачем ты здесь?

– Чтобы тебя вытащить, – продолжал я шепотом, – нужно следовать её плану, и мы выберемся отсюда.

– И каков план? – спросил он беспокойным тоном.

– Для начала ты должен попасть в мою камеру.

– И как я, по-твоему, это сделаю. Эмма дала тебе ключи?

– Нет, она сказала, что ты что-нибудь придумаешь, но по-торопись, до утра мы должны уйти.

– Эмма, на что ты нас подписала? – сказал Томас еще тише, чем раньше, – Ладно. Жди.

Я уселся, упершись о стенку и начал ждать, спустя десять минут, из комнаты Томаса послышался истошный крик.

– Охрана, – кричал он, сопровождая крик ударами по двери, – Охрана...

– Что тут происходит? – с криком подбежал охранник, и начал стучать в дверь второй камеры. – Прекрати орать!

– Я... Я плохо себя чувствую, – с надрывом говорил Томас, – голова... Голова болит.

– Мне что с того? – Надменно сказал охранник.

– Вы же знаете что меня перевели сюда из-за драки, наверное, у меня сотрясение, я... я... – раздался глухой стук упавшего тела.

– Черт, – вскрикнул охранник, и принялся звенеть ключами.

Понимая, что происходит, я улыбнулся и продолжил внимательно слушать, что происходит в соседней камере. "Эй, парень", – произнёс охранник, после чего последовал ещё один глухой звук от удара. Звон ключей, и спустя минуту металлическая дверь в мою камеру открылась.

– Это было быстрее, чем я думал, – сказал я, глядя на То-

маса.

Он был плотного телосложения, с волосами по плечи и выше меня ростом. Мы с ним пожали друг другу руки, после чего вернулись в его камеру, чтобы связать охранника Денни. Простыней мы связали ему руки и ноги, а наволочкой обмотали ему рот и закрыли дверь снаружи. Вернувшись в мою камеру, мы прикрыли дверь, изнутри на ключ – она не закрывалась.

– Объясни мне, кто ты такой, и как Эмма на тебя вышла? – сходу налетел на меня с вопросами Томас.

– Я пришел из верхнего мира, спустившись со столпа, меня схватили и держали в блоке, где работает Эмма. Она сказала мне, что вытащит меня, если я помогу тебе сбежать.

– Эмма работает на них? – ошарашено переспросил Томас.

– Ты... не знал? – спросил я.

– После моего ареста я её не видел. Здесь запрещены встречи, и я не знал, что с ней происходило эти два года.

– Она сказала, что хотела быть рядом, но её определили в другой блок...

– Мамина фамилия, – перебил меня Томас, – они не знали что мы родственники, Эмма использовала мамину фамилию.

– Остальное мы можем обсудить позже, – подытожил я, – давай начинать, время ограничено.

Я объяснил ему про стенку, мы схватились за металли-

ческий умывальник с двух сторон и стали расшатывать его сверху вниз. Вскоре верхний слой бетона начал обсыпаться, оголяя кирпичи. Ключами мы вычищали бетон, скрепляющий кирпичи, благодаря тому, что Эмма методично выливали на стену химикаты, кирпичи крошились и ломались при небольшом усилии. Спустя несколько минут, мы образовали небольшой просвет между камерой и складским помещением, о котором говорила Эмма.

С противоположной стороны к стене был прислонен большой стеллаж с бытовой химией. Достаточно увеличив отверстие – чтобы в него можно было пролезть (если бы не мешал стеллаж), мы услышали звук открывающейся двери.

– Эмма? – прошептал Томас, протягивая руку через отверстие, – Поверить не могу.

Эмма, стоявшая напротив проделанного отверстия, взяла брата за руку, улыбнулась, и принялась двигать стеллаж. Скрип железных ножек по полу был довольно громким, чтобы насторожить охранников, я приоткрыл дверь камеры, и посмотрел в холл, пока Томас пролезал сквозь стену.

– Все чисто, – прошептал я. – и полез вслед за ним.

– Зачем ты так рискуешь, дуреха, – говорил брат сестре, обнимая её не меньше минуты, – Заняться было нечем? Еще и работаешь на них?

– Я не могла тебя здесь оставить, – отвечала ему Эмма, – только не здесь.

Переговорив с батом еще какое-то время, Эмма, протяну-

ла нам два комплекта униформы охранников.

– Надевайте быстро, мы еще не выбрались, чтобы расслабляться.

Облачившись в форму, я надел связку ключей на пояс, после чего Эмма дала нам большие кусачки по металлу, и Томас спрятал их за пояс под рубашку.

– А это твоё, – она указала на мой рюкзак. Не теряя ни секунды, я расстегнул его и увидел свои записки, лежащие сверху, блокнот и спальный мешок, всё было на месте, кроме одного.

– А книга?

– Мне жаль, но её забрали, собрали отряд из четырех стражников и поручили им найти место, к которому ведет эта книга.

– Ясно, – сказал я, – что же, не все сразу, что дальше по плану?

– Сумку носи в руках, если кто-то задаст вопрос, то ты несешь сумку заключенного на осмотр, ясно? – я кивнул – сейчас вы будете следовать за мной...

Эмма объяснила план действий, и мы вышли из складского помещения. Мы попали в длинный коридор, с левой стороны которого были окна укрепленные решетками, а справа двери в другие технические помещения. Свернув один раз вправо, мы наткнулись на комнату отдыха надзирателей. Эмма взялась за ручку двери и пристально посмотрела на меня и Томаса.

– Ни слова, – сказала она командным тоном, и открыла дверь.

Перед нами возникла маленькая уютная комната с диваном, столом и стульями, и плиткой для чайника. На столе были разложены карты, а чашки с недопитым чаем уже давно остыли. Возле стены – шкафчики с одеждой и полка со сменной обувью. Возле одного из ящичков стоял пожилого вида надзиратель и что-то искал.

– Привет Анри, – сказала Эмма, входя в комнату. – Чего не на посту?

– Эмма, какими судьбами в два ночи? Я вот забыл свои очки взять, вернулся за ними. – Достав очки из своего шкафчика, он посмотрел на нас. – А это кто?

– Новенькие, поэтому я и задержалась допоздна, показывала им тут все.

– Так это же не твой блок, надо было кого-то из наших попросить, мы-то тут всяко лучше ориентируемся.

– Ну да, и ты бы с радостью устроил им экскурсию посреди ночи, – саркастично заметила Эмма.

– Ты сильно хороша для этого места, замуж бы тебе...

– Я учту, – улыбнулась она, проходя дальше в комнату, и добавила, – это Анри, наш сторожил.

– Это ты меня так стариком называешь? – отшутился надзиратель, и протянул мне руку.

– Джо, – сказал ему я первое пришедшее в голову имя, и пожал руку.

– Финн, – следом спохватился Томас. Его голос дрогнул.

– Видел я тебя где-то, – сказал он, держа руку Томаса, – лицо знакомое.

– Город у нас небольшой, все друг друга знают.

Анри пристально всмотрелся ему в лицо, и, засмеявшись, отпустил руку.

– Да здесь все друг у друга на голове сидят. Ладно, вы в надежных руках этой молодой особы, – сказал он, указывая на Эмму, – а мне пора идти на службу.

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Мы выдохнули.

– Ты с ним пересекался? – спросила Эмма Томаса.

– Я был в его блоке, но лично мы не контактировали, разве что издалека видел.

– Хорошо, поторопимся, надеюсь, он не поймет, откуда тебя знает.

Эмма подошла к окну напротив стола и дала мне отмашку, чтобы я помог его открыть. С обратной стороны на нём была металлическая сетка. Томас протянул мне кусачки, и я принялся прорезать вход. Спустя пару минут, мы отогнули оба края сетки и начали вылезать один за другим. Очутившись на другой стороне, мы уперлись в четырехметровую стену.

– За мной, – прошептала Эмма, и побежала вдоль стены.

В одно мгновение тишина прервалась истошным воем сирены. Мы обменялись друг с другом взглядами, полными ужаса.

– Может они нашли связанного охранника, – сказал я.

– Не важно, бежим, – крикнула Эмма.

Мы бежали вдоль стены, пока не наткнулись на веревку, которую Эмма заранее закрепила за дерево и перекинула на территорию тюрьмы. Она попросила, чтобы Томас лез первым, но он не хотел оставлять сестру позади, подсадив её, он полез следом, и в конце полез я с рюкзаком на спине. Спустившись со стены, мы оказались в бедном районе Возвышения. Не теряя ни секунды мы побежали вперед, что было сил.

Раздались выстрелы, нас нашли, я четко услышал, как пуля попала в дерево, мимо которого мы пробежали. Оставалось ещё полквартала до ближайшего поворота. Выстрел за выстрелом раздавались за нашими спинами. Добежав до угла и свернув направо, Томас замедлил. На его животе, едва заметно на тёмной форме, расплывалось кровавое пятно.

– Томас! – крикнула Эмма, увидев брата.

Мы подхватили его за руки с двух сторон и продолжили побег.

– Как это произошло? Держись, мы почти на месте. Черт, черт. Коннор, что делать? – отчаянно бормотала Эмма.

Я был в ступоре, однако одна мысль посетила мою голову. Я снял рубашку, часть униформы, и приложил к животу Томаса.

– Прижми, – сказал я, – Эмма куда бежать?

– Вон там склад, – она указала пальцем на большое здание с заколоченными окнами, – сбоку есть вход.

Звуки выстрелов стихли, был лишь вопросом времени – когда стража добежит до перекрестка.

– Сестренка, – сказал Томас, прерывая беспорядочное бормотание своей сестры. – Уходите. Оставьте меня.

– Замолчи, – уверенным тоном ответила ему Эмма.

Добежав до склада, мы обогнули его со стороны, и наткнулись на дыру в стене, прикрытую досками. Эмма отодвинула их, чтобы я, с Томасом на плечах, мог пройти. Она зашла следом, вернув доски на место, указала пальцем в сторону двери, ведущей в подвал, и сказала: "Туда!".

Если судить по увиденному – раньше это было хранилищем портовых грузов, с обваленной крышей и повсеместными следами от пожара, это здание было больше не пригодно для службы. Мы спустились в небольшой подвал и закрыли за собой дверь. Я осторожно опустил Томаса на пол, расстегнул его рубашку, кровотечение было очень сильным. Эмма положила его голову себе на колени. – Томас, как ты? – обеспокоенно спросила она.

– Да вот что-то копчик чешется, а так все хорошо, – ответил он, прерываясь на смех сквозь кашель. – Коннор, уведи её отсюда. Уверен, они уже знают, кто нас вытащил, ей нельзя попасться.

– Замолчи, – крикнула на него Эмма ранняя слёзы, – ты идёшь с нами, это всё было ради тебя.

В бескрайней коллекции книг моего деда, были и тома по медицине, но я не сильно в них вчитывался, так как тема

была мне не сильно интересна. Я не предполагал, что мне когда-нибудь придётся столкнуться с столь серьёзным ранением, как сейчас. Но даже с моими скудными познаниями, я понимал, что с такой кровопотерей, Томасу не выжить. Я прижимал окровавленную рубашку к ране, оттягивая неизбежный исход, пока Эмма, утирая слезы, кричала на брата.

– Не смей умирать, слышишь, ты не можешь меня оставить одну.

– Ты не одна, – истекающий кровью парень положил свои руки на мои, – Она тебя вытащила, ты ей должен, прошу, позаботься о ней.

– Обещаю, – сказал я прерывистым голосом.

– А как же верхний мир, мы же пообещали пойти туда вместе? – продолжала Эмма, поглаживая волосы брата.

– Да ну его, этот верхний мир, ведь "дом там, где кормят", – улыбнулся Томас в последний раз.

Его глаза погасли. Эмма безутешно плакала. Только что она потеряла единственного близкого человека. Я понимал что она чувствует, но не было ни единого слова, которое могло бы ей помочь, – нужно было время. Я чувствовал свою вину, мог ли я это предотвратить, или предвидеть? Я думал о своей свободе, не задумываясь о цене побега. Эмма спланировала каждую деталь, подготовила все заранее, и спланировала все поминутно, но жизнь часто вносит свои коррективы, и, к сожалению, в этот день, они были не в нашу пользу.

Капитан

В моей жизни было лишь два момента, когда мне нужно было собраться с мыслями, откинуть эмоции, и убежать. Первый, недельной давности, когда убили моего отца, второй – когда убитая горем девушка, которую я знал без малого сутки, плакала над телом погибшего брата. Я хотел бы ей дать то, чего не было у меня, – время, чтобы проститься, но, увы, оно было на исходе.

– Эмма, – сказал я тихо, – нам нужно идти.

– Иди, я останусь с ним.

– Тебя не должны схватить, он не хотел тебе такой участи.

– Уходи, – крикнула она, – мне уже всё равно что, со мной будет.

– Ему было не все равно, мне жаль, – я положил руку ей на плечо – мне, правда, жаль, но нам нужно уходить. Я дал ему обещание, помоги мне его сдержать.

Эмма что было сил сжала руки брата, наклонила голову ближе к нему, и кивнула, проронив пару слёз на бездыханное тело.

– Куда нам идти? – спросила она, поднимаясь на ноги, – домой путь заказан. Наверх? Без Томаса? Я не могу, не хочу.

– У меня есть идея, но нам нужно где-нибудь переждать ночь, лишь вопрос времени, когда это место найдут.

– Есть одно место, оно было про запас, на случай если не выйдет уйти наверх.

– Тогда нужно торопиться.

Эмма вытерла слёзы рукавом, приложила ладонь к щеке брата, и посмотрела на него в последний раз. Я почувствовал, как в ней появляется решительность, вернее, я прочёл это, в её взгляде. Она подошла к углу и взяла лежавший там рюкзак, что она собрала и оставила здесь перед побегом. Закинув его на плечо, Эмма уверенно кивнула мне, и мы вышли из подвала.

Сквозь расщелины в стенах склада было видно, что в его направлении двигались стражники, освещая себе путь фонарями. Мы вышли через всё тот же, заставленный досками, проход. И побежали в противоположном от стражи направлении. Мои познания этой местности оставляли желать лучшего, но я понимал, что если мы удаляемся от столпа, значит, мы бежим в сторону моря, и это было нам на руку. Эмма, как знающий все окрестности местный житель, вела нас через самые узкие, тёмные и не оживленные переулки.

Мы пробежали добрых десять кварталов в потёмках, всё, что освещало наш путь – было тусклое белое свечение ночного солнца. Сил бежать уже не было. Сделав минутную паузу, Эмма дала понять, что остался последний рывок, и мы, собравшись с силами, побежали дальше. Оглянуться не успел как мы уже стояли у высокой металлической лестницы, ведущей на крышу жилого многоэтажного дома. Я полез

следом за Эммой, оглядываясь по сторонам.

– Пришли, – сказала она, забравшись на крышу. – здесь мы какое-то время будем в безопасности.

– А где мы? – спросил я, оглядываясь по сторонам, с этого здания открывался вид на весь город, порт и то большое освещенное здание, а с другой стороны можно было увидеть и тюрьму, стоявшую у подножья столпа.

– Это обычный жилой дом. Мне известен их план поисков на случай побега, сюда они заявятся не сразу. Мы почти в центре города, по их мнению, сюда беглецы бежать не будут. – Девушка села на крышу, упершись о выпирающий на полметра козырёк. – И что теперь?

– Ты знаешь город Навиас, что по ту сторону моря? – Эмма кивнула, – мы отправимся туда, думаю, там ты будешь в безопасности.

– Я родилась в Навиасе, но я не знаю как там сейчас. Да и какая разница, как ты собираешься туда попасть? – интересовалась Эмма.

– На судне, – сказал я, показывая пальцем в сторону порта.

– Нас ищут, как ты думаешь, мы попадем в порт?

– Пока не знаю, но выслушай. В книге, дедушка оставил имя человека, который поможет...

– Ханс Дойл? – перебила меня Эмма, – мы проверяли его по записям, не живет здесь никто с таким именем.

– Я так и знал, – ответил я, – дедушка не стал бы просто писать имя человека, он не мог знать когда книжкой вос-

пользуются. Плюс говорить прямолинейно не в его стиле. Я думал о том, где же я слышал фамилию Дойл, и я вспомнил, это не фамилия. Быстрый Дойл был пароходом, на котором он ходил по этому морю, во времена открытой торговли, он рассказывал мне про него. А Ханс – это видимо имя или фамилия человека, который в то время был там капитаном.

– И что ты предлагаешь? – спросила Эмма уставшим голосом.

– С рассветом, я пойду в порт, и постараюсь узнать работал ли здесь капитан Ханс девять лет назад.

– Я же говорю, соваться в порт – самоубийство.

– Знаю, это риск, я замаскируюсь, выбора все равно нет. У меня есть сменная одежда и панاما, я буду осторожен...

– Я пойду с тобой, – прервала меня Эмма, я не успел возразить как она продолжила. – я не хочу просто отсиживаться, в любом случае мы рискуем оставаясь здесь, у меня тоже есть во что переодеться.

– Хорошо, – согласился я, – тогда с рассветом выдвигаемся. Только... – я замешкался, – нужно вымыть руки от...

– Да, – Эмма взглянула на свои руки, покрытые засохшей кровью, протянула их в мою сторону, и дрожащим голосом добавила, – поможешь?

Я достал флягу из своего рюкзака, она была полной, видимо Эмма наполнила её перед тем как отдать сумку мне. Открутив крышку, я стал медленно поливать водой дрожащие руки девушки. Пока она оттирала их, из её глаз снова

покатились слёзы, но она не издала ни всхлипа. Когда Эмма полностью смыла кровь, она взяла флягу и помогла вымыться и мне.

Мне пришлось настаивать на своём и все же мне удалось её убедить поспать несколько часов. Она достала спальный мешок, который был у неё в рюкзаке, сняла с себя рубашку работника тюрьмы, и надела гражданскую жёлтую кофту, и легла. Я же остался на дежурстве.

– Коннор, – спросила Эмма, пытавшаяся заснуть, – ты скучаешь по отцу?

– Очень, – тихо сказал я, – но пока я выполняю его последнюю волю, я чувствую, что он рядом.

– Последнюю волю... – прошептала она, прежде чем уснуть.

Я не спал до самого утра, я всё рассматривал порт, и оглядывался по сторонам, высматривая искавших нас стражников. Неделю назад я был уверен, что с другой стороны всё будет иначе, и вот я здесь, всё так же прячусь от преследователей, всё так же обвиненный ни за что. "Не такие уж и разные наши миры" – верх и низ, две стороны одной монеты. Процветающая экономика во главе с монополистами, породившая классовое неравенство, увеличившая социальную пропасть между бедными и богатыми, с одной стороны. И религиозное правительство, уравнившее всех жителей, как в финансах, так и в правах, насаждающая свои идеалы путём запугивания и наказания несогласных, с другой стороны.

"Есть ли золотая середина?" – спрашивал себя я.

Солнце переходило в утреннюю фазу, нужно было будить Эмму, но я пытался оттянуть этот момент до последнего. Я хотел, чтобы после пережитого этой ночью, она хотя бы смогла отдохнуть. Я надел запасную кофту и натянул на голову панаму, заботливо оставленную мне отцом, осмотрев округу ещё раз, я разбудил Эмму. Проснувшись, она практически мгновенно вскочила на ноги и стала складывать свой спальник.

– Все-таки мне всё это не приснилось, – пробормотала она.

– Пора выходить, – сказал я, действуем максимально осторожно, распусти волосы, чтобы выглядеть иначе.

– Да, – сказала она, посмотрев на мою панаму, и сняла резинку распустив длинные каштановые волосы. – Идём.

Мы спустились по лестнице, я крутил головой во все стороны, в поисках преследователей, так часто, что шея начала болеть. Утром в Возвышении, как и в любом другом городе, люди шли на работу, на учебу, на прогулку с детьми, улицы стали такими оживленными, что мы смогли смешаться с толпой. Панاما скорее выделяла меня, нежели прятала, но я надеялся максимально отвлечь ею внимание от лица. Эмма же легко слилась с местными.

– Эмма, нам нужен пропускной пункт либо бухгалтерия порта, место, где есть записи о работниках.

– Со вторым не знаю, но пропускной пункт в порт вон

там, – она пальцем указала на будку возле ворот, ведущих на территорию порта.

– Отлично, подыграй мне. – мы перешли через дорогу и зашли в будку где сидел круглолицый, лысеющий охранник лет сорока.

– Доброе утро, господин, не могли бы вы мне подсказать, у вас в порту есть судно Быстрый Дойл? Меня попросили передать посылку капитану этого парохода, – наигранно произнес я.

– Утро доброе, да судно такое есть, но мы не можем передавать никакие посылки через проходной пункт. Для этого пишете декларацию о передаче груза и несите в почтовый отдел.

– Конечно, я мог бы догадаться, спасибо, – я развернулся к выходу, и демонстративно остановился возле двери, – а не подскажете, мне как получателя указывать капитана Ханса?

– Что? Ханса, нет, старик Ханс уже лет пять как на пенсии, сейчас там капитан Уилл, парнишка молодой, но способный.

– Видимо я перепутал, прошу прощения, в таком случае нужно отправить посылку на его адрес, – продолжал актёрствовать я. – Не будет наглостью его у вас узнать?

– Прошу прощения, но я не имею права разглашать личную информацию сотрудников, даже бывших.

– Конечно, я понимаю... – начал сдавать позиции я.

– Понимаете, – включилась в разговор Эмма, – это очень важно, мы доставляем наследство от его почившего брата, –

она достала своё тюремное удостоверение, – и я была назначена исполнителем его воли, однако в наследстве было указано лишь его место работы и должность, без адреса.

Я не мог в это поверить, но у нас получилось. Повлияло ли на охранника удостоверение, которое он толком не рассмотрел, хотя на поверку оно не имело никакого веса вне стен тюрьмы, либо очарование юной красавицы, либо он просто был доверчивым. В любом случае все это было не важно, мы знали адрес, адрес дедушкиного друга. Человека, который мог нам помочь, как минимум я на это надеялся.

Путь был не близкий, как не иронично, бывший капитан жил в самом дальнем от моря районе. Мы ходили по людным улицам города, в то время как нас искали все местные служители порядка, любой бы назвал нас безумцами. Но мы понимали, что лишь ведя себя как обычные прохожие, мы не привлечём внимания. И всё же каждый раз, когда мы видели кого-то в форме, внутри всё сжималось, и маршрут резко претерпевал изменения...

Не было еще и полудня, как мы пришли по указанному адресу. На небольшой улочке, заставленной деревьями, располагались одинаковые по постройке уютные двухэтажные домишки с остроугольными крышами. Подойдя к нужной двери, мы оступились.

– Уверен? – спросила Эмма.

Я посмотрел на неё, кивнул, и постучал. Дверь открыла пожилая женщина с белыми, как снег, волосами. Повисла

неловкая пауза, после чего женщина мило улыбнулась.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она.

– Да, – неуверенно начал я, – скажите, капитан Ханс здесь проживает?

– Это мой муж, давайте я его позову.

– Будем очень благодарны, – улыбаясь, ответила Эмма.

К нам подошел пожилой мужчина с седой бородой и редкими волосами. Он посмотрел на нас неодобрительным взглядом, и спросил: "Мы знакомы?"

– Нет, но возможно вы знали моего дедушку, – сказал я, – Френсис...

– Майер, – прервал меня старец, – ты похож на него в молодости, ты, наверное, Коннор?

– Да, – ошеломленно ответил я.

– Проходите дети, – пригласил он, показывая нам путь в комнату. – я думал, не доживу до этой встречи. Лиззи, принеси детям поесть, уверен у них был тяжелый день.

Мы проследовали за ним в большую комнату, где стоял диван и пара кресел. На столик, что стоял перед диваном, хозяйка дома положила два стакана с молоком и печенье. Мы не ожидали такого гостеприимства от людей, которых совсем не знали.

– Думаю, мне стоит представится, меня зовут Ханс Винден, а это моя жена Лиззи. – В этот момент она принесла нам две тарелки и приборы. – Коннор, представишь мне свою спутницу?

– Конечно, мистер Винден, – замешкался я, – это... Эмма

– Эмма Ярвин, – сказала она, представившись нам обоим. – по сути, мы с Коннором только познакомились...

– Да Эмма меня очень выручила, – прервал её я, – и сейчас я хочу помочь ей. Я... Мы, хотели узнать у вас...

– Как попасть в Навиас? – спросил Ханс, я кивнул. – все немного усложнилось, с тех времен. Как вы, думаю, догадались я уже не у дел, но связи остались, не переживайте, я обещал твоему деду что ты туда попадешь, и я это устрою. – Улыбнулся он. – Но, думаю, немного времени у нас есть, чтобы вы поели и развели старика беседой. Коннор, расскажи откуда пришел твой путь.

И я начал рассказ. Я говорил долго, а старик слушал, не промолвив и слова. Я рассказал все с самого начала, про Орден, предательство, про участь отца, про мой побег. Я говорил долго, Эмма и пожилая супружеская пара ловили каждое мое слово. Я рассказал про участь Эммы, про её брата, и все, что привело нас в этот самый дом.

– Какой ужас, – произнесла миссис Винден, утирая слёзы. – Дети, бедные дети, как такое могло с вами случиться?

– Мне, – начал мистер Винден, – мне очень жаль. Я не могу представить, что у вас сейчас на душе, но я вас кое о чём попрошу. Оставайтесь здесь хотя бы на день, после всего пережитого, я не могу вас просто отпустить. Прошу поешьте, жена даст вам полотенца, одежду, смойте с себя все, отдохните. И у нас будет время всё обсудить.

– Но мы... – хотел возразить я.

– Вы в розыске, я понимаю, и надеюсь, что я заслуживаю вашего доверия, в этот дом никто не зайдет, пока вы здесь, вы в безопасности, я гарантирую это.

Я подвинулся ближе к Эмме и шепнул на ухо: "Что думаешь?"

– Мы не можем вас о таком просить, у вас могут быть проблемы из-за нас...

– Перестань, – прервала ее миссис Винден, – дитя, не стоит о нас переживать, мы хоть и старики, но сами кому хочешь проблемы устроить сможем. Пойду, наберу ванную, отмоешься после этой ужасной ночи.

Лиззи удалилась и в комнате на секунду воцарилась тишина, пока Ханс не принял эстафету. Он указал на стол, на котором за время разговора уже появилось много еды – от пирожков до отбивных с картошкой. Несколько дней на походных пайках и ещё полнедели на тюремной похлебке дали о себе знать, я накинулся на всё и сразу. Следом присоединилась и Эмма, явно сдерживающая себя перед новообретенными знакомыми.

– Эмма, – начал Винден, – прости меня, но если тебе не тяжело, расскажи, как так вышло с твоим братом.

Эмма отложила еду в сторону, сделала глоток молока, и стала крутить стакан в руках.

– Родителей мы потеряли еще в детстве, и жили у тётки. Мой брат... Был, очень храбрым и сильным человеком, но

иногда он не знал когда нужно остановиться. Мне тогда было семнадцать, а он на год старше, в моей академии учился сын Клейтонов, – Ханс кивнул, давая понять, что знает о ком речь, – Ну, этот парень всё пытался меня впечатлить, хотел привлечь моё внимание, а я его отшивала раз за разом. И однажды он меня схватил за руку, и начал кричать, мол, я не понимаю что у него серьезные намерения, я его оттолкнула, чтобы он отстал, и в момент, когда он поднял на меня руку – подбежал Томас. Брат знал, что я бы не дала себя в обиду, но он и так не любил Клейтонов, так ещё и это. В общем, он избил того парня. И всё ограничилось бы выговором, может быть, присудили бы ему штраф за побои, но не в случае с этой семьей. Парень пожаловался отцу, и их семья решила не просто унизить Томаса, но и лишить его свободы. У них везде были связи, и мы опомниться не успели, как Томаса обвинили в покушении на убийство, с отягчающими обстоятельствами. Десять лет.

Эмма вытерла слёзы рукавом.

– Я решила доучиться, мне оставался всего год. Потом я пошла устраиваться на работу в тюрьму, чтобы быть рядом с ним. Меня приняли без проблем, они как раз набирали молодых работников, но меня назначили в другой отдел, и я могла следить за братом только по бумагам. Несколько раз я писала запрос о переводе, но каждый раз его отвергали. И тогда я начала думать об организации его побега, я не хотела, чтобы он прожил с убийцами и насильниками десять

лет своей жизни. Я разработала план, но мне нужен был способ передать брату сообщение, что было невозможно. И тогда появился Коннор, – она посмотрела на меня и опустила взгляд, – я думала, что когда он окажется на свободе, всё сразу наладится. – Слезы покатались по её щекам, – если бы я не была так уверена в своем плане, если бы я не возомнила себя великим стратегом, он был бы жив. Пусть не на воле, но жив.

– Не вини себя, – сказал мистер Винден, – я думаю, он гордился тобой, не каждый пошёл бы ради семьи на то, на что пошла ты, уверен, Томас понимал, как ему повезло с сестрой.

Эмма вытирала слезу за слезой.

– Ей нужно спрятаться, здесь её рано или поздно найдут. Вот я и подумал что в Навиасе она будет в безопасности. – Сказал я.

– Ну, Навиас и правда был городом свободным от влияния Возвышения, но как я знаю сейчас там многое поменялось, говорят что произошел переворот во власти.

– Все равно, – сказала Эмма, – здесь я оставаться не могу, а там у меня есть тётка, мамина сестра. Я её годами не видела но думаю она меня примет.

– Очень хорошо, в таком случае рассчитывайте на меня, – сказал Ханс.

В комнату зашла Лиззи и сказала, что вода для Эммы набрана и все готово. Эмма поблагодарила за еду, кивнула мне

и, взяв полотенце, удалилась.

– Бедная девочка, – продолжил мистер Винден, – такая тяжелая жизнь, – я кивнул, – Коннор, сейчас ей нужна поддержка, так что не оплошай.

– Она мне жизнь спасла, я этого не забуду.

– Итак, а теперь поговорим о тебе. Значит, ты решил пойти на поиски дедушки?

– Да, правда теперь у меня нет книги, обнадеживает лишь то, что я успел её прочесть, хотя не думаю, что одним прочтением можно ограничиться.

– А есть ли шанс найти еще одну такую?

– В письме, дедушка написал, что других таких не осталось. Что он всю жизнь их искал и нашел лишь три экземпляра.

– Три? – переспросил Ханс, – полагаю одна копия была у него, вторую у тебя забрали, а где в таком случае третья?

– Я не знаю, в письме он сказал, что спрятал два экземпляра, но на указанном месте я нашел лишь один.

– А ты уверен, что правильно искал? Френсис любил говорить загадками, может, он оставил подсказку.

– Там просто были координаты, и надпись "будь внимателен" ...

И тут до меня дошло. Мистер Винден был прав, дедушка часто не говорил напрямую, так же как и с именем Ханс Дойл, тут был подвох, и, наконец, до меня дошло.

– Она здесь.

– Здесь, – переспросил Ханс.

– Координаты, они же одинаковы для обеих плоскостей – я побежал в прихожую, где лежал мой рюкзак и вытащил из него письмо. – Вот смотрите.

Мистер Винден взглянул на координаты, встал с кресла и вышел из комнаты. Спустя несколько минут он вернулся со, свернутой в цилиндр, картой. Развернув её на столе, мы начали вести пальцами вдоль координатной сетки, от солнца, которое было принято как ноль координат, до нужной точки.

– Вот оно, – сказал мистер Винден, – Френсис, старый ты дурак.

– Что то не так? – спросил я, – Твой дед, похоже, был довольно сентиментален, в этом месте возле столетнего дуба он проводил время со своей супругой.

– С бабушкой?

– Ну, тогда она еще не была бабушкой, – улыбнулся старик, – Мария была прекрасной девушкой, к сожалению, этот мир часто несправедлив, полагаю, болезнь забрала еще до твоего рождения?

– Да, я не знал свою бабушку, и мама тоже погибла, когда я был совсем мал, папа говорил что женщины нашей семьи всегда были слишком прекрасны для этого жестокого мира, и он (мир) будто бы избавлялся от них.

– Ужасная участь часто постигает лучших из нас. Но давай о хорошем, – взбодрил меня старик, – книга здесь, осталось её отыскать.

– Я пойду за ней прямо сейчас, – сказал я, поднимаясь с места.

– Стой, не руби сплеча, это место в парке, сейчас там много людей, мы пойдем туда ближе к ночи, я пойду с тобой.

– Да, – вновь присев на диван сказал я, – вы правы. Скажите, когда вы видели дедушку в последний раз?

– Хороший вопрос, – произнес старик погладив свою бороду, – наверное, лет десять прошло. Мы виделись с ним, когда он уходил. Видимо, это моя миссия, помогать Майерам отправиться в путь. Только вот я тогда так и не понял на поиски чего он ушёл.

– Я сам не уверен, – задумчиво ответил я, – на поиск ответов.

– Точно, – вскинул руками мистер Винден, – так он говорил, "поиск ответов". Какие вы любители приключений!

– Как я понимаю, вы с дедушкой были друзьями?

– Друзьями и коллегами, он занимался торговлей, я – грузоперевозками, вот мы и стали работать вместе. До запрета сотрудничества всё было прекрасно, налажено как часы, а потом, сам понимаешь. Я продолжил работать в порту, а твой дедушка окончательно ударился в поиск "ответов".

– Как вы думайте, он нашел, что искал? Он ведь так и не вернулся, его уже может не быть в живых.

– Я не знаю, Коннор, нашел ли он то, что искал, но, знаешь, в чем я уверен, он не сдавался и шёл до конца.

– Похоже на него, – сказал я улыбаясь.

Тарелки опустели на добрую половину, я думал что лопну, но продолжал в течение разговора брать по кусочку всего, что лежало на них. За окном всё ещё был белый день, но усталость давала о себе знать. Меня стало клонить в сон, и лишь беседа с мистером Винденом заставляла держаться. Эмма, вышедшая из ванной в халате, выглядела довольной, но глаза у неё были красными, наверное, оставшись наедине с мыслями, она снова поддалась эмоциям.

– Ну что, каков план? – спросила она, присаживаясь рядом.

– Мы с мистером Винденом поняли, что в Возвышении может быть ещё один экземпляр книги. Вечером мы с ним пойдем за ним, а ты отдыхай.

– Ещё чего, я пойду с вами.

– Эмма, – начал старик Ханс, – втроём мы можем привлечь ненужное внимание, я бы на самом деле сходил бы сам, я же не в розыске. Но по лицу Коннора я вижу, что одного он меня не отпустит.

– Все верно, – подтвердил я.

– Сейчас, вы оба идите отдохните, вон у парня уже глаза слипаются, а я пока узнаю как можно устроить вашу переправу в Навиас. А вечером, пока нас с Коннором не будет, вы с Лиззи соберёте припасы вам в дорогу.

– Вы очень добры. – сказала Эмма, – хорошо, если вы просите я останусь.

– Наши дети уже давно выросли, – сказала миссис Вин-

ден, – и живут отдельно со своими семьями, а вы можете отдохнуть в их прежних комнатах. Я уже всё застелила.

– Моя милая супруга права, – вставая с кресла, сказал старик, – Коннор, до вечера еще много времени, искупайся и отдохни.

Так мы и решили поступить. Эмма пошла в комнату, где раньше жила дочь Винденов, а мне постелили в комнате их сына. Отмокая в ванной, я увидел, что ещё не вся кровь смылась с моих рук. "Наверное, у Эммы было так же", – подумал я. Помывшись, я завернулся в халат и пришёл в комнату. Впервые за неделю, я почувствовал себя человеком, – был сыт, чист и лежал на нормальной постели. Грустно было лишь осознавать, что завтра всё это закончится и мне снова придётся, есть пресные крекеры, и спать, как и где получится. Такова была цена моего путешествия.

– Коннор, – в двери стояла Эмма, – не спишь?

– Нет, проходи, – ответил я.

– Мне не спится, – она зашла в комнату и присела на край кровати, – Ты уверен, что этим людям можно доверять? Они очень добры, но у меня что-то типа паранойи...

– Я тебя понимаю, то, что они к нам добры и знали моего дедушку, не значит, что они не сдадут нас, как только мы уснем, но почему-то у меня есть к ним доверие, какое было к тебе, когда ты предложила побег. Ты же помнишь записку от моего отца? – Эмма кивнула, – он знал, что я недоверчивый, но всё же написал в письме, чтобы я доверял только тем, кто

чист сердцем. Довольно абстрактное понятие, знаю, но мне кажется, что это про них – наших гостеприимных хозяев.– Пожалуй. Выбора у нас все равно нет, мы ведь уже здесь, – улыбнулась Эмма, и встала с кровати. – Ладно, поспи, выглядишь как выжатый лимон, – она вышла из комнаты, я улегся поудобнее, и опомниться не успел, как заснул.

Я не запомнил сон, из-за которого я проснулся, но судя по ощущениям, сон не был хорошим. Я встал с кровати и выглянул в окно. Смеркалось. Застелив за собой, я спустился вниз, на диване где я сидел, были разложены вещи, а рядом задумчиво стояла Эмма со своим похудевшим рюкзаком.

– Неужели не взяла даже бинт? – Удивленно спросила миссис Винден, на что Эмма помотала головой. – Так, сейчас соберем вам аптечку, Коннор, и у тебя нет? – застала меня врасплох старушка.

– Нет, – сказал я, подходя ближе, – не подумали об этом.

– Я так и не уснула, вот и решили начать пораньше. – сказала Эмма, пожимая плечами.

– А мистер Винден? – спросил я, оглядываясь по сторонам.

– Я здесь, – сказал выходящий из другой комнаты старик, и захлопнул записную книжку. – Итак, я сделал несколько звонков, и у меня две новости, хорошая и не очень. Завтра в четыре утра грузовое судно "Дальний" отправляется в Навиас для погрузки зерна, и вы сможете отправиться на нем.

– А плохая новость? – спросила Эмма.

– Вам помогут проникнуть в порт и на судно, но вам придется прятаться на протяжении всего пути, на судне о вас никто не должен узнать.

– Ну, могло быть и хуже, – сказал я вскинув руки, – значит, будем скрываться, к сожалению не в первый раз. А сколько судно будет идти?

– Обычно, путь занимал не больше полутора суток, – мистер Винден взглянул на настенные часы, – Так, уже достаточно темно, не будем терять времени, мы сможем обсудить подробности по пути за книгой.

– Верно, – сказал, – я и закинул рюкзак на плечо.

Ханс взял со стола карту, смял её – достаточно, чтобы та вместилась в карман ветровки, надел шляпу, которая придавала ему статности, и протянул мне ветровку с капюшоном. Накинув капюшон на голову, я вышел вслед за стариком.

– Коннор, не нужно вертеться по сторонам, так ты только привлечешь внимание, сейчас мы просто дед с внуком которые вышли на прогулку, если что, то твоё имя Гаррисон.

Я кивнул. До обозначенного на карте места идти было не больше получаса, это время мы использовали для осуждения плана действий, этой ночью. Мистер Винден рассказал мне, что парень, который нас проведет, на судно работал с ним много лет, и именно он когда-то заменил его на посту капитана "Быстрого Дойла". Вся грядущая операция держалась лишь на доверии старика к этому капитану Уиллу, других вариантов все равно не было, и я держал весь скепсис при

себе.

Пока мы шли, я обратил внимание на то, как же сильно Возвышение отличался от Нового Начала. Город, по улицам которого я шёл с мистером Винденом, был основан на три столетия позже, чем город, в котором поколениями жила моя семья. И отличия были видны не только в более простой, или я бы лучше сказал, менее вычурной, архитектуре, но и в том, как между собой переплетались улицы, и даже в том, как высажены деревья вдоль дорог. А взгляд притягивал не исполинский столп, у подножья которого находился город, а подсвеченное со всех сторон здание управления портом и торговыми системами.

Мы прибыли на место, не встретив на пути никого из стражи, но расслабляться было рано. Мы зашли в парк, где лишь на лавочках вдали от нас ворковала молодая парочка влюбленных. Было темно. Мы подошли к огражденному декоративной цепью столетнему дубу, отмеряли нужное количество шагов, и я принялся капать лопаткой, что Ханс припрятал во втором кармане ветровки. Пока старик был на страже – я копал так быстро и тихо как мог, и довольно быстро добрался до цели. Снова железная шкатулка с дедушкиным знаком на крышке, я ощутил прилив радости. Открыв, я обнаружил сверток с книгой, компас и маленькую записку с надписью: "Надеюсь, она вам пригодится".

Это была та самая книга, за одним исключением, в ней не было никаких заметок на полях, ни одной подсказки или

комментария, ничего. "Без разницы" подумал я и сложил её в рюкзак. Компас, лежавший рядом, был таким же, как тот что мне оставил отец, я засунул его в карман, засыпал яму землей и поднялся на ноги.

– Можно идти, – счастливым тоном сказал я, мистер Винден кивнул.

– Знаешь, – начал он, – думаю, автор не просто так написал историю именно про зайца, он ведь мог сделать героем какое-нибудь реальное животное, а выбрал полностью выдуманного зверя. Думаю, даже в этом есть своя загадка.

– По-моему, у бабушки где-то была записана подобная мысль, думаю, вы правы.

Пройдя пол пути до дома, мы увидели в квартале от нас двоих стражников. Я повернул голову к старику Хансу и, увидев уверенность в его взгляде, решил последовать его примеру и не впадать в панику. Они приближались к нам довольно быстро, сверни мы за угол, они бы все равно могли нас остановить для проверки документов.

– Помнишь, как добраться до дома? – тихо спросил он, я кивнул, – тогда пойдешь налево, обойдешь район, и увидимся уже на месте. Я их задержу. Иди.

Я развернулся и спокойной походкой стал удаляться от старика, до которого уже почти дошли стражники. "Гарри-сон, скажи бабушке, что я еще поброжу немного", – крикнул он мне вслед. Я, не оборачиваясь, удалялся, но, все же дойдя до следующего перекрестка, кинул взгляд в его сторону, он

беседовал со стражниками и улыбался.

До дома Винденов я бежал не останавливаясь, открыв дверь я увидел улыбающуюся Эмму и Лиззи, пьющих чай.

– Что то случилось? – спросила Эмма, – увидев мою обеспокоенную физиономию.

– Чуть не попался, ваш муж отвлек стражников на себя, думаю они ничего не заподозрили, но было близко. – я увидел взволнованное лицо миссис Винден и добавил, – не переживайте он должен вскоре прийти.

Не прошло и десяти минут, как старик Ханс был на пороге своего дома. "Все хорошо", – с лёту сказал он, и закрыл дверь. Рассказал, как стражники узнали в нём бывшего капитана и один из них стал интересоваться обучением на моряка для своего сына.

– Коннор, давай сюда рюкзак, – сказала Лиззи, – времени осталось не так много, у Эммы уже все собрано.

– Думаю не все, – сказал я, доставая компас из кармана, – возьми его себе, у меня уже есть один.

– Это компас? – Эмма взяла его в руку, и открыла металлическую крышку, – никогда ими не пользовалась.

– Смотри, – сказал мистер Винден, – красная стрелка всегда указывает в сторону солнца, сейчас вам предстоит идти по ней, а на судне когда вы пересечете солнечный экватор, ваш путь будет лежать на сто шестьдесят градусов в противоположном, от красной стрелки, направлении.

– Кажется, поняла, – Эмма посмотрела на меня и улыбну-

лась, – спасибо.

– Рюкзак, юноша, – командным тоном повторила миссис Винден.

Остаток вечера проходил с положительными эмоциями, мы все были знакомы лишь полдня, но эти люди давали ощущение спокойствия и семейного тепла, которое нам было необходимо. Так думал не только я, это читалось и во взгляде Эммы. Когда оба рюкзака были собраны, мы собрались за одним столом, и разделили ужин, словно мы были обычной семьей.

Морская болезнь

Чтобы в четыре часа утра быть в порту, выйти нужно было к двум. Спать ложиться было бессмысленно, и после ужина мы провели время за оживленной беседой. Когда пришло время прощаться, стало невероятно грустно. После смерти моего отца и смерти брата Эммы, Виндены смогли вернуть нам веру в человеческую доброту. Мы почувствовали себя желанными гостями, и осознание того, что это была первая и последняя наша встреча – очень нас расстраивала.

Мистер Винден шёл с нами, а с Лиззи пришлось проститься на пороге дома. Старушка смахивала слёзы, обнимая нас на прощание, мы поблагодарили её за доброту, еду и помощь и отправились в путь. Повозка ночью привлекла бы внимание, поэтому мы пошли пешком, нам было не привыкать.

– Итак, дети, когда вас проведут на судно, вы будете сами по себе, – будьте осторожны, не попадитесь на глаза экипажу. Когда пароход пришвартуется начнётся суматоха, торговцы с документами на груз приведут толпу грузчиков, и в этот момент вы сможете смешаться с толпой и сойти на берег.

– А что если нас всё же заметят, – спросила Эмма.

– Действуйте по ситуации, судно не развернут назад чтобы вас вернуть, но вас могут арестовать, поэтому пытайтесь

договориться или откупиться, и да, забыл, – старик Ханс достал из кармана кошель и протянул его мне, – думаю этого хватит чтобы заткнуть рот нашедшему вас.

– Не стоит, вы и так уже много для нас сделали. – отпирался я.

– Да, и всё это будет впустую если вас арестуют. Возьми, – сказал он командным тоном, я взял кошель и засунул в карман. – Если все будет хорошо, то на эти деньги сможете какое-то время прожить в Навиасе.

– Ну я там, наверное, не задержусь, оставлю всё Эмме.

– Конечно, – усмехнувшись сказал мистер Винден. – как считаешь нужным.

Эмма, ничего на это не ответив, молча кивнула. Без малого час пути мы продвигались по темным переулкам, обходя освещаемые территории, и вдруг на одном из них в месте где уличный фонарь освещал часть стены мы увидели объявление... О нашем розыске! На плакате красовалось два портрета, Эмма была изображена невероятно похожей на себя, в то же время меня на плакате было не узнать. Хоть и были общие черты было видно, что изображение составлялось по памяти тех немногочисленных надзирателей что меня видели, в то время как Эмму лично знали многие из них.

– Вы теперь знамениты, – сказал мистер Винден.

– Решили покинуть город на пике популярности, – добавил я.

– Они обвинили нас, – тихо сказала Эмма. И ткнула паль-

цем в надпись и прочитала вслух, – "В процессе побега убили своего сообщника."

На секунду воцарилось молчание, глаза Эммы налились яростью, она сорвала плакат со стены, и порвала его на мелкие кусочки. Я положил руку ей на плечо, и тихо сказал: "Пойдем". Она молча кивнула, и мы продолжили путь.

Когда весь путь был позади, вплотную приблизившись к территории порта, мы подошли к забору что был за углом проходной, в которой мы с Эммой были днём ранее. У забора стоял молодой высокий мужчина с сединой на висках.

– Капитан Винден, – тихо произнес он, – рад видеть вас в здравии.

– Уилл, взаимно, – они обменялись рукопожатием, – спасибо что согласился помочь. Ребят нужно отсюда вывести, и чем меньше людей об этом узнает, тем лучше.

После этих слов мужчина окинул нас взглядом и испуганно сделал шаг назад.

– Это же они!

– Спокойно, прошептал старик Ханс, – да они, но они не делали того что о них пишут на плакатах. Они лишь дети, попавшие в беду.

– Вы же понимаете, что просите меня не просто пойти против запрета о пересечении границы, а пойти против закона, как такового.

И после этих слов Эмма вспыхнула:

– К черту закон, где правила пишут не во имя города, а

в интересах правящей верхушки, закон из-за которого люди сидят в тюрьмах ни за что, закон, не замечающий растущей пропасти между богатыми и бедными. Я проработала в этой гнилой системе три года, и поверье, она не заслуживает и малейшего уважения.

Капитан Уилл опешил и только хотел было открыть рот чтобы что-то возразить, как мистер Винден взял разговор под свой контроль.

– Уилл, дело правда серьезное, я прошу тебя, не отказывай им в помощи, посади их на судно, и они больше здесь не появятся. Спаси эти две жизни.

– Ладно, – бросил он, – я проведу их. А вы мне расскажите подробности как-нибудь на днях.

– Замётано, парень, – мистер Винден одобрительно хлопнул своего бывшего ученика по плечу и повернулся к нам, – пришло время пожелать вам удачи, Коннор, если встретишь дедушку передавай старому дураку привет от меня.

– Обязательно, – пообещал я.

– И береги Эмму, иди сюда дочка, – он обнял Эмму, и прошептал ей на ухо, – а ты береги его.

– Постараюсь, – пробормотала она, обнимая старика в последний раз.

Прощаться было тяжело, но необходимо, взглянув на бородатого старика в шляпе в последний раз, мы последовали за капитаном Уиллом. Он провел нас через отверстие в металлическом ограждении, возникшем в результате несколь-

ких десятков лет износа и ржавления. Очутившись на территории порта мы двигались медленно чтобы звук шагов к минимуму.

Изнутри порт представлял собой целый лабиринт ангаров, нагруженных мешками повозок, ящичков, и всё это примыкало к длинному причалу с полудюжиной пароходов разных размеров. К счастью, судно к которому мы направлялись было одним из первых на мало освещенном причале. Подойдя поближе мы остановились и спрятались возле горы мешков с каким-то зерном.

– Итак, – начал Уилл, – сейчас на пароходе спят все кроме вахтенного, что стоит возле трапа, я поднимусь туда и отвлеку его, будьте готовы прибежать, как только я дам отмашку. Все понятно?

Мы с Эммой кивнули, и капитан уверенной походкой подошёл к трапу и стал подниматься.

– Китт, – крикнул он, – сколько лет!

– Кэп, какими судьбами? – донесся голос вахтенного.

– Вот решил пройтись, пока стоим в порту почему бы не размять ноги. Что ты тут чай гоняешь? Не угостишь?

– Да, конечно, кэп, сбегаяю на камбуз, посторожите пока тут?

– Беги, я постою, – сказал Уилл провожая вахтенного взглядом, после чего махнул нам рукой.

Мы пулей проскочили на пароход. Впервые я видел судно в непосредственной близости, куда ни глянь – все было же-

лезное, надстройка была не сильно высокой, но это компенсировалось её немалой длиной. С палубы был виден доступ к трюмам, в которые опускались мешки и ящики с грузом.

– Заходите внутрь, – указал нам на главный вход капитан, – как зайдете по коридору налево и вниз, там помещение с провизией, спрячьтесь за стеллажами и мешками с крупой.

– Спасибо вам, – сказал я напоследок.

– Простите меня что я тогда сорвалась, – пробормотала Эмма.

– Все в порядке, бегите не нужно тратить время.

Мы побежали куда было сказано и очутились в обещанном провизионном отсеке. Сняв рюкзаки мы просунулись в небольшой проём между переборкой и стеллажами на которых лежали мешки с крупами, и нашли место где можно было спрятаться. Небольшое пространство где мешки образовали что-то похожее на кресло, а стеллаж прекрасно блокировал вид со стороны входа.

На руку было и то, что освещение в отсеке ограничивалось одной лампой у входа, и до нас свет едва доходил. Скрывшись в тени, мы переложили мешки так чтобы обоим было место примоститься сидя, а если одолеет сон – прилечь.

– Как ты? – спросил я Эмму, увидев опущенный взгляд.

– Мы с Томасом с детства мечтали приехать в Возвышение, мы верили в этот город, хотели быть его частью, и даже служить ему. Мы знали, что система не идеальна, но мы верили в нее, думали, что став её частью, мы бы могли по-

влиять на неё. И вот чем все закончилось, эта самая система пережевала нас и выплюнула. Томас мёртв, а я вынуждена покинуть это место навсегда.

– Расскажи, как вы с Томасом прибыли в Возвышение?

Эмма слегка улыбнулась.

– Это была весёлая авантюра. Нам было лет по тринадцать, что ли. Тётке до нас дела особо не было, а мы всё мечтали уехать из Навиаса. Прибегает ко мне однажды Томас, и говорит, мол, придумал блестящий план нашего переезда. Мы нашли работу в порту: город маленький, нас там все знали и разрешили помогать. По мелочам. Мы таскали пустые мешки из-под грузов, штопали порванные, вели учёт тех же мешков, выполняли другие маленькие поручения. Мы, как говорил Томас, "втирались в доверие" и "обрастали связями", он всё спрашивал у проходящих моряков, так сказать, узнавал из первых уст, как там в большом городе? Пока однажды он не нашел того, кто был готов взять нас на борт. Хороший был дядька, но глуповатый, поручиться за двух детишек которые просто хотели приключений в большом городе, я бы так не рисковала. Но план братишки сработал. Как нам первое время пришлось выкручиваться, выживая в Возвышении – это история уже не такая забавная. Но в итоге мы смогли прижиться. Ну, или вроде того.

Вспомнив момент из детства, Эмма взбодрилась, и цвет её лица с бледного приобрел более светлый оттенок. И в этот момент у меня в голове промелькнула мысль, что мы с сидя-

щей напротив девушкой были знакомы всего пару дней, но у нас не осталось никого ближе друг друга. Почему-то мы прониклись взаимным доверием. Возможно, просто потому что больше некому было доверять. Мы лишились всего, и это тоже у нас было у нас общим...

– Скажи, – пробормотала Эмма, – каков твой план? Что после Навиаса?

Я достал книжку сказок из рюкзака, что лежал у меня на коленях, и протянул ей.

– Здесь зашифрован путь, я не знаю куда он ведёт, но буду ему следовать, в надежде что найду дедушку, или то, что он искал. После Навиаса я буду держать путь к Трёх столпам. А дальше – не уверен.

– И что ты думаешь? Это дорога в один конец или ты хочешь однажды вернуться?

– Я не знаю, возвращаться некуда, и не к кому, а дедушка так и не вернулся, возможно потому, что пути назад нет. В любом случае, это предстоит узнать.

– Но почему книга сказок?

– Хотел бы я знать, я прочитал много литературы, что у нас называли запретной, но среди тех книг не было ничего подобного. Дедушка считал, что эта книга в сказочной форме демонстрировала путь основателя нашего мира, и если проследить этот путь – то можно понять откуда он пришел.

Эмма пролистала книгу, в полумраке едва ли можно было рассмотреть что-либо, но она все же с любопытством всмат-

ривалась в слегка различимые картинки. После чего закрыла сборник и вернула его мне.

– Ты говорила, что Михаэль отправил группу стражников следовать этой книге?

– Он был очень воодушевлен, прочитав надписи на полях, и сначала сам хотел пойти по маршруту, но начальство его непустило, взамен предоставив ему четырех человек для этих целей.

– Интересно докуда они дойдут, как бы на них не наткнуться, мало ли – ещё пристрелят.

– Не знаю, но полагаю они уже далеко впереди. – сказала Эмма присаживаясь поудобнее. – не то что мы.

Я положил книгу обратно в рюкзак и спросил:

– Чем думаешь заняться, когда мы прибудем?

– Мне ещё предстоит это понять, мир перевернулся, и я не знаю, что делать – обняв колени сказала Эмма, – но есть одна идея.

Вдруг всё вокруг задрожало, и шум работающего двигателя оглушил нас.

– Ты когда-нибудь был на пароходе? – Спросила меня Эмма, увидев моё взбудораженное лицо.

– Нет, ни разу.

– В таком случае, тебя ждёт пара сюрпризов, – сказала она с ехидной усмешкой.

Судно начало движение. Мы слегка выдохнули, теперь мы знали, что город остался позади, дело было за малым, сидеть

тихо и не высовываться. На ближайшие сутки мы решили по минимуму есть и пить, зная, что отлучиться в уборную здесь будет невозможно. Легкая тряска, в отличии от шума двигателя, действовала расслабляюще.

– Поспи, – сказал я, увидев, как Эмма попыталась скрыть зевоту, – ты же у Винденов так и не отдохнула.

– Все нормально, – сонно возразила она, – думаешь у Ханса и Лиззи все будет хорошо?

– Хочу в это верить, мистер Винден старик боевой, со всем справится.

Увидев, что Эмма клюет носом, я настоял на том чтобы она легла отдохнуть, на что она нехотя согласилась. Успокаивающая тряска парохода сделала свое дело, и девушка быстро уснула. Я же спать не хотел, да и нужно было кому-нибудь оставаться на стороже.

Спустя несколько часов наступил рассвет, мне негде было узнать который час, но я мог ориентироваться по звуку шагов. Сначала я слышал шаги одного человека, так как мы находились в отсеке с провизией, а они звучали довольно отчетливо, я предположил, что это был повар, который встает раньше всех. Следом, проснулся и остальной экипаж, к звуку ходьбы добавился звон посуды и приглушенный гул переговоров.

Судно начало покачивать, и я стал понимать, что Эмма имела ввиду под сюрпризами. Голова стала кружиться, под ложечкой все сжалось. Подкрадывалась тошнота, и поел бы

я часом ранее, организм бы уже от всего избавился, но ужин был довольно давно, и у меня получалось держаться.

Не я один ощутил на себе влияние волны. Несколько раз Эмму перевернуло из стороны в сторону до того, как она проснулась. Оклемавшись, она уселась поудобнее и уставилась на мою кислую физиономию.

– Считай это крещением. – усмехнулась она.

– А тебя это не берет?

– Нет, не первый же раз в море, плюс, я еще с детства часто любила карусели от которых других детей жутко укачивало. Тебе бы воздухом подышать.

– Но увы, – прокомментировал я, в надежде что скоро всё пройдет.

Я попил воды, мне стало легче, и Эмма стала настаивать, чтобы теперь я вздремнул, что я и попробовал сделать. Покачивания из стороны в сторону не способствовали сну, но все же я умудрился отключиться на короткий момент. Момент, который прервался не самым приятным образом.

– Вы кто такие... – успел произнести парень, что зашёл в наш импровизированный спальный уголок, прежде чем Эмма с разгону вцепилась ему в ноги так, что тот упал прямо на меня.

– Хватай его, – прошипела Эмма.

Я схватил названного гостя и закрыл ему рот ладонью. Молодой парнишка со страхом в глазах даже не пытался вырваться, он слегка постукал единственно свободной рукой

мне по запястью, прося дать ему слово.

– Он появился очень неожиданно, – тараторила Эмма, – что теперь делать?

– Послушаем, что он скажет. Кричать не будешь? – спросил я парня на что он покачал головой.

Я медленно отпустил ладонь, и он начал говорить:

– Я понял кто вы, – мы с Эммой переглянулись, – вы перебежчики, я все понимаю, и никому не скажу.

– А кто мы такие ты знаешь? – с напором спросила его Эмма.

– Не думаю. Но вы не первые кто неофициально пересекает море.

– Тут дело такое, отпустить мы тебя не можем, – угрожающе сказал я, – вдруг ты нас выдашь.

– Посидишь с нами, пока судно не причалит, – добавила Эмма.

– Что, вы чего, я вас не сдам, поверьте мне. Если я здесь останусь, меня хватятся, и начнут везде искать. Вопрос времени, когда сюда придут.

– Ты кем здесь работаешь? – спросил я не разжимая хватку.

– Помощник повара, – я пришел взять мешок с крупой на котором вы сидите.

– Он прав, – сказала Эмма, – нужно его отпустить. Если повар знает за чем он пошел, это будет первое место где будут его искать.

– Чёрт, – сквозь зубы сказал я и ослабил хватку. – Слушай сюда, если никому ничего не скажешь, мы тебе заплатим, щедро заплатим.

– Не стоит. Вы не похожи на злодеев, – он посмотрел на меня, затем на Эмму, – Вряд ли вы от хорошей жизни бежите.

Я полностью его отпустил, и мы встали на ноги.

– Возьми мешок и уходи, ты прав мы не злодеи, но если расскажешь про нас кому-то – пожалеешь.

– Рассчитывайте на меня. – сказал парень, взял мешок, и удалился.

– Зараза, – крикнул я, чуть громче чем было позволительно, – что теперь?

– Я думаю, переживать не стоит, – начала меня успокаивать Эмма, ты же видел, он еще ребёнок, ему лет пятнадцать.

– И что с того, что ему мешает сдать нас за гонорар или повышение или за не весть что ещё.

– Ну, думаю, у нас всё равно не было выбора, оставив его здесь мы только привлекли бы внимание.

Эмма была права, но я всё равно не мог успокоиться. С тех пор как отца не стало, всё шло наперекосяк. Ни один план не увенчался успехом. Судьба давала мне пощечину за пощечиной. Виндены дали мне надежду на то, что дальше всё будет хорошо, похоже я расслабился раньше времени.

Время словно замерло. Минуты тянулись, как часы, казалось, день никогда не сменится на ночь, а о приходе в порт

можно было и вовсе забыть. Но никто не приходил, и не было ни звука тревоги, ни шума суетящегося экипажа. Значило ли это что парнишка держал язык за зубами, или же патруль поджидал бы нас уже в порту. Так мы и просидели в неведении до самого вечера.

Стрелка компаса сменила свое направление на противоположное, значит под солнцем мы уже прошли. Третью пути, а может половину, – я мог судить лишь по тому как я видел море с противоположной стороны. Из Нового Начала порой казалось, что солнце утопает в воде к ночи и всплывает по утрам.

– Ты когда-нибудь уходил так далеко от дома? – спросила Эмма, перекладывая компас с руки в руку.

– Так далеко, пожалуй, нет. С детства у нас была, что-то вроде, традиции, с папой и дедушкой мы ходили в горы. Те, что под солнцем, отсюда этого не видно, но они куда выше, чем может показаться, а сам горный массив простирался на километры в каждом направлении. Мы устраивали привалы, ночёвки под небом, жгли костры, если так подумать, меня как будто готовили к длительному путешествию, специально или нет уже, думаю, не узнаю.

– И как далеко вы забирались?

– Ну, мы не стремились забраться на вершину, там была жуткая жара, мы шли больше между ущельями, искали интересные пещеры, и ранее не открытые пути. Наверное, дальше всего мы прошли, когда ушли на пять дней, но и тогда мы

прошли лишь малую часть, зато именно тогда меня научили охотиться на кабанов, правда, оказалось охота – это не моё.

Эмма открыла компас.

– Мои передвижения ограничились двумя городами, и конечно же двумя годами прозябания в стенах тюрьмы. – Со звуком захлопнула компас.

Я уже было начал что-то говорить, типа, "еще успеется", как к нам в убежище зашёл парнишка – помощник повара. В руках у него были две недавно испечённые сдобные булки и стеклянный бутыль молока.

– Можно? – с дрожью в голосе спросил он.

– Тебя снова схватить? – Насмешливо ответил я.

– Не стоит, я просто хочу поговорить.

– Садись, – вежливо, но командным тоном произнесла

Эмма.

– Недавно был ужин... Это вам, кстати, – он протянул нам сдобу и бутыль.

– Сначала ты, – продолжала играть в тюремщика Эмма.

– Я? В смысле не отравлено ли оно? – парнишка сделал добротный укус и запил таким количеством молока, что можно было предположить, что это был его ужин, который он решил пожертвовать в пользу "гостей".

– Ладно, – Эмма забрала у него гостинцы, и сильно смягчила тон. – Спасибо. О чем ты хотел поговорить?

– А, да. В общем, недавно был ужин, и команда как всегда говорила о своём, кто о жене с детьми, кто о здоровье, еде...

Ну, короче, начали говорить о новостях, и, я понял, что это вы те двое что с тюрьмы сбежали. Так ведь?

– Что, если и так? – вернула себе строгий тон Эмма.

– Вы же герои. – с блеском в глазах сказал парень.

Я ошеломленно обменялся взглядом со своей напарницей и переспросил:

– Герои?

– Конечно, вы устроили прецедент, показали, что власть в городе не всемогущая. Говорят, если не могут удержать преступников в тюрьме, то и кресла правителей скоро упустят.

– Мы не преступники, и уж тем более никакие мы не герои, мы жертвы обстоятельств.

– Неважно, как себя называете вы, важно то что люди говорят об этом, я даже мимоходом услышал, что некоторые прознав об этом планируют устроить акцию протеста, против нынешней власти. Это, наверное, судьба что я вас встретил.

– Это не судьба, парень, это моё невезение, – продолжал возмущаться я.

– Вы предлагали мне оплату за молчание...

– Что, решил цену накрутить раз уж такие гости? – раздраженно вбросила Эмма.

– Нет же, послушайте, я хочу попросить вас о помощи.

– Помощи?

Мы с Эммой продолжали переглядываться, недоумевая от поданной нам информации. Я сделал глоток из стеклянной

бутыли, чтобы промочить горло, сделал вдох и успокоив нервы, тихо сказал:

– Продолжай.

– Я сам из Навиаса, и сейчас там произошёл захват власти. Четыре месяца назад, вооруженная группировка из Возвышения прибыла в город и отняла власть у местного городского головы. Им даже стрелять не пришлось. У нас в городе не было своих стражей, ни армии, и даже оружия. Оно нам не было нужно, за сотни лет существования у нас не было ни одного серьезного конфликта. Местная полиция состояла из двадцати патрульных вооружёнными разве что дубинками. И пришедшие просто угрозами и запугиваниями отняли власть, все ресурсы города теперь забирают, давая за это гроши, люди еле выживают, и не могут ничего сделать чтобы это прекратить.

– Нам жаль все это слышать, но как мы тут поможем? – спросил я.

– Вы же смогли сбежать из тюрьмы, и скрыться от преследования...

– И были найдены мальчишкой на судне. – прикрывая лицо рукой сказала Эмма.

– Ты же понимаешь, что мы не какие-то революционеры, и не борцы за справедливость. Мы такие же обычные люди, как и ты. Ну, может, постарше. – добавил я.

– Да, мы обычные, но я всё это время разрабатывал план. Мне лишь нужны были соратники, чтобы осуществить его.

– План? И у нас был план, и не один. Прости парень, думаю если бы мы и решились помочь тебе, то всё точно закончилось бы плачевно.

– Прошу, я же вас не выдал. На самом деле, – начал он говорить поднимаясь на ноги, – я в любом случае вас не выдам, пусть вы так и не думаете, но вы символ надежды для Возвышения. Подумайте об этом. Завтра утром мы прибудем, и я прошу вас, позвольте мне отвести вас к себе домой. Я расскажу вам свой план, покажу наработки, и если вы откажетесь после этого, я пойму.

– Как тебя звать-то, – спросила Эмма парня, когда тот уходил.

– Финн, – тихо произнес он, и ушёл.

У Эммы перехватило дыхание. И я понимал почему. Этим именем назвал себя Томас, когда мы были в комнате отдыха надзирателей.

– Думаю это плохая идея, Эмма.

– Я знаю, но этот парнишка. Я так же боролась за Томаса, разрабатывала план... Думаю, нам стоит его выслушать.

– Какие из нас освободители, – с горечью сказал я, – мы едва ли себя можем спасти.

– Если в Навиасе всё так, как он описал, то как мне там жить?

– Я не... – я посмотрел в ее грустные, но полные решимости глаза и осёкся.

– Давай посмотрим на его план, может всё и правда без-

надежно, но, думаю мы должны хотя-бы посмотреть.

– Хорошо, – сказал я, – но все пройдет на наших условиях.

Я обсудил с Эммой дальнейшие действия, и мы доев принесенные булки, улеглись поудобнее. Звук двигателя перемешивался с шумом волн, доносившимся через переборку, судно слегка покачивалось, а в голове проносилось миллион мыслей.

Мирный город

Не знаю, как это вышло, возможно, усталость взяла своё, а, может, качка парохода убаюкала, но мы оба проспали всю ночь. Помнится, мы с Эммой о чём-то разговаривали в полумраке, и вот я уже проснулся под крики швартующих судно матросов. Протерев глаза, я присел, прислонившись к переборке.

– Эмма, – прошептал я, слегка касаясь её плеча, – мы были.

Эмма, безмятежно спавшая на мешках с крупой, медленно открыла глаза.

– Я что уснула?

– Мы оба. Но, как видишь, нас всё ещё не задержали.

Девушка приподнялась и потянулась. Волосы разметались по всему её сонному лицу, думаю, так крепко ей впервые удалось поспать со дня побега. Эмма собрала волосы в хвост, и взяла рюкзак себе на колени.

– Скоро выходим, – сказал я. Она кивнула.

Прождав еще недолго мы услышали поднывающую суматоху. Я решил осторожно высунуться из провизионного отсека, чтобы разведать обстановку. Шаг за шагом я преодолел лестницу, ведущую на главную палубу, прислушиваясь к каждому шороху. Приоткрыв дверь, я увидел пустой коридор.

дор, ведущий на палубу, где сновали пыльные грузчики, переносящие мешки с грузом. Вернувшись за Эммой, я надел рюкзак и взял на плечи один из мешков, он не был таким же, как те, что переносили рабочие, но мне все равно казалось, что это будет хорошая маскировка.

– Иди рядом, – сказал я, и мы вышли.

Пройдясь по пустому коридору, мы вышли на солнечный свет, который мгновенно нас ослепил. От суток, проведенных практически во мраке, свет казалось обжигал нам глаза. Сощурившись, мы вошли в поток рабочих, разделённый на тех, кто заходит по трапу с мешками на плечах и выходит с пустыми руками. И здесь я понял, что сглупил. Судно пришло сюда не на выгрузку, а на погрузку, и уходящий с мешком бросился бы в глаза. Но я решил не отступать, и мы с Эммой продолжили путь на берег.

Пока мы шли на нас не сильно обращали внимания, разве что оборачивались на Эмму, ведь девушка на судне была не частым гостем. Спустившись по трапу, мы прошли метров десять по земле и услышали чей-то противный высокий голос. К нам подошёл невысокий пузатый мужчина, со смятыми бумажками и ручкой в руках.

– Вы куда это его несете? – пропищал он.

Я бросил мешок к его ногам и сказал начальственным тоном:

– Среди мешков с грузом оказался этот. Посмотрите. Может я конечно ошибаюсь, но в нём не то, что должно быть.

Сколько ещё мешков с неверным грузом нам ждать?

– Я... – Замешкался пузач, начиная просматривать свои бумажки, – не понимаю, тут какая-то ошибка.

– Надеюсь, в дальнейшем не будет таких ошибок, – командовал я, и направился в сторону города, – перепроверьте все, ещё раз.

– Да... – он свистнул в свисток, что висел у него на шее и завопил: «Прекратить погрузку, переучет груза, всем спуститься!».

Пока грузчики спускались с судна, мы с Эммой были уже за пределами порта. Перед нами лежал маленький и спокойный город, причал не был окружен забором, и лишь один вооруженный охранник, попадающий под описание Финна, стоял неподалеку от судна. К счастью, он отвлекся на суматоху, которую поднял прораб, и мы смогли прошмыгнуть мимо.

Город представлял из себя небольшой лабиринт из дорог, каждая из которых вела в порт. Небольшие частные дома с ухоженными садами располагались ближе к центру, и обширные фермерские угодья – по сторонам. Слева от нас стояло несколько повозок с запряженными лошадьми, заполненные мешками для погрузки их на пароходы. А справа была небольшая поляна, имеющая выход к воде. Мы направились туда.

Кинув рюкзаки возле деревьев, мы выдохнули. Возвыше-

ние было позади, как и все стражники, которые нас искали, мы лишь надеялись, что плакаты с нашими портретами не появятся на стенах этого города. Я размял спину, затекшую от длительного сидячего путешествия, и начал пристально следить за судном, с которого едва выбрался.

Ждали мы недолго, с трапа сбежал перепуганный Финн, вертящийся по сторонам и пристально разглядывавший округу. Он бегал из стороны в сторону, всматриваясь в десятков грузчиков. Поняв, что нас там нет, он вернулся на судно. А мы продолжили ждать и наблюдать, наслаждаясь шелковистой травой, прохладным ветерком и пением птиц, радоваться свободе. Судя по поведению грузчиков, переучет был завершён, и работа продолжилась, а мы дождались своего.

Расстроенный Финн сошёл с судна и вышел с территории порта. С небольшим рюкзачком за спиной, опустив голову, он шел по центральной улице городка. Убедившись, что за ним никто не увязался, мы начали его преследовать, соблюдая максимально безопасную дистанцию. Пройдя мимо дюжины строений, Финн остановился возле маленького неприглядного домика с деревянным крыльцом. Открыл дверь, он зашёл внутрь, мы пошли следом. На наш стук парень отреагировал со скоростью молнии.

Завидев нас, он даже прослезился, а на лице застыла счастливая ухмылка:

– Вы всё-таки пришли, – радостно заговорил он.

– Мы выслушаем тебя, – начала Эмма, – и если посчитаем

нужным, то поможем.

– Только сильно не рассчитывай на нас. – добавил я.

– Вам понравится, вот увидите.

Он повёл нас в свою спальню. Сделав шаг внутрь, я буквально открыл рот от удивления. Вся стена напротив кровати, была обвешена картами местности, зарисовками, записками, всё это накладывалось, объединялось и образовывало единую картину. Картину плана по освобождению города.

– Как долго ты этим занимаешься? – поинтересовался я.

– Месяца два уже. Смотрите – он подошёл ближе к стене и начал водить пальцем по обведенным линиям. – Вот это маршруты вооруженных стражников, всего город патрулируют двадцать четыре человека по два в группе. Двенадцать пар со своим районом патрулирования. По ночам остается четыре пары, они меняются каждый вечер и делят оставшиеся районы. Здесь находится Мэрия, в ней как я знаю сидит их главный и трое подчиненных, вход сторожат еще двое.

– Итого двадцать девять стражников на весь город? – спросила Эмма.

– Есть ещё один, старшина, который руководит патрулями. Он часто на улицах, но у его перемещений нет четкого маршрута. Каждый из них вооружен ружьями, а те что ваше званием, револьверами.

– Как ты все это узнал? Тебе кто-то помогает? – продолжила допрос Эмма.

– Наблюдал, каждый день я следил за одним или сразу

двумя патрулями. И, нет, я все делал сам, в дни, когда не было работы. Но я не один. В Навиасе есть группа людей, во главе с бывшим мэром, которая хочет свергнуть захватчиков. Но они безоружны, сейчас они тоже разрабатывают план по освобождению, но меня они не захотели принимать в свои ряды, дескать я мал ещё.

– Хорошо мы поняли, ты все изучил, ты проделал большую работу, но в чём план, и зачем тебе наша помощь? – спросил я.

– Вы что не понимаете, вас здесь не знают, вы новые люди для города.

– Не понимаю

– Ты хочешь, чтобы мы стали стражниками? – догадалась Эмма.

– Не просто стражниками, вы сможете представиться офицерами армии Возвышения, перехитрить всех, чтобы враги играли по нашим правилам.

– Исправь меня если я не прав, но кто поверит, что мы офицеры, нам по двадцать, да и форму мы где возьмем?

– Поверят, – сказала Эмма, – присаживаясь на кровать, – дело в том, что у нас высшие звания в основном получают не те, кто дольше на службе, а те, у кого есть связи, те мои однокурсники, которые были детьми магнатов, сразу после выпуска становились офицерами, им и двадцати не исполнилось. Но Коннор прав, где мы возьмем форму?

– Вот тут, – Финн замешкался, – есть загвоздка. Форма

есть, но не у меня... У мэра, вернее, у его людей.

– Ты же сказал, что он за освобождение, так в чем проблема?

– Я же говорю, он меня не слушает, в их глазах я ребёнок.

– Думаю мы сможем это уладить. – сказала Эмма и уверенно посмотрела на меня.

– Ты... Уладить? Эмма, ты что уже собралась в этом участвовать. – не сдерживая эмоций сказал я.

– Финн прав, – она повысила тон в ответ, – мы правда можем помочь, проникнуть в систему и уничтожить её.

– Мы даже не знаем говорит ли он правду, мы его знаем полдня.

– Знаешь, кое-кого я тоже совсем не знала, но доверилась... – крикнула Эмма и резко осеклась, тихо добавив, – а он, доверился мне в ответ.

И тут до меня дошло, неважно, что я скажу, решение уже было принято. Здравый смысл подтолкнул меня к этому спору, но когда совершенно незнакомая девушка несколькими днями ранее пообещала вытащить меня из тюрьмы, я поверил ей, а она поверила мне, и именно благодаря этому я стою сейчас здесь. Пришло время отдать долг.

– Мне тебя не отговорить так ведь? – тихо спросил я, она покачала головой "нет", – тогда я согласен. Финн, мы поможем тебе, но сначала мы должны убедиться, что все тобою сказанное правда.

Эмма засияла, и озарив комнату своей улыбкой, сказала:

– Нам нужен лазутчик.

– Что? – недоуменно спросил Финн.

– Два появившиеся из неоткуда стражника, которых никто не знает, не вызовут доверия. Нужен тот, кто за нас сможет поручиться.

– Завербовать? Но кого?

– Кого-нибудь из старших по званию, – сказал я, Эмма кивнула.

– Даже не знаю, – продолжал парнишка, о тех, кто в штабе я почти ничего не знаю, а тот старшина, что руководит патрулями, – не вариант.

– Почему?

– Он слишком предан своему делу. Я видел его, он всех держит в страхе, орёт на рядовых за любой просчёт, служба для него – всё. Его на свою сторону нам не переманить. Он здесь хорошо обосновался, даже своих жену с ребенком сюда привёз.

Мы с Эммой в одно мгновение восторженно переглянулись.

– И ты знаешь где они живут?

– Что?.. Да. А какая разница?

– Пошли, пройдемся, – резко сменила тему Эмма, – всё нам покажешь. Как сказал Коннор, мы должны сами во всём убедиться.

Близился полдень. Мы шли по улицам Навиаса, изучая

обстановку, наслаждались приятной погодой и, конечно же, свободой. Финн, горя энтузиазмом, рассказывал о том, как здесь всё устроено, а мы с Эммой молча впитывали всю поступающую информацию. Парнишка за месяцы подготовки точно знал, как ходить по городу так, чтобы не наткнуться на патрульных. Внимание нам было ни к чему.

Он показал нам удобные для наблюдения укрытия, из которых он и шпионил за патрульными. Во дворе местной школы, было дерево, которое, как сказал Финн, "отличный наблюдательный пункт". Несколько узких проулков, дыры в заборах, и даже банальный вид из окна его дома и дома его бабушки, жившей в другой части в города – всё было полезно, в разведывательных целях.

Посетив несколько таких мест, мы убедились в ориентированности парня. Стражники проходили в названном им месте и в названное время. Всё записывалось и «моталось на ус». Пронаблюдав за тройкой патрулей, мы изучили какое оружие у них в распоряжении, какая на них форма и даже запомнили особенности их походки. После чего мы попросили отвести нас к мэрии чтобы увидеть "штаб" оккупантов.

Мэрия представляла собой довольно величественное здание, которое являлось олицетворением симметрии. Каменная, двухэтажная постройка с аккуратными окошками, выходящими на главную городскую площадь, круглые часы под треугольной крышей, и пара колонн у входа. Я не знал наверняка, но мог предположить, что именно с этого здания и

началось строительство города двести лет назад.

У входа, как и говорил Финн, стояло два вооруженных охранника. А внутри неведомо в каком из многочисленных кабинетов находился главарь, человек, который управлял при захвате города и управляет им сейчас. Обойдя здание, мы не нашли ни одной лазейки, ни запасного входа, ни пожарной лестницы, ни низких окон. Ни одного места, через которое можно было бы проникнуть внутрь незамеченным. Зайти и выйти могли лишь гражданские работники мэрии, и вызванные лично главой штаба стражники.

Несколько часов мы провели за наблюдением и изучением обстановки, но оставалось узнать ещё несколько важных деталей. И мы направились к месту, где проживал старшина со своей женой. Как оказалось, всё было не так просто, парнишка просветил нас, что тот приходит в выделенный ему дом, проводит там какое-то время и уже в гражданской одежде, выходя через задний ход, идёт в другой дом.

– Он скрывает жену и ребёнка от остальных, – произнесла Эмма.

– За ним оказалось сложнее всего следить, – начал Финн, – у него нет ни конкретного маршрута, ни сроков. Однако потратив несколько дней на него одного, я узнал, что ночует он не у себя. Узнав где именно, я понял, что там живут его супруга с ребёнком. Он приходит к ним дважды, в обед и после рабочего дня.

– Я думаю, мы получили достаточно информации, чтобы

сказать, что мы тебе верим. – сказал я, глядя на парнишку.

– И думаю, не лишним будет сказать, что мы в деле.

Финн даже подпрыгнул от радости! Пятнадцать лет, по сути, он был уже взрослым парнем, но в этот момент в нём проснулся ребёнок, которого взрослые позвали играть в "серьезные" игры.

– Кстати, – прервала восторженные восклицания Эмма, – вон там жила моя тётка. – Она ткнула пальцем на дом что стоял неподалеку от объекта наблюдения, – интересно, она все еще там?

– Хочешь зайти к ней сейчас?

– Нет... – замешкавшись сказала девушка, – думаю это подождёт.

– Погоди, – вписался в разговор Финн, – там же живет мисс Ярвин. Она твоя тетя?

– Да, мамина сестра. Она нас воспитывала пока мы не сбежали.

– Она мне казалась приятной женщиной, почему вы от неё сбежали?

– Да, она была хорошей, просто она вечно была занята в школе со своими учениками, а нам не уделяла достаточного внимания. Но мы убежали не от неё, мы просто хотели перемен. И мы их получили, – грустно подытожила Эмма.

– Пошли, нам нужно посетить еще одно место. – вклинился я в наступившую неловкую тишину.

Перед тем как приняться за обсуждение каких-либо дей-

ствий, мы должны были сложить всю картину целиком. Для этого мы выдвинулись в направлении отделения местной полиции. Именно там, как нам было сказано, проводились сборы революционеров во главе с бывшим мэром. Сборы были хоть и тайными, но для пронырливого Финна тайн не было.

– Несколько раз в неделю, в полдень. Они считают, что в рабочее время в будние дни их точно никто не вычислит. Но если вышло у меня, то это всего лишь вопрос времени, когда стражники их там найдут и выведут на чистую воду, – прокомментировал парень.

Вот уже и начало вечереть, и лишь сейчас мы поняли, что с дороги мы так и не поели, и банально не сходили по нужде. Мы вернулись к Финну домой, и наткнулись на его мать, недавно вернувшуюся с работы в столовой. Джун оказалась очень приятной женщиной, которая хоть и не была в восторге от опасных затей своего сына, все же поддерживала его стремление освободить город. Более того, она являлась частью Совета по освобождению, именно так себя называла группа, возглавляемая бывшим мэром Навиаса.

Нас накормили, предоставили единственную свободную комнату Эмме, а я решил, что переночую на полу у Финна в комнате. Но спать было еще рано. Пришло время разрабатывать план. В обсуждение включилась и Джун, восхищенная проделанной сыном работой. Столпившись возле стены с картой мы оговаривали шаг за шагом принимая во внимание все нюансы. Я не мог вспомнить, когда я последний раз

был так во что-то вовлечен, я на время забыл и про произошедшее за последнее время, и про свою миссию. Был только я, они и наше дело – освободить город.

Под конец вечера у каждого из нас слипались глаза, голова уже не желала работать, а ноги подкашивались. Но всё это было не важно. План был готов. И затягивать его исполнение было нельзя. Завтра всё должно было произойти. Мы разошлись каждый в свою постель, и легли. Финн снова поблагодарил нас за помощь, и быстро уснул. А у меня как всегда перед сном, в голове творился кавардак.

"Зачем мы в это вписались? Ради Эммы. Я же не смог бы оставить её в месте, угнетаемом диктатором. Или мог? Нет не мог. Ох, ну и угораздило же. Очередной план. План, план, план. Каждый раз что-то идет не так. Как бы и тут всё не пошло наперекосяк. Это же я. Ну точно что-то случится. Надо помочь. Как мне помогли. Революционер? Вот кто я теперь? Революция, восстание, как не назови всё равно со мной не сочетается. Пап, деда, что бы вы на это сказали? Ох, точно. Я же так далеко от дома, интересно, как там, в Новом Начале? Отсюда его уже не сильно отчетливо видно. Сколько? Километров сто пятьдесят – двести? Ну и ладно. Все равно не вернусь..."

Мне приснился кошмар. И как это обычно бывает, он тут же ускользнул при пробуждении, образы рассеялись как песок сквозь пальцы. Глаза открылись, значит пора вставать, привстав с места Финна на его кровати – я не обнаружил.

Видимо, тоже проснулся от волнения, сегодня был важный день. Я встал, оделся, взял рюкзак и пошёл в гостевую, где уже стояли Эмма Джун и Финн.

– А мы уже думали тебя будить. – улыбаясь сказала Эмма.

– Будить нужно тех, кто смог уснуть, – лукаво прокомментировал я.

За завтраком мы обсудили свои роли, у каждого было свое задание, у нас могло всё получиться. Должно всё получиться. Мы вышли из дома за час до полудня. Я с Финном и его матерью отправился в полицейский участок. А Эмма направилась к своей тётке.

Выбирая оптимальный маршрут, чтобы не светиться перед патрульными, мы добрались до полицейского участка, который не работал по своему назначению с тех пор как власть перехватили. Теперь, для всех это было бесполезное здание, которое было бы полезно оккупантам, если бы внутри были тюремные решетки или что-то, что можно было применить против населения. Но ничего этого не было. Просто здание управления, нынче расформированного полицией. Но не сегодня. Сегодня это было место сбора Союза По Освобождению, на котором я должен был предстать Тем, кто решит их проблемы. Даже мне в это не верилось.

Перед постучавшей секретным стуком Джун, открылась дверь, женщина дала мне и Финну отмашку, и мы вошли вслед за ней. Следуя по коридору, мы слышали шум оживленной дискуссии, где одни перебивали других и, в принци-

пе, нельзя было понять ничего вразумительного. Мама Финна решила не церемониться, и слёту заявить о себе и приведённых гостях, шумно распахнув двери главного холла. Галдеж резко прекратился.

– Джун, сколько раз мы уже говорили, мальчишке здесь не место, – с ходу набросился какой-то мужик, и посмотрел на меня – а это еще кто?

– Коул, что-бы ты знал этот "мальчишка" думает, как спасти наши задницы пока вы прохладаетесь. – повышая голос ответила Джун, – Коннор, это бывший мэр Навиаса.

– Очень приятно, – сказал я, немного смущаясь.

В зале находилось человек пятнадцать, а, может, и больше, и все они испепеляли меня любопытными взглядами. Мужчины и женщины молодые и старые, все смешались в толпе, объединенной желанием вернуть порядок.

– Объяснишь? – спросил мэр.

Мать Финна вышла в центр зала, обратив на себя все взгляды, и начала говорить:

– Мой сын без устали изучал обстановку и разрабатывал план по освобождению города все эти месяцы. Может и к лучшему что вы не взяли его в свои ряды, думаю вы бы его только тормозили. Так вот, еще какое-то время назад, у него появилась идея внедрить человека в ряды оккупантов, ведь у вас есть их форма. Но что толку? Тут все друг друга знают. Не вариант, – она театрально развернулась и показала в мою сторону, – но затем явились гости. Парень, о котором

здесь никому не известно, и девушка, имеющая образование стражника. Они храбры, умны и желают помочь. С их помощью вчера мы довели план Финна до ума. И теперь мы пришли всё поведать вам и получить от вас помощь.

– ...О котором здесь никому не известно, ты себя слышишь? – завела женщина из толпы.

– С чего нам ему верить, да ещё и помогать, что за план? – донеслось из другой части холла.

– Позвольте мне, – начал я так громко, чтобы меня все услышали, – Вы меня не знаете, и я вас не знаю, тут все честно. Меня попросили о помощи, но не потому что я какой-то особенный... Да я бы с радостью сейчас был в другом месте, а не строил из себя революционера. Но я сталкивался с несправедливостью, и знаю какво терять то, что тебе так близко. Меня попросили помочь по нелепой случайности. Финн искал людей, которые его выслушают, ведь, как я понял от вас, он этого не дождался.

Зал начал перешептываться, а я тем временем продолжал: – Как сказала Джун, нас тут никто не знает, а моя спутнице знакомы принципы поведения и субординации, которым обучают стражу. Соединив эти факторы, мы поняли, что можем прикинуться офицерами, и даже более того, у нас уже есть четкий план действий, который при правильном соблюдении может привести к освобождению города уже сегодня.

Перешептывания усилились. "Сегодня?", – повторяли в толпе.

– Смелое заявление молодой человек. И что же вам надо для этого, – Мэр поднял руки и изобразил кавычки, – "плана".

– Форма, – встрял в разговор Финн, – вам удалось выкрасть с судна, на котором они прибыли, несколько комплектов формы. Нам нужно два.

Джун перехватила эстафету добавив:

– Четыре месяца нас держат под колпаком в родном городе, это наш шанс.

Люди стали переговариваться громче.

– Вы не рискуете, – громко сказал я перебивая толпу.

– Любые действия против системы это риск, – заметил мэр.

– Верно, это риск, но лишь для меня...

Мы с Финном и Джун раскрыли все карты и посвятили каждого в нашу авантюрную затею. Со временем скепсис у людей поутих, и нас стали слушать внимательно, а затем заинтересованно. Несмотря на безумность плана люди смогли найти в нем рациональное зерно, нам все же дали запрошенную форму, и начали приготовления.

Финн шёл по улице, улыбаясь во весь рот. А как иначе? Люди, отвергающие его из-за незрелости, теперь подчинялись плану, что был создан, в первую очередь, благодаря ему. Мы направлялись в дом к тетке Эммы. В холле полицейского участка мы пробыли около получаса, Эмме этого времени, думаю, должно было хватить.

Подойдя к входной двери, мы осмотрелись по сторонам. Убедившись в отсутствии лишних глаз, я постучал. Дверь открыла сияющая улыбкой Эмма.

– Тётя Нелл, они пришли, – крикнула она, и пригласила нас в дом.

Из соседней комнаты вышла стройная женщина средних лет, думаю она была папиной ровесницей, с каштановыми как у Эммы волосами, и мокрым от слёз платком в руках.

– Джун, Финн, рада вас видеть, – сказала она, на что гости кивнули в ответ, – а ты должно быть Коннор.

– Очень приятно, мисс Ярвин, – сказал я пожав протянутую ей руку.

– Прошу просто Нелл.

– Давай потом будем любезничать, – нетерпеливо встряла Эмма, – Коннор, ну что?

Финн протянул Эмме вязанную сумку в которой лежала форма.

– Пока что всё хорошо. – улыбнулся я, – как здесь дела обстоят?

– Отлично, – вскинув руки ответила Нелл, – Эмма мне всё рассказала. После того как явилась спустя шесть лет отсутствия, – она злобно фыркнула, посмотрев на племянницу, затем снова взглянула на меня, – Я в деле.

– Отлично, – сказал я, – тогда переодеваемся, времени мало.

Надев форму, я вспомнил день побега, и его последствия.

"Хоть бы в этот раз обошлось", – подумал я, взглянув в зеркало. Сине-зелёные штаны из уплотненной ткани с пустой кобурой для револьвера на поясе и жилет со стальными подкладками, что шёл поверх рубашки – в цвет штанов. Выйдя в прихожую, я увидел Эмму, которой эта форма шла явно больше чем мне.

– Выглядишь очень важным, – усмехнулась Эмма.

– Пожелай мне удачи, скоро буду.

Я вышел из дома и осторожным, но уверенным, шагом направлялся к нужному мне дому. Вчерашней ночью Эмма поработала над моими речью и походкой – чтобы маскировка сработала. Подойдя к нужной двери, я выдохнул и постучался. Мне открыла милая молодая женщина с карапузом на руках.

– День добрый, миссис.

– Здравствуйте, – неловко произнесла она.

– Я надеюсь не отвлек вас, я здесь по поручению старшины Бейца.

– Я вас слушаю.

– Он просил передать вам, что сегодня не придет на обед, что допоздна будет в мэрии, – сказал я, после чего ухмыльнулся, – заботливый он у вас.

Девушка улыбнулась и посмотрела на своего ребёнка:

– Это точно. Спасибо что сообщили.

– Всего доброго, – попрощался я и откланялся.

Спустя всего несколько минут я снова был у тетки Эммы.

– Нелл, – обратился к ней я, – ваш выход, через десять минут.

– Поняла.

– Финн, ты со мной, – сказала Эмма, положив парню руку на плечо.

– Как все будет чисто я к вам подойду, – добавила Джун.

– Всем удачи, – сказал я, вновь выйдя из дома. Следом вышли Эмма с Финном, и отправились на свою позицию.

Я спрятался за дом, что стоял по соседству и стал ждать.

По прошествии десяти заданных минут, Нелл вышла из дома и направилась к жене старшины Бейца. Когда та открыла дверь, я не слышал разговор, но мне отчетливо было видно как соседки улыбались и дружелюбно приветствовали друг друга. Большой удачей было что Нелл жила по соседству, однако если бы не она, то её роль просто отошла бы Джун.

Прошла минута, две, я уже начал волноваться, но всё обошлось. Женщина с ребёнком на руках вышли из дома и последовала за Нелл. Если мне не изменяли глаза, то дверь она не закрыла. Это было мне на руку. Я выждал немного и вошёл в дом. "Теперь я взломщик?" подумал я, и сел на небольшое кресло что было в гостевой. Оставалось лишь ждать.

Старшина Бейц был молод, высок и плечист, армейская выправка, и короткая стрижка, все атрибуты присущие истинному стражнику. Войдя в дом он не сразу понял, что происходит, но сразу насторожился.

– Кэтти, – крикнул он, – ты где?

– Кетти здесь нет, – громко и уверенно сказал я, – хотя внутри всё сжималось.

– Что за черт, – крикнул он, и завидев меня тут же наставил револьвер. – Ты кто такой, где Кэтти?

– Она в порядке, – холодным голосом начал я, а вот будет ли она оставаться в порядке? Зависит от тебя.

Массивный мужчина с револьвером в руках подошёл ко мне вплотную и прицелившись прямо в голову сказал:

– Говори, не то я...

– Сожалею, но моя смерть тебе точно на руку не сыграет, видишь ли мне кое-что нужно. Если я получу это – твоя благоверная и её ребенок вернутся к тебе в целостности и сохранности.

– Где они? – его голос задрожал, а глаза намокли.

– Мы не хотим никому вреда, и тем более невинной женщине с ребёнком, но в данной ситуации мы вынуждены играть грязно.

– Что вам нужно? – он медленно опустил револьвер, после чего я забрал его и засунул в свою пустую кобуру.

– Мы хотим вернуть контроль над городом, только и всего. Освободиться от вашего гнёта. Если всё будет хорошо, то никто не пострадает, не единого выстрела не будет произведено.

– Но что я могу? Я лишь старшина, я не главный здесь.

– О, я знаю. Здесь главным буду я. А вы будете лишь мне

помогать.

– Как?

– Я объясню всё по дороге, прошу за мной.

Мне самому стало не по себе от персонажа которого я изображал, но так было нужно. Действовать нужно было осторожно, мало ли что мог выкинуть человек, убежденный что его семье угрожают. Зачем я на это подписался?..

Мы вышли из дома и направились к первой мишени.

– Итак, старшина Бейц, – начал я, – ваша роль такова: вы представляете меня своим подчиненным, как офицера Патрика Клейтона, прибывшего вчера для проверки, а потом говорить буду я.

– Я так полагаю имя это тебе не принадлежит, так? А я тебе нужен, чтобы у тебя не решились проверить документы, которых тоже..

– Старшина, – перебил его я надменным тоном, – у меня нет сомнений в вашей сообразительности, однако я хочу, чтобы у меня также не было сомнений в вашем благоразумии. Если я увижу, что вы подаете сигнал, или, каким-либо образом, намекнете на происходящее, жену вы не увидите.

– Ублюдох, – сквозь зубы сказал он, – мне и даром этот город не нужен, чтобы из-за него рисковать.

– Тут скорее речь идет о преданности начальству и наивном героизме, возникающем в такие минуты.

– Я понял, я всё сделаю. – подытожил я.

Мы держали путь к конкретным патрульным что находи-

лись в одном из крайних районов города. На протяжении всего пути я старался не выходить из образа, следил за осанкой, походкой, повадками. Револьвер приятной тяжестью покачивался у меня на поясе, и я всё сильнее вживался в роль.

– Рядовые, смирно, – командующим тоном сказал Бейц, когда мы дошли до места назначения. – Офицер Клейтон, позвольте представить, это рядовые Уает и Шульц. Рядовые это офицер Клейтон.

– Рады знакомству, сэр, – в унисон произнеси патрульные. Два парнишки моего возраста с испуганными физиономиями.

– Спасибо, старшина, – сказал я, – Вольно, рядовые. Я прибыл сюда из Возвышения с целью проверки исполнения приказа по контролю города, и провести полную инвентаризацию и проверку вооружения. Рядовой Уает, рядовой Шульц.

– Да сэр, – незамедлительно ответили парни.

– Я прибыл сюда с напарницей, офицером Сильвией Раттисон, она сейчас находится в здании бывшего полицейского участка, и её задача собрать и проверить винтовки и револьверы всех патрульных. Старшина посоветовал мне вас, как надёжных парней, которым можно поручить важную задачу, я прав?

– Все верно, сэр, – отозвался старшина Бейц.

– Я могу на вас рассчитывать? – спросил я у перепуганных парней.

– Так точно, сэр, – в один голос отрапортовали они.

– Сейчас, вы отправитесь в полицейский участок. По пути обойдите всех патрульных, которые встретятся у вас на пути, и передадите им, чтобы в течение часа они отнесли оружие на проверку. А сами останетесь там и посторожите участок, пока моя очаровательная коллега будет всё проверять. На месте следуйте её указаниям. Вам все ясно?

– Да, сэр.

– Отлично, поторопитесь, чтобы к концу вечера патрульные смогли снова вооружиться. Сколько районов патрулирования отсюда до центра?

– Пять, сэр – с неприязнью сказал Бейц

– Значит оповестите пять патрулей. – добавил я, – исполняйте.

Два парнишки откланялись. А я улыбнулся от радости: «Неужели все получилось?» Но расслабляться, было еще рано, ещё следовало обойти по меньшей мере два патруля, которые находились в другой части города. Не теряя ни минуты, мы туда отправились.

– Так вот что вы задумали, решили нас разоружить хитростью? – прошипел старшина.

– И пока что у нас выходит, – насмешливо ответил я.

– А дальше что, возьмете мэрию штурмом? Она непреступна, вы и подойти не сможете.

Я предпочел промолчать, и спустя без малого час мы прибыли к патрулю, что был неподалеку от местной школы. Мы

с Бейцом вновь отыграли свои роли, как по нотам, только в этот раз из-за специфики районов по пути были лишь два патруля, и всем было велено сдать винтовки и вернуться на пост.

Нам осталось дойти до последней точки. Всё это время я думал, всё ли у Эммы идет по плану, не возникли ли проблемы. Хотя, пожалуй, за неё волноваться не стоило, она была явно более подготовлена чем я. И раз у меня все хорошо, то она и подавно справится. Пройдя еще несколько районов, обходя город, словно по кругу, мы дошли до последних патрульных на нашем пути. И Старшина Бейц снова начал:

– ...Рядовые, это офицер Клейтон.

– Рады знакомству, сэр. – шаблонно отвечали патрульные.

Я снова начал повторять заученную речь о коллеге в полицейском участке, пока один из рядовых не сводил глаз со старшины.

– ...Все ясно?

– Один вопрос, сэр, – начал говорить что-то заподозривший рядовой. – что случилось с вашими офицерскими нашивками?

– А вы наблюдательны, – не выходя из образа сказал я, у меня был готов ответ, – моя форма из Возвышения сейчас у местного портного, на судне, не посчастливилось порвать рукав, а эту форму мне любезно одолжил старшина Бейц.

– Ну вы же понимаете, что...

– Рядовой, – я начал повышать тон, – не нужно задержи-

вать нас расспросами, отправляйтесь в участок, и скорее возвращайтесь на патрулирование.

– Да, сэр, простите за дерзость, просто я учился с единственным Клейтоном в академии, и вы – не он, – патрульный наставил на меня ружьё.

– Гарри опусти ружье, – приказал старшина.

– Бейц, вы нас предали, – крикнул Гарри, – Уилл, возьми его под прицел. – Тот послушался.

– Ты не понимаешь, у них в заложниках моя жена, – сказал Бейц, пока я поднимал руки над головой.

– Давайте мы все успокоимся, – сказал я. – ещё не поздно договориться.

– Молчать, – крикнул рядовой, пока Бейц объяснял ему происходящее.

– Мы освободим вашу жену, но сначала отведем этого ублюдка к Генералу.

– Послушай меня, – начал говорить я и медленно идти на парней с ружьями.

– Стой, кому сказал.

Он прислонил винтовку к моей груди. Сердце билось, как ненормальное, но нужно было продолжать.

– Ты же не будешь стрелять.

– Правда? – сказал он и сделав шаг назад выстрелил в небо, – уверен?

Он подошел ко мне и ударил прикладом по затылку. Пока мне связывали руки, я чувствовал, как кровь обволакивая

волосы стекала вниз. Старшина вытащил у меня револьвер и вернул его себе в кобуру, поговаривая что если с его женой что-то случится, то он меня убьет. Четверть часа ушло чтобы привести меня в мэрию.

– У нас тут шпион, мы хотим отвести его к генералу, – сказал Гарри, стражникам, стоявшим у входа в мэрию.

Один из стражников убежал внутрь.

Спустя несколько минут он вернулся и пропустил нас. Моя голова трещала от боли, а руки натирала плотная верёвка. Мы поднялись на два этажа вверх.

Рядовые хотели лично представить находку своему лидеру. Авось и повышение получат.

Рядовой Гарри, говорил без умолку описывая произошедшее, иногда передавая слово старшине Бейцу, который без умолку умялял простить его предательство. "Это ради жены", – повторял он. Генерал, сидел в своём кресле и слушал их, не произнося ни слова. И в один момент он поднял руку и сжал кулак. Все замолкли.

– Итак, молодой человек, – начал говорить генерал, во внешности которого стоило внимания заслуживал лишь огромный подбородок, – вы поступили очень хитро и, вынужден признать, даже элегантно.

Он встал с кресла и начал ходить по комнате:

– Хоть вы и не чурались грязных приёмов, право, даже я не знал, что старшина Бейц нарушил правило о наличии се-

мый на подконтрольной территории, – он пристально посмотрел на старшину, опустившего взгляд, – и это могло нам стоить всего. Вы надели чужую форму, назвали чужим именем, и хоть вопросов у меня и много я хочу узнать лишь одно. Ты кто такой? – крикнул он подходя ко мне в плотную.

– Я, просто мимо проходил, – ответил я тихим голосом.

– Я уже послал за твоей подружкой, в бывший полицейский участок. Посмотрим, что она скажет.

– Она тоже мимо проходила.

– Не в том ты положении чтобы шутить, парень, – сказал он и врезал мне по лицу так, что я упал на пол.

– Где моя жена? – прошипел старшина, наклоняясь ко мне, – ваш план все рано уже провалился, скажи где она.

– Бейц, мы найдем твою жену, но за нарушение правил, и пособничество... Короче ничего хорошего тебе не светит.

– А зачем её искать? – тихо сказал я, пытаясь подняться.

– Что ты сказал? – повысил тон Бейц.

– Наверняка она уже дома, ужин готовит.

– Я... Не понимаю.

– Мы не стали бы даже и думать о том, чтобы реально кого-то похищать. Мы просто выманили её из дома за четверть часа до твоего прихода.

– Что? – Генерал рассмеялся, – да ты просто невероятный идиот, ты повёлся на такую идиотскую аферу. Как ты вообще дослужился до звания старшины?

– Не судите его строго генерал, ведь вас тоже провели.

– Тебе не удалось завершить начатое парень, твоим в штаб не попасть, даже если кто-то и доберётся досюда – мы их остановим.

– Вы не поняли генерал...

Дверь в кабинет распахнулась, на пороге стояла Эмма, с винтовкой в руках, а за её спиной красовалась дюжина вооруженных городских жителей. Мэр Коул сделал пару шагов вперед, направив винтовку на генерала и сказал:

– Знакомая картина не правда ли? Только теперь мы с тобой поменялись местами.

Рядовые, которые держали меня на прицеле, опустили ружья. – Генерал изменился в лице – его мина с выражением уверенного превосходства преобразовалась в бесконечно негодующую. Вооруженные члены Союза по освобождению, заняли всё пространство в помещении, забрав оружие у всех оставшихся стражников. Против количества не попрешь. Эмма помогла мне встать и развязала руки.

– Прости, что мы так долго, – сказала она, прикоснувшись ладонью к месту где назревал синяк от удара, – больно?

– Все хорошо, не переживай. – улыбнулся я Эмме. Я был рад её видеть, особенно здесь и сейчас. План сработал.

– Как вы сюда проникли? – голосом, переполненным страха, спросил Генерал.

– Вы были беспечны, пуская гражданских в здание мэрии, – начал рассказ я, – да бухгалтерский учёт должен продолжаться и в оккупации, вам же потом отчитываться перед

вышестоящими. Но так уж вышло, что даже старенькой мисс Фланеган хватило, чтобы открыть окно с обратной стороны мэрии и скинуть веревку по которой поднялись остальные. И вы, наверное, хотите знать, как они поняли, что я здесь? Ну, у нас было два варианта, если бы всё шло хорошо, то я бы залез сюда со всеми, второй вариант предполагал, что что-то пойдет не так и меня захватят, я должен был подать сигнал, что меня ведут в мэрию, и я специально стал нарываться на выстрел, что и послужило сигналом.

– И это был единственный выстрел, необходимый для перехвата власти, – сказал мэр.

Старшина Бейц медленно потянулся к кобуре с револьвером.

– Не стоит, – сказал я, глядя на старшину, – там нет патронов.

Несколько секунд тишины, и в воздух поднялись восторженные крики горожан, находящихся в комнате. Все стали ликовать, и благодарить Финна, Эмму и меня. Радости их не было предела. Эмма крепко обняла меня со словами "Мы сделали это!" а Финн и Джун, ничуть не мешкая, обняли нас следом.

Когда эмоции поутихли, всех стражников связали и поместили под охрану, по городу ещё ходили патрули, не имеющие представления о произошедшем. За ними было послано несколько отрядов. Обезоружили и два оставшихся патруля. Все оккупанты, прибывшие сюда четыре месяца назад, были

пойманы и связаны до дальнейшего рассмотрения.

Я не мог в это поверить. Пусть мне и расквасили лицо, но план сработал. Не зря мне полдня пришлось играть роль беспринципного человека, способного на похищение.

Финн скакал от восторга весь обратный путь домой. Когда мы пришли, его мать осмотрела мои раны, скорее царапины, обработала их и оставила нас с Эммой отдыхать.

В путь

– Правильно ли мы поступили?

– Что за вопрос такой?

Мы с Эммой допоздна сидели на полу, упершись о стенку где весела карта с наработками плана. День был длинный и насыщенный, впервые за долгое время нам никто не угрожал, никто нас не преследовал и не хотел поймать. Мы обсуждали все произошедшее и вспоминали тех, кого не было рядом.

– Они же могут вернуться, да ещё и с подкреплением, и что тогда?

После того как все стражники были пойманы, – мэр обмолвился что на завтрашнем общегородском сборе поднимет вопрос об их ссылке обратно в Возвышение. Пусть решение ещё не было принято, все понимали, что альтернативы нет. "Все равно в Возвышении узнают, что город был освобождён, и им придется пойти на дипломатическое урегули-

рование ситуации, чтобы не потерять доступ к нашим ресурсам", – говорил мэр. Про то что армия может вернуться, да ещё и с удвоенным, а, может, и с утроенным количеством воинов, он решил умолчать.

– Они же могут вернуться, да ещё и с подкреплением, и что тогда?

– Теперь у горожан есть оружие, они смогут защититься. – успокаивала меня Эмма.

– Но они же не солдаты.

– Ради того, что любишь, ты будешь сражаться несмотря ни на что. Завтра на голосовании я подниму вопрос о создании здесь добровольного отряда стражников, помимо полиции, которая теперь снова начнёт работу.

– Сколько еще ружей нашли в мэрии? Десять?

– Да. При правильном распределении, половина всего вооружения отойдет полиции, а остальное в отряд стражи, если идею примут конечно.

– Сорок человек. Если Возвышение пошлёт хотя бы вдвое больше предыдущего, то Навиас не устоит.

– Будем рассчитывать на обещанное мэром "дипломатическое урегулирование". Могу сказать так, ресурсы Навиаса были всегда важны для Возвышения, и я думаю, сойдясь в цене, они смогут решить всё полюбовно.

– Надеюсь, – сказал, я, упершись затылком о стену. – Я же обещал Томасу что ты будешь в безопасности, а если, когда я уйду, на город нападут, то какая тут безопасность?

– Я думаю с городом всё будет хорошо. Но я этого не увижу, – уверенно сказала Эмма.

– В смысле не увидишь?

– Я иду с тобой.

– Куда? – недоумеваю спросил я.

– Туда же, куда и ты. Как ты там говорил: "На поиск ответов".

– И речи быть не может, – возмутился я, – я понятия не имею что там впереди, я могу даже живым не вернуться. Подвергать тебя этому риску? Вот уж нет.

– Ну с напарником у тебя будет больше шансов выжить, – продолжала говорить Эмма уверенным тоном. – А на счёт риска, позволь мне самой решать, рисковать или нет.

– Прости, – сказал я. – я не...

– Это ты прости, но я иду, хочешь ты или нет. Как ты себе представляешь мою жизнь здесь? Чтобы я после пережитого просто жила с тётей, обзавелась мужем и детишками, и умерла от старости? Вот уж увольте. С момента, когда я решила вытащить Томаса, я отказалась от тихой, спокойной жизни. И вот я беглянка, революционерка, даже не знаю кто ещё, но точно не та, кто будет сидеть на месте. А ты – подумай, все это время тебе нужна была чья-то помощь. Сбежать с Нового Начала тебе помог друг, затем помогла я, следом был мистер Винден.

– Что ты...

– Прости, я не хочу сказать, что ты сам ничего не можешь.

Просто человеку, любому человеку, порой нужна помощь, попутчик, который поддержит. Да и в конце концов, – Эмма поднялась на ноги, – мне же тоже хочется узнать, что там дальше.

– И когда ты решила, что хочешь пойти со мной?

– Если честно... – замешкалась она, – еще у Винденов. Когда вы со стариком Хансом ушли, Лиззи меня спросила, что я буду делать, как только доберусь досюда? У меня не было ответа, и она предложила мне идею пойти с тобой. То, что я говорила про поддержку, это её слова. Я все обдумала и поняла, что в этом есть смысл. Я правда хочу пойти с тобой, хочу узнать куда ведет эта книга.

– Ясно, – тихо сказал я, вновь упершись затылком о стену. – Думаю отговаривать тебя бессмысленно.

– Верно, бессмысленно. – сказала она, подходя к выходу из комнаты, – и не вздумай уйти втихаря, я знаю куда ты идешь и всё равно догоню.

– Та не уйду я, – отмахнулся я, и Эмма, улыбнувшись напоследок, ушла.

На следующее утро Джун собрала нас, чтобы попросить остаться хотя бы на день, чтобы мы отдохнули перед дорогой и поприсутствовали на городском собрании. Она считала – раз мы повлияли на судьбу города, мы должны были поприсутствовать и на обсуждении дальнейших планов. После разговора Эмма направилась к своей тётке чтобы сообщить о том, что не останется. Не хотел бы я присутствовать при

этом разговоре...

На городском собрании не обошлось без призывов казнить захватчиков. Но в конечном счете всех стражей, участвовавших в оккупации города, было решено отправить судом обратно в Возвышение, они послужили бы живым подтверждением того, что Навиас не сдаётся. Эмма выдвинула своё предложение о добровольной страже, идею оставили на дальнейшее рассмотрение. А в конце нас решили признать почётными гражданами города. Приятно, хоть и бессмысленно.

– Ждем всех вечером на площади, – крикнул мэр перед тем как все разошлись.

Финн не хотел нас отпускать. Вполне объяснимое чувство привязанности возникло и у нас с Эммой, но мы не могли остаться и тем более взять его с собой. Вдохновившись произошедшим, парнишка начал подумывать о том, чтобы бросить работу на судне в пользу обучения на стражника, чтобы стать, как Эмма. Мы использовали все известные нам слова, чтобы отговорить его, но в любом случае финальное решение было за ним.

После собрания мы с Финном и Джун были на обеде у Нелл. Тетка Эммы добрую половину трапезы говорила, как она гордится племяшкой, и какое несчастье, что Томаса не было рядом. А остальное время повторяла, как не хочет отпускать нас. Ближе к вечеру нас ожидала встреча с мэром, на которой он торжественно вручил нам один из отобранных у

стражи револьвер с кобурой. Эмма с радостью приняла его и пачку патронов в довесок. Я же не был в восторге от такого подарка.

И суток не прошло после государственного переворота, а уже даже воздух в городе как будто иначе ощущался. По улицам ходили довольные горожане, раздавались крики, празднующих освобождение. На главной городской площади собрались музыканты, задающие ритм пришедшей потанцевать молодежи. Отовсюду слышались тосты, звоны бокалов и восторженные возгласы. Столы, стоящие с краю от импровизированного танцпола, ломились от еды и напитков. Словом, город будто очнулся после длительного сна.

Мы с Эммой посетили торжество лишь ненадолго. Пропустив по стаканчику расхваленного мэром вина, и вдоволь насмотревшись на счастливые лица танцующих, мы отправились к Джун. На ужине мы в очередной раз слышали слова благодарности, которые заставляли нас краснеть и отрицать какие-либо заслуги. После чего меня упросили рассказать про свой город. Мой рассказ был ёмким, но коротким, и когда я дошёл до момента, где меня посадили в тюрьму, Эмма перехватила эстафету, начав рассказывать про то, как она там работала и планировала побег.

– Прямо как у Винденов, – заметила Эмма, – когда мы помогали маме Финна убрать со стола.

Я молча кивнул. Было грустно покидать этих замечательных, единых в своём гостеприимстве и схожих своей чело-

вечностью людей. У Эммы была возможность остаться с нами, потому я не понимал её решения пойти со мной. А может понимал. Я бы её тоже не отпустил, вздумай она отправиться в опасное путешествие в одиночку.

На утро у Финна глаза были на мокром месте, а на лице его матери читалась светлая грусть. Мы надели самую удобную одежду, проверили рюкзаки, сверились с направлением компасов. И все вместе пошли к выходу из города. Большая часть людей ещё не проснулась после вчерашнего праздника, поэтому мы шли по пустому, и от этого слегка жуткому, городу. Дойдя до тропинки, ведущей вдаль, Нэлл и Джун крепко обняли нас на прощание и пожелали удачи, Финн же был молчалив, скажи он хоть слово, расплакался бы немедленно.

– Спасибо вам за все, – сказала Эмма.

– Ну что ты, солнце, – нежно ответила Джун, – это вам спасибо.

– Удачи вам в поисках того, что вы ищете, – добавила Нэлл

Я положил руку на голову парнишке и сказал:

– Позаботься тут обо всех, хорошо?

– Ага, – под нос пробубнил Финн, и обнял нас Эммой, – я буду скучать.

– И мы будем, – ответила девушка.

Они еще долго смотрели нам вслед пока мы удалялись в направлении леса. И лишь зайдя вглубь, мы перестали их ви-

деть. Наш путь только начался, я не знал, что нас ждёт впереди, но одно я мог сказать с полной уверенностью, я был рад что я не одни. Была ли Эмма права? Может я и правда не справился бы в одиночку, но я не хотел этого проверять. И к счастью мне не пришлось.

– Спасибо, – сказал я после затянувшейся тишины, – ну... за то, что пошла со мной.

Эмма молча улыбнулась, и мы продолжили путь. Сквозь густые ветки, трещащих на ветру деревьев, пробивались лучи солнечного света, освещая нам путь. Мы словно оказались в зеркальной комнате, где, куда ни посмотри, был бесконечный коридор, заставленный древесными столбами. Лес кишел жизнью, тут и там раздавалось шуршание бегающих по листве грызунов. А у основания некоторых деревьев кора была раздёрта, по всей видимости диким кабаном.

Все, что от нас требовалось – двигаться сторону падающих теней, оставляя солнце позади. Так мы и шли час за часом, лишь изредка перебиваясь на привал, мы были полны сил и решали не задерживаться на месте. Сколько историй таил в себе этот лес, может сотни, а может ни одной. Он находился далеко от главных или хотя бы крупных городов, и умудрялся на протяжении веков сохранять первозданный вид.

Во время очередного, но в этот раз более длительного привала, я решил достать книгу "Место под солнцем", и понять, как далеко мы продвинулись относительно её сказок.

Пролистав три главы с конца, я начал изучать написанное.

– Знаешь, – начала говорить Эмма, – я вот о чем подумала. Неужели за столько лет, за многие поколения, никто так и не добрался туда, куда ведёт эта книга.

– Ну, мы этого не знаем, может добирались, но не возвращались. А может книгу никогда не воспринимали как путеводитель.

– Забудем про книгу, неужели никто никогда не ходил в поисках "края света".

– Я полагаю, что поиски были, просто не зная куда именно идти и что именно искать, люди просто сдались.

– А мы не сдадимся.

– Ни за что. Смотри, мы вот тут. – Я показал на иллюстрацию к четвертой главе, где заяц Адам стоял напротив древесной рощи, – вернее, мы – напротив. А лес, что здесь упоминается, находится над нами, к сожалению, из-за веток не видно.

Отдохнув вдоволь, мы снова выдвинулись в путь. Пока мы шли я решил посвятить Эмму во все что сам когда-либо знал, от дедушки либо из его книг. Рассказал о том, чему меня учил дед, сознательно взращивая во мне скептика. Объяснял, почему идея о высшем создателе мне чужда, и почему я считал "Орден Основателя" губительным для Нового Начала. Эмма в свою очередь поведала о политическом строе Возвышения и их отказе от религиозных убеждений "Ордена", во имя сохранения власти у аристократии.

Разговаривали мы долго, и даже не заметили, как потемнело. Будь мы на открытой местности, было бы светлее, но тени создаваемые густым лесом, окружали нас, и мы решили развести костер, и заночевать на ближайшей удобной поляне. Пройдя ещё недолго, мы нашли подходящее место, откуда можно было услышать глухой звук бегущего вдалеке ручья. Мы разожгли костер, достали спальные мешки и договорились, кто спит первым, а кто стоит на страже.

Мы были далеко от солнца, и ночью это прочувствовали. Пока Эмма спала, я поддерживал огонь, читал книгу и делал заметки в свой блокнот, словом, делал всё, лишь бы не уснуть. За ночь мы менялись дважды, и с первыми лучами солнца, когда путь снова был освещен, мы закидали костёр землёй и отправились в путь.

Ручей, под звуки которого мы засыпали, оказался дальше и по размеру больше, чем мы думали. Мы стояли на его берегу как вкопанные, не понимая, как нам быть дальше. Течение было довольно сильным, а в ширину сравнимо с одним городским кварталом. Переплыть его само по себе было бы сложной задачей, а нас еще обременяли тяжелые рюкзаки, с которыми плыть было просто невозможно, да ещё и сохранив их сухими. Нужно было что-то придумать.

Пройдя вниз и вверх по течению, мы не обнаружили ничего что могло бы быть полезным. Ни дерева, удобно упавшего с одного берега на другой, ни камней, торчащих из воды, по которым можно перепрыгнуть, ничего. Обдумав все

как следует, мы пришли к выводу, что нам нужен плот. Но не большой плот, на постройку которого у нас не было ни желания не ресурсов, а такой на котором поместились бы наши рюкзаки, а мы бы упершись в него преодолели бы ручей вплавь.

Потратив больше времени чем предполагалось, используя найденные в округе ветки, связывая их бинтом, что оставила нам Лиззи, мы-таки сделали плот. Был ли он достаточно надежен, – вопрос был открытым. Однако, на поверку оба рюкзака на плаву он удерживал, значит можно было рискнуть. Раздевшись до нижнего белья, мы сложили вещи в сумки, а обувь повесели на шеи, перевязав шнурки.

– Готова, – спросил я, Эмма кивнула.

Ручей был ледяной. Через пару метров воды уже было по шею, придерживая плот между собой, мы начали плыть. Течение давало о себе знать, двигаясь к противоположному берегу, мы могли наблюдать как плот словно уходит от нас. Тепло быстро привыкло к воде, но расстояние было не малое. К середине всего пути мы уже устали и начали глотать воздух ртом. Останавливаться было нельзя, это, в прямом смысле, было смертельно опасно. Я наконец-то почувствовал твердую поверхность под ногами, и выдохнул с облегчением. Но я поторопился.

Я поскользнулся и упал, поломав ветки плота при падении, и сам ушёл под воду. Через мгновение я уже вынырнул, и увидел, как один из рюкзаков, свалившийся с плота, стре-

нительно уходил вниз по течению. Мы с Эммой одним рывком преодолели оставшийся до берега путь.

– Нужно догнать его крикнул я, – выбираясь из воды.

– Течение сильное его уже не догнать. – разочарованно сказала Эмма. Это был её рюкзак.

Я быстро схватил свою сумку и дал Эмме запасную одежду. Сначала нам нужно было согреться, когда все тело дрожит, а зубы стучат мыслить сложно. Надев промокшую насквозь обувь, мы обрадовались, что на плоту для неё не хватило места, так бы уплыла с рюкзаком.

– Какой же я идиот.

– Ты не виноват, – утешала меня Эмма. – главное, что ты не пострадал.

– Мы найдем рюкзак, я обещаю. – сказал я, – когда я шел вдоль берега, видел, что чуть дальше ручей сворачивает, может быть там его прибьет к берегу.

Облаченные в мою одежду мы отправились вниз по реке. Каждый наш шаг издавал хлюпающий звук, что мешало нам сосредоточиться. Спустя четверть часа мы дошли до места где ручей менял свое направление, и я оказался прав, рюкзак прибило к берегу. Но его там уже не было.

– Это же коробки от крекеров, – сказала Эмма глядя на подранную бумагу лежавшую возле ручья.

– Это кабан, – сказал я указывая на следы копыт, – он нас опередил. Идём.

– Если он съел крекеры зачем он уволок рюкзак с собой? –

вопрос остался без ответа.

Никогда не думал, что мне когда-нибудь снова придется выслеживать кабана. Последний раз я это делал ещё с дедушкой и отцом в горах, но воспоминания были отчетливы. Сначала я высматривал следы копыт, и рюкзака который он тащил зацепив за свои клыки. Возможно это вышло случайно, или же кабан знал, что он делает, "Как-то маловероятно" подумал я. Затем я искал подёртые клыками деревья и ямки, оставленные копытами животного.

– Сюда, – тихо сказал, и мы направились вглубь леса.

– И что ты будешь делать, когда найдешь его? – спросила Эмма, поставив меня в тупик.

– Я не... Если понадобится уьем.

Я достал револьвер, который в процессе долгих осуждений было решено держать у меня в сумке. Я настаивал, что мы его не будем использовать, и вот я уже стоял с ним в руках. Видел бы меня дед, засмеял. Не лук и не ружьё... Кто охотится с револьвером? Видимо, я. Продолжая движение максимально тихо, мы услышали характерные для кабана звуки.

Подойдя ближе к источнику звука, я отогнул ветку что закрывала мне обзор и увидел того, кого мы искали. Или нет. У этого борова не было рюкзака, он его где-то спрятал? Или это просто был другой кабан. Эмма держалась у меня за спиной, и смотрела по сторонам.

– Эй, – едва слышно позвала она, – смотри.

Эмма указала на кусок крекера что прилип к пятаку животного. Значит это был он. Оставалось проследить за ним, в надежде что он нас отведет к рюкзаку. Но стоило борову повернуться в нашу сторону, как завидев нас, он умчался вдаль.

– Зараза, – вспыхнул я.

Мы продолжили идти по следу, раз зверь был здесь, то и рюкзак должен быть поблизости. Мы пытались не уходить далеко от ручья, который служил нам ориентиром. Проведя в поисках еще полчаса, мы наткнулись на небольшую вырытую в земле яму. В ней лежала подранная в клочья ткань.

– Коннор, это накидка стражников Возвышения.

– Что? – переспросил я, присаживаясь на одно колено чтобы рассмотреть находку, – Думаешь тех, у кого моя книга?

– Возможно, если так, значит они были здесь, и тоже стали жертвой местной фауны.

Сказав это, Эмма застыла на месте. В метре от нас стоял боров с крекером на пятаке. Завопив он бросился на незваных гостей и сильным ударом в грудь сбил меня с ног. Револьвер выпал из руки, а зверь развернулся и побежал на Эмму. Я схватил рюкзак и успел с размаха ударить кабана по морде, что сбilo ему траекторию. Еще секунда. Вопль. И он снова бежит на меня, пока я пытаюсь достать нож из рюкзака.

Не успел. Боров приближался. Я попробовал отскочить. Боль в груди дала о себе знать, и я на секунду потерял ори-

ентацию, пытаясь встать на ноги. Раздался выстрел. И подстреленная туша с грохотом повалилась в полуметре от меня. Эмма подбежала ко мне, и спрятав револьвер за пояс, подала мне руку, помогая подняться.

– Ты снова спасла мне жизнь.

– Обращайся, – ответила Эмма, присаживаясь рядом с тушей, – Заставил же он нас понервничать.

– Вот поэтому я не любил охоту, вечно что-то идет не так.

– Думаю это можно про всё что угодно сказать. – заметила девушка.

– И не говори, – я начал осматриваться по сторонам. – Где же он мог оставить рюкзак?

– погоди ты с рюкзаком, покажи где он тебя ранил?

– Брось ты, какая рана, просто синяк, наверное, будет. – сказал я, после чего Эмма пристально на меня посмотрела, – ладно.

Я снял рубашку. На груди виднелся неглубокий порез от клыков, и изрядное по размеру покраснение. Веселого мало, но ничего серьезного не наблюдалось, хотя на какое-то время дискомфорт был обеспечен.

– Так, ты сидишь здесь, отдыхаешь, а я схожу наберу во флягу холодной воды с ручья, приложишь к синяку. – приказала мне Эмма, – Понял меня?

– Сижу, отдыхаю, жду воду. Понял.

Эмма кивнула головой и ушла на звуки журчания ручья. Пока её не было я решил лучше рассмотреть местность.

Раз здесь была выкопана берлога с накидкой стражника в виде подстилки для сна, значит и рюкзак должен был быть неподалеку. Я посмотрел по сторонам в поисках зацепки. Увидев подрванное дерево в десяти шагах от ямы, я направился к нему. Тут он часто точил свои клыки, пройдя еще немного, я наткнулся на несколько кустов, за которыми и лежала походная сумка Эммы.

Притащив промокший рюкзак к месту сражения, я обнаружил недовольную Эмму. Что сходу начала меня отчитывать:

– Попросила же, не двигаться.

– Прости, зато смотри что я нашёл.

– Садись давай и приложи, – она протянула мне флягу, покрывшуюся инеем от прохлады.

Я послушался, и усевшись поудобнее рядом с будущим ужином, приложил компресс к груди. Эмма была права, это было и правда необходимо, я почувствовал облегчение, и боль утихла. Перебрав весь свой, изрядно потрепанный, но по большей части целый, рюкзак девушка резюмировала.

– Все на месте, кроме сух-пайков, часть из которых была съедена нашим красавцем, а остальная часть промокла и расквасилась. Все остальное, нужно просушить. А тебе нужно отдыхать, поэтому разводим костёр и сегодня никуда не идем.

– Есть, мэ, – шутливо сказал я, – только я не собираюсь отлеживаться, либо я готовлю ужин, либо развожу костер.

– Я займусь огнем.

Эмма поднялась и стала собирать хворост с ветками, пока я разделявал тушу. Нельзя было пропадать мясу, иначе смерть этого животного была бы напрасной. При других обстоятельствах мы бы забрали рюкзак и мирно удалились, но тут сыграл фактор самозащиты. Отделив шкуру от бедра, я отложил её в сторону, могла пригодиться, и принялся нарезать мясо небольшими кусками. Я так прикинул, что мы до завтра поедем бы дважды, и немного мяса можно было подсушить и взять с собой взамен съеденных кабаном крекеров.

Эмма развела костёр, после чего воткнула в землю крупные ветки, на которых развесила промокшие вещи. Усевшись поудобнее, мы насаживали куски мяса на длинные заостренные палки, и принимались томить их на огне. По времени было за полдень, а событий уже произошло предостаточно. И мы надеялись, что остаток этого дня пройдет спокойнее.

– Ты когда-нибудь охотилась? – спросил я, прокручивая в руках ветку с кусочком мяса на конце.

– Нет, но хотела. Папа был охотником. Порой он приносил домой пару уток, а иногда и кабана вроде этого, и каждый раз я восхищалась им и просила взять меня с собой, но он говорил, что это занятие не для девочек. – Эмма улыбнулась, – Томас ходил несколько раз. И каждый раз возвращались они с пустыми руками. Я его так подкалывала, называя недоохотником что он ходил к маме жаловаться.

– Сколько вам было, когда...

– Томасу было восемь, мне – семь. Эпидемия в тот год забрала многие жизни. У тети Нелл погиб муж. А у нас осталась только она. Как сейчас помню, что все, как один, говорили, что до нас болезнь не доберётся из большого города... Добралась. Порой я думаю, какой была бы жизнь... ну... если бы они не умерли тогда. Я бы, наверное, стала портнихой, как мама, а Томас – охотником. Хотя я бы предпочла наоборот. А ты свою маму помнишь?

– К сожалению, нет. Как мой отец не знал свою мать, так и мне была уготована та же участь. Верил бы я в проклятия, подумал бы что это оно и есть. Как говорил мой дедушка: "Порой самые прекрасные цветы увядают первыми, а твои мама и бабушка были именно такими". Папа показывал мне картины что она рисовала, она была очень талантлива.

– А ты не унаследовал у нее умение рисовать?

– Это наврядли, – засмеялся я, проверяя мясо на готовность, – ты в тюрьме мой блокнот открывала?

– Нет, – с удивлением в голосе сказала Эмма. – как я поняла там ничего не было.

– Верно, я тогда успел сделать лишь одну зарисовку. Подержи, – я отдал Эмме свою импровизированную вилку, и стал рыться в сумке. Достав блокнот, я протянул его ей и забрал ветки с мясом.

Эмма открыла первую страницу и в удивлении подняла брови.

– Как красиво, неужели так выглядит мир оттуда, со столпа.

– Меня папа просил сделать зарисовку с центра столпа, когда солнце будет между горизонтами. Ни словами не рисунком не передать как там было красиво.

– Как ты думаешь, – спросила Эмма тщательно разглядывая рисунок, – я смогу увидеть мир со столпа?

– Ну нам нужно будет попасть на ту сторону, пока не знаю как, но ответ скрыт где то в книге. Так что рано или поздно мы это узнаем.

Эмма закрыла блокнот и вернула его мне:

– Что ж, у вас есть потенциал, – важно сказала она, изображая учителя – продолжайте работать и у вас все получится, а пока что ставлю вам тройку.

– Ой вы знаете, в меня тут кабан недавно врезался, может хотя бы четверку.

– Вы что это на жалость давите, как вам не стыдно?

– Если вас не подкупить жалостью, то может это поможет, – я протянул ей ветку с обжаренным куском свежего мяса.

– Думаю, мы сможем договориться.

Мы посмеялись и принялись обедать. Просидев у костра несколько часов, беседуя, мы нажарили мяса ещё на несколько приёмов пищи раз, и принялись подсушивать куски для того, чтобы взять их в дорогу. Время от времени Эмма проверяла вещи на предмет их сухости, и пару раз ходила к ру-

чью, чтобы принести воды для моего компресса. К вечеру отёчность спала окончательно, оставив лишь небольшой синяк.

Начало темнеть. И вот костер остался для нас единственным источником света. Страшилок мы не знали, чтобы рассказывать их в свете полыхающих брёвен, да и возраст был не тот. Но мы не отказали себе в удовольствии поугадать друг друга возможностью того что пока мы будем спать, кабан оживёт и отомстит за свое умерщвление. Услышь нас кто-то со стороны, подумал бы что мы шутим, но какие шутки, когда за тобой охотится оживший мстительный боров...

Час был поздний, по Эмме было видно, что сон одолевал её, и сколько бы она не настаивала на моём отдыхе, я был непреклонен. Когда она забралась в спальный мешок, я достал блокнот и решил зарисовать эту картину. Костёр, окруженный ветками, на которых весела одежда, кусок шкуры, на котором лежали приготовленные в поход закуски, и мирно спящая, в спальнике, девушка с рюкзаком под головой – вместо подушки.

Закончив рисовать, я отложил блокнот в сторону, и решил размять ноги, пройдясь по периметру. Я оттащил тушу кабана чуть подальше, может он бы и не ожил, но другую живность привлечь всё же мог. А гости нам среди ночи были ни к чему. Спустя час, напившись воды из фляги, что недавно служила мне компрессом, я почувствовал зов природы, и отошёл подальше, чтобы не разбудить Эмму.

Пока я стоял перед деревом, вернулись мысли о мстительном кабане призраке, и я слегка усмехнулся. После чего услышал звук шагов у себя за спиной. Не на шутку встревожившись, я быстро отскочил вбок и увидел, как чья-то рука очутилась в месте где мгновение назад была моя голова. Увидев нож в другой руке озадаченного нападавшего, я быстрым движением руки врезал ему промеж глаз.

"Что это было?" Я выхватил нож у упавшего от моего удара человека. И схватил веревку, что весела у него на поясе. Видимо она предназначалась для меня. Завязав ему руки и ноги за спиной, я догадался что к чему, и на секунду оцепенел от ужаса.

– Эмма, – крикнул я и кинулся к костру.

Эммы там не было. Я стал бежать сам не зная куда, вперёд, направо, налево. Я всё кричал и звал её. Ответа так и не последовало. Переполненный яростью, я вернулся к связанному гостю. Он лежал без сознания. Я откупорил флягу с водой и вылил ему на лицо. Тот с криками очнулся.

– Вы кто такие? – крикнул я держа его за шиворот, и угрожая револьвером – где Эмма?

– Парень, не глупи, – ответил мне связанный. Это был бородатый довольно крупный мужик, лет может тридцати, весь в лохмотьях, – как только поймут, что я не вернулся, сюда нагрянут остальные.

– Вот, значит, как, – ехидно сказал я поднимая его на ноги. – Тогда мы уходим.

Я оторвал рукав у его рубашки, и завязал ему рот, отвёл к костру и стал собирать высохшие вещи с веток. Закинув как попало вещи и шкуру с сушеным мясом в Эммин рюкзак, я надел его на спину пленника, сам нацепил свой, схватил попутчика за плечо и сказал:

– В путь.

Шахтёрский лес

Отойдя на достаточное расстояние от лагеря, в место, куда не доходил свет от разведенного Эммой костра, мы остановились. Глазам понадобилось время чтобы привыкнуть к такой темноте, и как только я снова стал видеть, я усадил связанного у дерева и присел напротив него.

– Итак, смотри как мы поступим, – начал я, – ты мне скажешь куда её увели, или же ты будешь лежать связанный, лицом в болоте, пока я буду её искать. Итог один, я её найду, а вот найдут ли тебя живым? Вот вопрос. Будем сотрудничать? Не закричишь?

Он кивнул. Я снял с него кляп, держа в правой руке заранее разряженный револьвер.

– Слушай мы просто выполняли приказ, нам было велено вас схватить вот и всё.

– Тошнит уже от "выполняющих приказы". Куда её увели?

– Я покажу, ты сможешь обменять меня на неё, это будет отличная сделка, все будут довольны.

Каким же я был идиотом. Выстрел, костёр, запах жареного мяса, мы сделали просто всё, что могли, чтобы нас обнаружили. Но кто обнаружил? Кто были эти люди, мне ещё предстояло выяснить.

– Кто вы такие?

– Мы изгнанные шахтёры?

– Изгнанные откуда? Говори конкретнее.

– погоди, ты не знаешь? Значит ты не отсюда? – Я злобно посмотрел на него, и он продолжил, – мы из маленького шахтерского городка, Орвеста. Не слышал? Короче, мы работали в местных шахтах поколениями, но недавно нашего лидера изгнали за публичное унижение мэра, и мы ушли вместе с ним. Мэр ещё ответит за своё решение.

– А мы тут при чем? Почему на нас напали?

– Все просто, мы думали вы жители Орвеста, – увидев недоумение у меня на лице, он добавил, – Похитив жителей мы получаем рычаг давления на мэра. Больше ничего не знаю. Но слушай, если вы даже не из города, то вас точно отпустят без проблем, я отведу тебя.

С тех пор как погиб отец, я все время притягивал неприятности. Раньше тоже так было? Я не мог вспомнить, и всё прокручивал свою жизнь в памяти. В школе меня пару раз ловили на списывании и выгоняли с уроков – это самые крупные проблемы, что у меня были в детстве. Но ни в колледже, который я бросил по собственной воле, помогая отцу на поле, ни на охоте с дедом, никогда не было такой череды неудач как сейчас. Может это и была взрослая жизнь. Что-то я сомневался, что каждого взрослого норовят схватить, пристрелить или допросить каждый день.

– Веди, – тихо сказал я, и начал натягивать кляп обратно.

– Не нужно я не закричу, мы же сотрудничаем верно? Я

Дон, кстати, – протараторил он, пока кляп не лишил его возможности продолжать.

Мы поднялись, и он повёл нас. Мы шли медленно, и предполагая возможность того что меня ведут в ловушку, я неистово крутил головой, осматривая каждое деревце и каждый куст. Мы, на сколько я мог ориентироваться, все дальше удалялись от ручья, и шли слегка выше курса, которого нам с Эммой нужно было придерживаться. Проведя в пути около четверти часа, Дон промычал что мы уже близко.

Когда я увидел танцующие огоньки лагерных костров, пробивающиеся через ветки, мне стало спокойнее. По крайней мере было видно – с чем я имею дело. Подобравшись поближе, я оставил пленника под деревом, предварительно связав ему ноги, а сам прошёлся вдоль территории лагеря. В нём было две большие палатки, возле которых горело несколько костров и факелов, воткнутых неподалеку, так чтобы вся территория лагеря была освещена. Сбоку от палаток были две высокие деревянные клетки, с кем-то внутри.

Я подобрался чуть ближе, по периметру с важным видом расхаживали двое караульных. В клетках, судя по одежде, были взрослый парень, и совсем еще девочка, на вид лет двенадцати. Значит мы с Эммой не были первыми жертвами этого странного противостояния. Но её я в клетках не видел. Значит, она была в одной из палаток. Одна лишь мысль, что с ней могли что-то сделать, выводила меня из себя.

Прячась в тени и не издавая ни шороха, я пробрался к

клетке, в которой находился связанный пленный парень, и попытался привлечь его внимание. Чтобы меня не увидели патрульные, я лёг по-пластунски на землю, и начал тихо трясти одну из деревянных решеток.

– Парень, – почти не слышно произнес я, – эй...

– Что? – Явно пробудившись ото сна, пробормотал он, – кто здесь?

– Тут, – сказал я привлекая его внимание легким стуком по решетке.

– Что... Ты кто? Ты пришел нас вытащить?

– Я... Вытащу вас, но сначала скажи сюда девушку недавно приводили?

– Да, была одна, в мужской одежде. Освободи нас.

– Где она? – настаивал я на своем.

– В палатке кажется. Её туда заводили.

– Вот, – я достал нож что отнял у Дона и просунул его между прутьями, – вы оба из Орвеста?

– Да, тебя мэр послал? – спросил он начиная резать веревку что сковывала его руки и ноги.

– Не совсем... Не важно, тут еще есть пленные? – Парень покачал головой "нет", – хорошо, теперь слушай. Если ты просто откроешь клетку и побежишь, то вас схватят. Но у меня есть план. Для начала мне нужно освободить ту девушку в мужской одежде, сможешь мне?

– Что от меня требуется?

– Как далеко от сюда до Орвеста?

– Минут десять если бежать.

Пока девочка, лежавшая в соседней клетке, спала, я рассказал Киту, так звали парня, план что возникал у меня в голове по мере его оглашения. Данных было не достаточно для проработки стоящей стратегии, но я не мог медлить. Я должен был убедиться, что Эмма в порядке.

До рассвета оставалось еще несколько часов, свет от ночного солнца рассеивался в густой листве лесных деревьев. Пляшущие огни факелов освещали нам путь, на котором стояли настороженные караульные с вырезанными из дерева дубинками. Видя наше с Доном приближение, один сразу убежал в палатку что повыше, полагаю оповестить главного. Второй же пристально наблюдал, как я вел его связанного товарища с прижатым к спине дулом револьвера.

Караульный выбежал из палатки и дал отмашку другому. Нас сопровождали вплоть до входа. Внутри было довольно просторно для палатки, по бокам горело два факела, на деревянных опорах, в центре у стола стоял лысый, суровый мужик с большим охотничьим ножом в кобуре, а слева в углу палатки сидела на стуле связанная Эмма. Судя по виду девушки, вреда ей не причинили, но я должен был убедиться в этом.

– Ты цела? – Спросил я.

– Все в порядке. – С облегчением сказала она.

– Сам явился, – улыбнулся лысый, выходя из-за стола, – Рад видеть, что мой человек в порядке. Ох, где же мои мане-

ры? Моё имя Касс Болден, я здесь, как ты понимаешь, главный.

– Давай сразу к делу, – нетерпеливо произнес я, – мне плевать на то, кто вы и чем тут занимаетесь, я тут по одной причине, у тебя мой человек, у меня твой, произведем обмен, и разойдемся.

– Что же, а ты не любишь медлить, похвально, но знаешь ли простым обменом тут не получится обойтись.

– Я думаю вы кое-что не учитываете, – сказал я, демонстративно пихнув дулом револьвера в бок связанного Дона.

– В этом, как раз и дело, понимаешь парень, именно из-за этой штуки, которую ты держишь в руках, мы и затеяли это нападение. Видишь ли, в наших краях огнестрел это большая редкость, одно – два охотничьих ружья на весь город, и те привезенные незаконно. А мы сейчас в такой ситуации что нам просто жизненно необходимо оружие, и что происходит? Прямо в шаге от нашего лагеря мы слышим выстрел, – Касс подошел ближе и хлопнул в ладоши, – бах. Это знак свыше, – решил я, – и вот он в моей палатке.

– Не забывай в чьих он руках, – озлобленно прокомментировал я.

– Мы не желаем вам двоим зла, но нам очень нужен этот ствол, поэтому я предлагаю обмен, ваша свобода на револьвер. По моему очень честно.

– Не желаешь зла говоришь? А зачем тебе пленники в клетках, да ещё и дети?

– А вот это, – оскалился Касс, – уже не ваше дело.

– Скажешь от них вам тоже нужно было оружие?

– И что ты собираешься делать с револьвером? – включилась в разговор Эмма, – Кого убить намереваешься, скольких еще в плен взять?

– Я сказал, – начал кричать Касс и тут же успокоился и на выдохе продолжил, – это не ваше дело. Вы не здешние, вы не знаете, что здесь происходит, да и какое вам до этого дело.

– Так уж получилось, что мы тут, верно? Да и к тому же – где гарантия, что

, отпустив, нас ты не пустишь пулю нам в затылки? Поэтому говори.

– Хорошо, что я в самом деле. Я со своими людьми десятки лет отдали работе в шахте Орвеста, именно под моим руководством количество добываемого сырья выросло более чем на треть, но город и его проклятый мэр не понимали насколько важны мы – шахтеры. Мы приносили городу прибыль, из года в год получая даже меньше чем вшивые пекари. Мы стали задавать вопросы, почему так, мы стали требовать повышения платы за труд. Просьбы услышаны не были, ну я и взял всё в свои руки. Я начал писать в декларации что руды погружено на вывоз меньше, чем на самом деле, договорился с перевозчиками и с судном в Навиасе, на котором груз перевозился, чтобы разницу продавали, и чистая выручка делилась между всеми.

Мы успешно проворачивали этот трюк более пяти лет, по-

ка, новый мэр не полез в декларацию и обнаружил нестыковки. Он решил уволить меня и отнять всю заработанную за эти годы прибыль. Он не просто забрал у меня работу и все заработанное, он меня опозорил перед всем городом, выставив меня вором, ограбившим город и всех его жителей. Я не смог нормально с этим жить и увидев его в городе, не сдержался и выбил из него дурь на глазах у горожан... – Касс достал нож из кобуры и с размаха воткнул его в стол, – меня изгнали. Изгнали из родного города, мои ребята ушли со мной. Сейчас на моей шахте работают какие-то щеглы, пока я вынужден жить в лесу.

– Значит ты хочешь отомстить мэру? – спросила Эмма.

– Мечь? Как банально. – ответил Касс, – я хочу забрать город себе, я стану новым мэром, и изменю порядки, угнетавшие нас все эти годы.

– А детей-то зачем похищать, – вспыхнул я, взмахнув револьвером.

– Зачем? Они мои заложники, и чем их будет больше, тем больше мэр будет терять авторитет в глазах людей. И в случае чего он даже тронуть меня не сможет, переживая за их безопасность.

– Вас найдут, рано или поздно, лес не настолько огромен.

– Ты прав, поэтому мы меняем дислокацию лагеря каждые два дня, а мои люди постоянно караулят местность.

– Ты уверен?

– О чем это ты? – озадачено спросил Касс.

– Я недавно что был снаружи, и знаешь маловато там людей, полагаю остальные сейчас ищут меня, Дон связан, и полагаю во второй палатке еще какая-то часть спит, получается на страже только три человека.

– К чему ты ведешь парень? – вновь оскалился он.

– Да ни к чему, просто мне кажется в этом противостоянии у вас мало шансов, даже с револьвером.

– Это мы ещё...

– Касс, – с криком в палатку завалился перепуганный караульный, Касс, заложники... пропали.

– Что значит пропали, – заорал их лидер, – как вы могли не уследить.

– Я не... Мы просто отвлеклись ненадолго, повернулись, а их нету.

– И как... Ты, – Касс посмотрел на меня глазами полными ненависти.

– Я тут ни при чем. – Ответил я, сжимая револьвер с удвоенной силой. – просто отпусти Эмму – и мы уйдем.

– Отпустить, значит?..

Он подошёл к столу и взялся за рукоять ножа, я быстро пихнул связанного Дона в его сторону и подбежал к Эмме, наставив револьвер на Касса. Эмма схватила связанными руками нож торчащий у меня из кармана и принялась разрезать веревки. Злой лысый мужик вытащил нож из стола, сделал шаг в нашу сторону. Я попятился, закрывая Эмму.

– Ты здесь ни при чём, значит, в таком случае у тебя ещё

есть шанс уйти с миром, – он протянул мне свободную руку, – отдай ствол.

– Один вопрос, – сказал я, взяв освободившуюся Эмму за руку. – Ты стрелять умеешь?

– Разберусь – раздраженно выкрикнул Касс.

Эмма сжала мою руку подавая сигнал, и я сказал:

– Ты же понимаешь, что преимущество тут у меня.

– Ты не выстрелишь, я тебя насквозь вижу, ты на это не способен.

– Пожалуй, но кое-что я умею превосходно. Бежать.

Эмма одним движением руки разрезала палатку ножом, заранее воткнутым в ткань, и мы выбежали через появившееся отверстие. На секунду сбитый с толку Касс разрезал веревки у Дона на руках, и шахтёры рванули следом за нами. Пробежав мимо пустых клеток, мы свернули вглубь леса, и увидели свет от десятка факелов.

– Туда, – крикнул я, потянув Эмму в сторону свечения.

Пробежав метров сто, мы выбежали к толпе людей с Киттом и с недавно спящей в клетке девочкой.

– Коннор, – радостно обратился ко мне Китт, – у тебя вышло.

– Да вот только они на хвосте.

– Позволь теперь нам разобраться сынок, – сказал пожилого возраста мужчина с длинными седыми усами, и охотничьим ружьем в руках, – ты сделал достаточно.

– Это наш законник и его люди – пояснил Китт, – плюс

те, кто вызвался помочь. Тут человек двадцать.

– Будьте очень осторожны.

– Все будет хорошо, – сказал законник и они пошли в сторону лагеря, где уже явно разбудили всех спящих дабы отпугнуть всех на наши поиски.

Мы с Эммой остались на месте пока толпа с факелами удалялась. Можно было выдохнуть. Мы присели у дерева под звуки мордобоя и предупредительных выстрелов. Это был не наш бой. Мы сделали что могли, а может даже больше.

– Спасибо, – сказала Эмма, – ты спас мне жизнь.

– Обращайся, – сказал я, и мы тихо посмеялись.

– Здорово ты всё придумал.

– Придумал? Да я большую часть времени импровизировал и тянул время. Скажи, они точно тебе ничего не сделали?

– Все в порядке, на меня напали пока я спала, да ещё и в этом чёртовом мешке, я услышала, что тот, кого за тобой послали не вернулся, и просто стала ждать.

– А почему тебя не посадили в клетку.

– Со мной хотели поговорить, но из меня вышла сомнительная компания.

– Это патрульный из меня сомнительный, – пошутил я, сразу добавив, – Прости меня.

– Та ладно тебе, – Эмма взяла меня за руку и оборонительно сжала, – главное, что все хорошо закончилось.

Мы просидели под деревом больше часа, сквозь листву стал пробиваться солнечный свет, а птицы воспевали приход

нового дня. Звуки какой-либо борьбы полностью иссякли и к нам прибежал Китт, поведать что всю шайку шахтеров поймали и повязали. Мы с Эммой поднялись и пошли к лагерю, с которого сбежали, попутно забрав рюкзаки, припрятанные мной заранее.

Возле тлеющих костров, перед разобранными палатками, на коленях стояло двенадцать связанных человек. Законник записывал имена каждого из пленных, и их по одному поднимали и уводили в сторону. Записав всех, он зачитал им обвинения, среди которых были: "нападение", "похищение", и "заговор против власти". После чего их увели в сторону города.

– Что с ними будет? – спросила Эмма глядя им в след.

– Полагаю, главные заговорщики отправятся за решетку, остальных скорее всего поместим под надзор и отправим на исправительные работы всё в ту же шахту, раз они так за неё боролись – пусть продолжают работать, только в этот раз во благо города, а не свою корысть, – ответил усатый законник.

– Мы рады что все хорошо закончилось.

– Вы нам так помогли – может мы можем вас как-то отблагодарить? Может, вы хотите отдохнуть с дороги, помыться, переодеться?

Обсудив всё с Эммой, мы решили, что не было никакой нужды торопиться, и отдых лишним не будет. Мы пошли следом за всеми, и через полчаса неспешной ходьбы – уже были в городке Орвесте. Небольшой опрятный город что с

одной стороны граничил с лесом, а с другой примыкал к обширному горному массиву, верхушка которого уходила в основание столпа, что шёл на противоположную сторону, где утыкался в морскую гладь.

Даже издалека было видно несколько шахт, выбитых в горной породе. Проходя по главным улицам городка, жители которого не привыкли видеть гостей, мы с Эммой собирали все взгляды. Нас поселили в небольшой таверне на втором этаже, в которой были гостевые комнаты. Эмма, к своей большой радости, переделась в свою одежду. Ходить в мужской ей было не слишком комфортно.

– Ты заметила, что мы сами того не ведая, помогли уже двум поселениям с их проблемами? – спросил я, пока мы сидели в своей комнате, перебирая рюкзаки.

– Разве это не прекрасно, теперь у нашей миссии, помимо главной цели появились небольшие достижения. И если по итогу мы ничего не найдем, – хотя бы поймём, что всё это было не зря.

– Пожалуй, ты права, но меня всё ещё не покидает чувство, что проблемы преследуют меня с тех пор, как отец погиб. Не дня без какой-нибудь передраги.

– Я понимаю, о чём ты, для меня это началось с твоего появления, – сказала Эмма после чего я побледнел, – Я не в том смысле, что все из-за тебя. Я смотрю на это с другой стороны. Дело не в том, что нас преследуют несчастья, а в том, что мы идем к ним навстречу, ведь оставаясь дома, в

теплой постели, мы бы конечно же не попадали в передряги. Мы двигаемся за неизведанным, потому стоило ожидать что это будет не просто прогулка.

– Я не думал об этом в таком ключе. – Я улыбнулся и добавил, – посмотрим, что будет дальше, ведь путь еще не близкий.

– Что дальше по плану?

– Я думал, раз мы здесь, подняться на высоту первых шахт – обзора оттуда должно хватить, чтобы сориентироваться.

Поспав несколько часов, компенсируя не полученный ночью отдых, приведя себя в порядок, мы отправились на обед, что нам устроили в благодарность за помощь. За столом первого этажа таверны сидела пара незнакомых нам людей, законник, и парень с девочкой что я освободил из клеток.

– Коннор, Эмма, – встав из-за стола сказал законник, – позвольте вам представить нашего мэра Джейкоба и его прекрасную супругу Мэрри, они лично хотели познакомиться с вами, когда узнали, кто спас их дочь.

– Дочь? – ошеломленно произнесла Эмма глядя на девочку.

– Мне не хватит слов, чтобы выразить вам благодарность за спасение Хлои, – подхватила жена мэра, – скажите, можем ли мы вас отблагодарить.

– Прошу, не стоит, – сказал я, и опустил взгляд, – хотя я бы хотел чтобы вы кое-на что ответили, господин мэр.

– Конечно, все что угодно, – заинтересованно ответил он.

– Правда ли, что вы несправедливо оплачиваете труд шахтеров, тем самым настраивая их против системы и плодя агрессивно настроенных против вас людей, способных даже на похищение...

– Коннор, – остановила меня Эмма.

– Значит вы успели обменяться любезностями с Кассом Болденом, и теперь вы думаете, что злодей здесь я?

– Я лишь считаю, что в мире нет чёрного и белого, каждый действует в своих интересах. И я не согласен с методами человека что помог упрятать за решетку, и даже более того считаю, что он заслужил наказания. Но это не отменяет того факта, что на эти поступки его подвигла несправедливая система.

– Молодой человек, что вы знаете о политике и об экономической системе города?

– Я знаю лишь то что вижу, а видел я два крупнейших в мире города Новое Начало и Возвышение, что годами совершали те же самые вещи, что вы делаете сейчас, но вы – город маленький и, думаю, не настолько прогнивший, как столицы. И я лишь прошу, если вы правда хотите что-то сделать для нас за спасение вашей дочери, то сделайте всё, чтобы такой ситуации не повторялось.

У мэра на лице читалась смесь злости и понимания, и он уже хотел было возразить, но его жена украдкой взяла его за руку и намекнула что спорить и конфликтовать с гостями – не лучшая затея.

– Коннор, Эмма, – начала говорить Мэрри, – мой муж у власти довольно недолго, и, видимо, любовь к семье не позволяет ему признать то, что его отец, предыдущий мэр, наделал много ошибок, которые Джейкоб теперь пытается исправлять. Прости, дорогой, но смысл принимать на себя вину своего отца. Мой муж все исправит, просто ему нужно время, а от себя я готова заверить что новых "озлобленных на систему" людей не появится.

– Вы простите что я вспылил, на самом деле не моё дело лезть в вашу политику. Я просто не сдержался.

– Всё в порядке, – сказал мэр, изменившись в лице, он смотрел на нас с добротой и пониманием, – мне приятно что вы переживаете за наш город, ничего о нас не зная. Я обещаю вам, здесь всё будет по справедливости.

На этом аккорде словесная перепалка завершилась, и мы принялись мило беседовать за приятной трапезой. Юнная Хлоя всё намеревалась пообщаться с Эммой, видя в ней пример для подражания, сильная и взрослая, такой она хотела стать. Китт рассказал, как он попал в ловушку прогуливаясь по лесу, будто напрашиваясь на неприятности, а законник не переставал травить анекдоты, от которых, порой, зал наполнялся смехом, а, порой, всем становилось неловко.

Мы просидели так час, люди они были очень приятные, но мы с Эммой не хотели сильно задерживаться и поэтому по окончании обеда со всеми распрощались. Собрав свои вещи, накинув рюкзаки на спины, мы покинули таверну, и отпра-

вились на ближайший к городу склон на котором располагалась первая шахта по добыче руды.

Пусть склон и не был сильно высоким, но с него прекрасно был виден весь город, дороги и кварталы которого, в отличие от Навиаса, были параллельными друг другу. А дорога, по которой вывозили весь добываемый груз, была лишь одна, и шла она через лес. Вдоволь налюбовавшись видом Орвеста, мы поднялись ещё чуть выше, и вдали, на противоположной от города стороне, мы увидели размытые, но все же заметные Три Столпа.

– Вон они, так близко и так далеко, – тихо произнес я.

– Сколько до них как думаешь?

– Неделю пути, может больше. А от них кто знает какой еще путь предстоит.

– То, что ты сказал за обедом, – после небольшой паузы произнесла Эмма, – разве в Навиасе ты не заявлял, что это не наше дело – лезть в чужую политику.

– Да, было дело, думаю, я тогда просто трусил. Думал, если мы влезем, то только хуже будет, и пусть мне было не все равно, я хотел избежать этого риска. Но ты так хотела помочь, что не показывала страха, и это меня, вдохновляло что ли...

Эмма пару секунд смотрела на меня удивленным взглядом, потом самодовольно улыбнулось и сказала:

– Вот правильно, чаще меня слушай.

Мы простояли на склоне еще недолго, и спустились вниз.

До темноты оставалось еще часов семь, и мы не хотели их терять. Простившись с людьми, с которыми успели перезнакомиться за то недолгое время, что были здесь, мы отправились в путь.

Три титана

Путь предстоял неблизкий, но нам нужно было здраво оценивать свои возможности, и не тратить силы понапрасну. Мы шли медленно и уверенно. Каждый крекер и кусок мяса был рассчитан, и распределён. В день нам полагалось пять привалов среди которых три отводились на еду, один был ночным для сна, и ещё один для непредвиденных случаев. Уже в первый день мы потеряли Орвест из виду, холмы, что мы преодолели закрывали нам вид на все, кроме столпа, возле которого город располагался.

Два дня наш путь проходил без происшествий, однако нас стало тревожить отсутствие источников, где мы бы могли пополнить запасы воды, неумолимо исчезающие. Местность, которую мы преодолевали была каменистой и довольно пустынной, но вскоре к ней примкнула лесопосадка, являющаяся частью того самого леса, где мы бились с кабаном и убежали от похитителей. Казалось, что мы сделали круг, деревья, листва, пение птиц – всё выглядело ровно так, как в первый день после того, как мы покинули Навиас.

Полдня хватило, чтобы преодолеть этот участок и выйти к огромному озеру, простирающемуся на добрый десяток километров в каждом из направлений. В зеркальной глади озера плыли облака на фоне бескрайнего мира, что был высоко

над нами. Но несмотря на дивные виды, мы не могли вдоволь ими насладиться, из-за осознания, что озеро придется обходить, а это удлиняло нам путь ещё на день. Хорошая новость была в том, что вода оказалась пресной и чистой.

Ночь третьего дня мы провели на побережье. После длительной, изнуряющей дороги мы все же смогли порадоваться мелочам в виде возможности поплавать, вдоволь напиться воды, и набрать фляги в дорогу. Ветер ласкал верхушки деревьев пока мы мирно сидели у костра, кидая камешки в воду. Эмма, как выяснилось, умела запустить камень так, чтобы тот отскочил от воды раз семь, а то и больше. Как она сказала – это был один из многих бесполезных навыков живущих у моря людей.

Весь следующий день мы шли вдоль берега, обходя озеро по его левой стороне, ибо так путь нам казался короче. Один раз к своей огромной удаче мы наткнулись на яблоневые деревья. Плоды были зелёными и кислыми, но нам, прожившим три дня на одних крекерах с вяленным мясом, эти яблоки показались невероятно аппетитными. К полудню следующего дня мы смогли преодолеть озеро, и напоследок поплескавшись в бодрящей прохладной воде, мы пошли дальше.

С момента основания Нового Начала, было выстроено еще с десятков городов – по обе стороны. Но все они так или иначе были вблизи главных городов, что располагались под солнцем. Со стороны Возвышения Орвест был самым крайним из городов, и он уже был далеко позади. Негде было в

случае нужды набрать ресурсов в дорогу, и приходилось запасаться всем что попадалось на пути. Так в последний день возле озера, после уроков Эммы по правильному обращению с оружием, мне удалось подстрелить утку. Её нам должно было хватить еще на пару дней.

Пейзажи за нашими спинами постоянно менялась, скалистые холмы, лес, озеро, а три столпа перед нами всё также оставались недосягаемо далекими. Очередной, на этот раз хвойный, лес располагался на довольно высоких холмах, чуть-чуть не дотягивавших до того, чтобы их назвать горами. Преодолевая холмы, что обросли преимущественно хвойными деревьями, мы насобирали грибов, которые вместе с остатками утки составили наш замечательный ужин во время ночного привала.

– Как ты думаешь, – спросила Эмма, обжаривая гриб с мясом на костре, – куда мы все таки придем.

– Хороший вопрос, – ответил я, – даже представления не имею, сколько не думал об этом, все без толку.

– Может твоей бабушка там будет? Представляешь сам основатель болтает с твоим дедом за чашкой чая, и тут мы приходим, – дурашливо предположила Эмма.

– Ну не знаю, дед не сильно любит чай. Вот если за стаканчиком вина, в это я бы поверил.

– Правда, думаешь мы найдем его? – переходя на серьезный тон сказала Эмма.

– Мне хочется в это верить. – я улыбнулся, – думаю он

тебе понравится.

– Правда, почему ты так решил?

– Несмотря на то, что он вечно подолгу отсутствовал, а дома часто заседал за своими книгами, он редко упускал возможность провести со мной хоть немного времени. Он учил меня охоте, рыбалке, игре в карты, или как он это называл "мужским занятиям". Именно он приобщил меня к чтению и научил думать своей головой. И при этом всё он был веселым, – что ни день, то новая народная мудрость за стаканом винца.

– Думаю, мы с ним найдем общий язык.

На утро мы насобирали столько грибов, сколько смогли засунуть в рюкзаки, и продолжили движение. Долгое время деревья перекрывали нам вид на нашу цель, и мы шли без видимых ориентиров. Ближе к концу дня мы преодолели холмистую местность, вышли из хвойного леса, и впервые с момента выхода из Орвеста увидели подножья Трёх Столпов. Они всё ещё были далеки, но между нами не было иных препятствий, кроме самого расстояния.

Вся местность от леса до столпов была пустынной, не деревьев ни водоемов, лишь сухая земля и камни, которые, порой, были размером с человека. Навскидку, идти оставалось дня два, необходимых для пути, ресурсов у нас было достаточно, но мы переживали о том, что после столпов у нас всё может закончиться. Мы взяли с собой немного хвороста и сухих веток, чтобы было из чего в последствии раз-

вести огонь. Ночи становились все холоднее, а на открытой местности мы не были защищены даже от ветра.

Дабы еды хватило на подольше, мы уменьшили положенный рацион. Заранее пожаренные на огне грибы и остатки крекеров, это была вся наша еда на два дня. Но движимые целью, мы держались и продолжали идти, невзирая на голод. И к концу дня мы были так близки к первому из Столпов что не хотели останавливаться, несмотря на полное отсутствие сил. И все же, найдя достаточно большой камень, который укрывал бы от ветра, мы надели второй слой одежды и закутались в спальные мешки.

Мы проснулись продрогшие, лишь забрезжил рассвет. Не тратя времени на завтрак, приберегая еду на потом, мы отправились к подножью первого столпа. Лишь в непосредственной близости мы увидели, что Столпы располагались клином. Один, самый широкий из трёх, был прямо перед нами, а два других – на расстоянии в несколько километров справа и слева позади него. С этой стороны их основания была пустыня, с обратной – горы и леса, сквозь которые струились реки.

– Открывай книгу, – сказала Эмма глядя на исполинские столпы, словно титаны державшие небосвод на своих плечах.

Я достал книжку из сумки и открыл на нужной главе после чего начал читать в слух:

"Адам понимал, что был мал, но, когда он увидел трёх титанов, что стали у него на пути, замер от ужаса и удивления.

Он едва ли мог сравнить себя с букашкой на их фоне, скорее пылинкой, а может и чем-то поменьше. Один титан был высоким и стройным, за его спиной слева прятался второй – тот был низок и плечист, а третий что стоял справа, был крупным и упитанным.

– Стой, заяц, – сказал титан, – мы хранители солнечных земель великие титаны, если ты намерен здесь пройти..."

– Погоди, – перебила меня Эмма, – я кажется поняла, ты не помнишь, дедушка оставял какие-то подсказки?

– Что-то на полях безусловно было, но я не вчитывался, думая, что еще успею.

– Ну в общем у меня теория. Адам шёл от тьмы к солнцу, так?

– Всё верно.

– И он, пройдя часть пути, наткнулся на титанов. Ты заметил, как детально там расписано как они стояли, смотри. – Эмма показала пальцем на столп что упирался в горы. Это тот что низкий и плечистый.

– А этот крупный и упитанный, – подхватил я, и ткнул пальцем в столп, что был прямо перед нами.

– То есть нам нужно встать так, чтобы они расположились как в книге, и тогда мы поймем от куда он пришел.

– Ты же понимаешь, что в моей автобиографии будет написано, что я сам до этого додумался, пока ты стояла в стороне и восхищалась моей гениальностью.

– Всё равно кроме меня никто твои записушки читать не

станет.

– И вы, дорогой читатель, останетесь в полном восторге, – отшутился я, демонстративно кладя руку на сердце.

– Пошли давай, – улыбаясь сказала Эмма.

Мне нравилось вызывать у неё улыбку, во всём нашем длительном и изнурительном путешествии это было единственным, что искренне доставляло мне радость. А ведь совсем недавно я планировал отправиться в путь совсем один, сейчас же, я и представить себе не мог, что бы я делал без Эммы.

До столпа, который в книге описывался как высокий и стройный титан, было полчаса пути. Схватив рюкзаки, мы отправились к его подножью. Нашей задачей было встать так, чтобы он собой почти полностью заслонил столп, упирающийся в горы, а тот что пошире был справа от нас. В нас выиграла нетерпеливость, и мы ускорились. Встав напротив нужного столпа, мы стали удаляться от него выстраивая правильную панораму.

– Эмма смотри, – прямо над нами начиналось довольно обширное море что примыкало к подножью первого из столпов, – предыдущая глава про морское путешествие.

– То есть будьбы мы на той стороне – мы бы попали в тупик, а тут...

Развернувшись назад, чтобы увидеть, куда указывало направление, Эмма опешила. Впереди на приличном от нас расстоянии находились высокие скалистые горы, у подножья

опоясанные хвойными деревьями.

– Горы. Даже не знаю, что лучше, горы или море. – не скрывая разочарования произнесла Эмма.

– Понимаю тебя, но, к тому морю не примыкает ни одно поселение, мы бы там лодку в жизни не раздобыли. – Давай сверимся с компасом чтобы не запутаться.

Убедившись, что мы стали ровно так, как описывалось в книге, я достал компас, стрелка которого неизменно показывала на солнце, и записал направление, чтобы не забыть. Не тратя времени на дальнейшие разглядывания столпов, мы выдвинулись в путь. По дороге мы один раз остановились на привал чтобы хоть немного поесть, и я попытался подсунуть Эмме чуть большую порцию чем отложил себе.

– Я ценю твою заботу, но ты же понимаешь, что нам обоим нужны силы, если свалишься с ног из-за слабости, мне будет проблематично тебя на себе тащить.

– Нам обоим не мешало бы нормально поесть. Может в леске у подножья горы что-нибудь найдем.

– Мы должны там что-то найти, в противном случае – голодная смерть.

Эмма была права, запасов было катастрофичности мало, знал бы отец каким окажется путь положил бы мне больше походных крекеров и флягу повместительнее. Хотя, подготавливая рюкзаки у Винденов, и позже в Навиасе, мы хотели положить больше припасов, но понимали, что больше просто не поместится. И все же.

Мы были от солнца так далеко, что вечерний свет до нас едва доходил, и темнело здесь намного раньше, чем в городах. Но мы упрямо продолжали идти, пока не уперлись в заросшее деревьями подножье горы, что была скалистой, обрывистой и отталкивающе высокой. Мы еще не знали, как нам её преодолевать. Сейчас мы думали лишь о пополнении запасов и отдыхе.

На следующее утро, мы принялись искать признаки обитания живности. В этой местности. Постепенно продвигаясь вверх по подножью мы увидели пробегающего мимо оленя. Ни я ни Эмма никогда не видели их вживую, и желания убивать столь изящное животное у нас не было. Но мы понимали, что придётся это сделать, если охота удастся. Насобирав грибов, мы с револьвером наготове стали медленно выследивать оленя. Времени на это уходило больше чем мы рассчитывали. Поднимаясь всё выше по холму, идя по найденному следу, мы все же нашли животное.

– Кто его так? – сказала Эмма, глядя на тушу мертвого оленя что лежала на опушке между деревьями. – смотри, здесь ровные надрезы, значит это был человек а не хищник.

– Застрелен, – я наклонился над тушей глядя на три пулевых отверстия разбросанных по всему туловищу, – стрелку меткости не занимать.

– Похоже мы наступаем им на пятки, – сказала Эмма, – туша лежит здесь не долго.

– Как бы нам не очутиться на месте этого бедняги. Как

думаешь если мы на них наткнемся они не нападут на нас?

– Не думаю, что они догадываются о том что ты сбежал из тюрьмы, и увидев тебя они бы... Ну... Честно говоря не знаю что бы сделали, не стреляли бы точно, но задержать попытались.

– Что-же, они сами того не ведая, недурно нам послужили, – сказал я показывая на оленя.

Следующий час мы провели нарезая мясо и разводя костер. Будучи уверенными что ещё не скоро нам попадется столь же стоящая добыча, мы начали засушивать как можно больше кусков, чтобы хватило в лучшем случае на неделю. Эмма как заведенная собирала каждый гриб что попадался на глаза. Хвойные ветки давали сильный жар и в процессе готовки я чувствовал, как мое лицо краснеет.

– Олени же должны где-то пить. – сказала Эмма и взяв наши фляги пошла искать ближайший источник.

– Будь осторожна, – крикнул я ей в след, продолжая вертеть мясо на ветке.

"Деда куда ты нас отправил? А сам как дошёл? Дошёл ли? В такой длинный путь припасами не запасёшься. А если нас было бы не двое, а целый отряд? Было бы легче или наоборот? Каждый был бы занят своим делом. Один воду ищет другой охотится. Интересно, сколько еще идти, чем дальше, тем темнее и холоднее. Вопрос времени, когда земли станут совсем пустынными и бесплодными. А вдруг это последний раз, когда мы можем пополнить запасы? Придется вернуть-

ся. Отступить? Не могу я просто взять и отступить. А Эмма... Я не хочу, чтобы она страдала от холода и голода. Ни за что! Не такой ценой. Если я пойму, что продолжать путь будет опасно я всё отменю. Ради неё. Эмма. Она же тоже хочет узнать, что там? Отступить – не значит сдаться. Мы сможем вернуться как будем готовы."

Погрузившись в свои мысли, я не успел заметить, как быстро Эмма вернулась. На её лице сияла улыбка, а в руках две мокрых от воды фляги. Она присела рядом открутила крышки обоих фляг, и протянула одну мне. "За то, чтобы дальше на пути нам везло так же, как сегодня", – произнесла она тост, подняла флягу, мы чокнулись и выпили.

– Эмма, по поводу пути, я так подумал, ничего страшного если мы отступим.

– Что? – у Эммы пропала улыбка и она обеспокоенно нахмурилась. – с чего вдруг.

– Ты же сама понимаешь, что дальше будет только сложнее, припасов меньше, ночи холоднее...

– И ты хочешь сдаться? —

– Я не хочу сдаваться, я лишь говорю, что если будет совсем сложно, то можно отступить, а как будем готовы просто попробуем снова.

– Ну... По правде говоря, я думала об этом, и поняла, что не хочу отступать, не сейчас ни потом, трудности будут, безусловно будут. Но мы справимся.

– Но почему ты так решила?

– Я же так тебе и не рассказала про то как мы с Томасом жили в Возвышении первый год. – говорила Эмма пока я, с нескрываемым любопытством, смотрел на нее. – я уже говорила, что мы туда прибыли на судне. Ступив ногой на землю, мы остались только вдвоем, вдвоем в большом городе, который мы вообще не знали. На протяжении нескольких месяцев мы жили в основном на улице, мы пытались найти работу, любую лишь бы хоть что-то платили, но кому нужны подростки? Порой, нам удавалось найти подработку на пару дней, где-то перекопать, что-то покрасить, но иногда, когда денег совсем не было, чтобы просто не умереть с голоду нам приходилось воровать. Мы этим не гордились, это была вынужденная мера. Но знаешь, несмотря на всё это, мы не возвращались домой. Мы не хотели ходить по улицам города, что был переполнен воспоминаниями о маме с папой, которых больше не было. И мы выжили. Затем мы узнали о программе бесплатного обучения для сирот, и стали все свои заработанные деньги тратить на книжки чтобы готовиться к поступлению. И как ты уже знаешь я отучилась на стражника, а Томас... Он учился на юриста. – Эмма улыбнулась и добавила, – как я и говорила, мы верили в систему.

– Тяжело вам пришлось.

– Пожалуй, но это был наш выбор, потерпеть сложности ради цели. Поэтому я не хочу отступить.

– Я тебя понял. Хорошо, мы не отступим.

Не смотря на заразительно мотивирующую речь я все же

скрыл от Эммы свои истинные намерения. Если ей будет грозить опасность, я её хоть на руках в Навиас отнесу. И все же я хотел надеяться на лучшее, нам еще предстояло найти моего дедушку как никак. Мы просидели у костра несколько часов, наелись, а может даже переели, и приготовились в дорогу. Пересчитав все припасы, что мы насобирали и нажарили, мы определили сколько каждый должен съесть в день, чтобы хватило на подольше. И отправились в путь, чтобы пройти ещё хоть немного пока было светло.

С каждым шагом склон становился всё круче, а деревьев было всё меньше, и спустя час мы дошли до скалистой основы горы. Это был тупик, нам оставалось лишь идти вдоль него, в поиске места, где можно пройти или взобраться наверх. Чтобы не тратить время, мы разошлись по сторонам, условившись не уходить далеко. Но этого не понадобилось – спустя всего пять минут Эмма, которая ушла влево, позвала меня, и я что есть сил рванул к ней. Она стояла перед высокой расщелиной в скале. Это была пещера.

– Есть мысли? – спросила девушка.

Я опешил, пещера была тёмной и мрачной, из неё будто веяло неприятностями. Но ветер, доносившийся изнутри, давал понять, что она сквозная. Но шла ли она насквозь всей горы, или делала крюк и возвращалась в эту же сторону? Первая мысль, что мне пришла была: "Факелы!". В пещере была беспроглядная тьма, и, если рассматривать вари-

ант прохождения через неё, нам нужны были факелы. До последнего меня одолевали сомнения, идти в пещеру или продолжать искать обходной путь, что могло занять вечность. Но все сомнения рассеялись, когда я увидел выбитый на каменной породе знак, тот самый.

– Эмма смотри, – переполняемый восторгом сказал я, – это дедушкин знак. Песочные часы без верха.

– Знак твоего дедушки, – с неподдельным интересом крикнула она, – следовательно он был здесь?

– Получается, что так, значит, мы точно на верном пути. Какой камень с плеч. Думаю, в таком случае мы точно должны пойти сквозь пещеру.

– Нам нужны факелы, – словно прочитала мои мысли Эмма.

И везение или совпадение – но именно хвойные деревья лучше всего годились для факелов, в детстве в горах дедушка с отцом показывали мне как их делать. Мы с Эммой отложили рюкзаки в сторону и взяв по ножу отправились срезать кору с деревьев и расщеплять крупные ветки на лучины. В очередной раз мы использовали бинт что дала нам Лиззи не по назначению, связывая пучок лучин из коры и веток. Сверху, чтобы можно было поджечь, мы между лучин просунули хвороста, и обмотали бинтом для надежности. К вечеру мы сделали шесть факелов, каждый взял по одному в руку и по два спрятали в боковые отделения рюкзака.

– Что думаешь, идем сейчас или утром? – спросил я.

– В пещере все равно темно, так что зачем ждать утра, мы и так здесь задержались.

– Ну, пожалуй, соглашусь с тобой. Поджигаем!

Положив самодельный пучок на землю, я достал огниво, нож, и через минуту у меня в руках был горящий факел. Если мне не изменяла память, дедушка говорил, что одного хватает минут на двадцать. Используя по одному за раз мы обеспечивали себе два часа пути. Мы надеялись, что этого хватит. Перед тем как зайти в пещеру я обернулся в последний раз посмотреть на пробивающиеся сквозь деревья силуэты трёх столпов. На протяжении недели они были нашим единственным ориентиром и сейчас мы прощались с величественными титанами. Подойдя к расщелине в скале, мы с Эммой прижались поближе друг к другу, она взялась за заднюю лямку моего рюкзака, и мы зашли в окутанное мраком пространство.

Другая сторона

Мы шли рассекая тьму факелом. Воздух был сырым и неприятным. Смотри себе под ноги и пытаясь по возможности держать контакт с одной из стен, мы двигались быстро и решительно. Промедление стоило нам драгоценных минут, что были нам отведены шестью факелами. Я осознавал, что дедушка хоть и был здесь, но мог к примеру, не выбраться из пещеры, кто знает, когда он нацарапал этот знак что был при входе. Но я пытался мыслить более оптимистично.

– Коннор, а что значит знак твоего дедушки?

– Знак? – я задумался, продолжая продвигаться вперед, – дедушка говорил, что этот знак в форме песочных часов как символ времени. Нижняя часть – это жизнь человека, она конечна, когда последняя песчинка, отведенная тебе, упадет – жизнь завершится. А верхняя часть не имеет верхней линии, как крышка часов, это символ самого времени что оно неисчерпаемо, и когда человек умирает, время продолжает идти. Такая вот его интерпретация круговорота жизни.

– Значит человек как сосуд, который перестанет существовать, когда полностью наполнится, а время продолжит идти как ни в чём ни бывало?

– Мрачновато в твоей интерпретации.

– В моей? – Эмма легонько пнула меня локтем в рёбра, –

Я лишь перефразировала. Дедушка твой – тот еще философ.

– Есть такое, – сказал я и резко встал на месте, Эмма от неожиданной остановки врезалась в меня.

– Что случилось?

Я медленно наклонил факел ближе к земле, освещая кровавый след, ведущий вглубь пещеры. Мы с Эммой обменялись обеспокоенными взглядами, и стали медленно продвигаться вдоль следа. Факел стал угасать, и Эмма, ни медля ни секунды, поднесла к огню другой, который держала наготове. Я тихо положил в сторону то, что осталось от первого, и забрал у Эммы новый. Свериться с часами я не мог, но по ощущениям прошло точно не больше двадцати минут.

Мы продолжали медленно и настороженно двигаться. Я шепнул Эмме чтобы она достала револьвер из моего пояса, и была на стороже. Шаг за шагом след становился все более заметным, пока в один момент мы не наткнулись на ботинок, который Эмма опознала как часть формы стражников Возвышения. Сомнений не оставалось, кровь была человеческой. Я посмотрел на Эмму, и она кивнула показывая готовность идти дальше.

Мы старались по максимуму не поднимать шум, при этом продолжая идти быстро. Опоясывающую нас тишину в миг разрушил оглушающий рев. Он раздался метрах в ста от нас, и эхом разнесся по всей пещере. Кто бы это не был, гостеприимства мы не ждали. В месте где мы стояли пещера уже не напоминала коридор, скорее это был большой холл с уй-

мой пустого пространства, где тут и там из земли торчали куски скалы, за которыми мы быстро решили спрятаться.

– Думаю это медведь, – тихо сказал я, – я в горах слышал подобный рёв.

– И что делаем, прятаться с факелом что выдаёт нас, не вариант.

Я достал с бокового отделения еще один пучок, поджёг его и протянул Эмме.

– Держи, медведи боятся огня, не убирай револьвер, и держись за моей спиной. Стрелок ты всяко лучше меня, только по сигналу ладно? – сказал я, Эмма кивнула.

Мы медленно вышли из-за камня в свою свободную руку я взял нож, а Эмма шла следом, держа в одной руке факел, а в другой револьвер. Мы были на территории врага, где мы ничего не знали, всё что мы могли – это продолжать двигаться или отступить. И мы выбрали первый вариант. Несколько минут скитаний, и мы вновь услышали рев, в этот раз он был явно ближе. Мы держались стены, чтобы обезопасить себя от нападения со спины.

Осознание того, что животное было совсем рядом, пришло к нам, когда мы услышали, как когти на его лапах царапают каменистую поверхность пещеры. Был лишь вопрос времени, когда он нас заметит. И он заметил. Рёв раздался прямо перед нами, и звук несущегося на нас зверя эхом раздавался вокруг.

– По моей команде бежим вправо – крикнул я, дожидаясь

нужного момента. Факел озарил морду медведя, бегущего к нам, раскрыв пасть в злобном рёве. – Сейчас!

Я взмахнул факелом так близко к его носу, что тот попятился назад. Мы рванули вправо, и пробежав метров двадцать, Эмма споткнулась и упала, выронила факел и револьвер. "Эмма" крикнул я, подбегая к ней, и увидел обо что она споткнулась. Это было окровавленное тело мертвого стражника. На мгновение я потерял бдительность. Этого хватило чтобы медведь догнал меня.

– Коннор сзади! – Крикнула Эмма.

Я быстро развернулся выставив факел перед собой, передо мной открылась страшная картина. Медведь, стоящий на двух лапах, был ростом в два с половиной метра – не меньше. На его теле виднелись кровавые следы от пуль. Я взмахнул факелом чтобы отпугнуть его, и огонь, который горел уже минут двадцать, погас, скрыв разъяренную тварь во тьме.

– На землю, закрой уши! – снова крикнула Эмма, и я тут же послушался.

Раздался звук выстрела, оглушительным взрывом отразившийся от каждой поверхности узкой пещеры. Даже прикрыв ладонями уши я чувствовал, как в них возник звон. Воспользовавшись моментом, пока животное приходит в себя, я подскочил к Эмме, поднял её на ноги, взяв за руку, схватил лежащий возле неё факел, и мы побежали.

– Думаешь попала? – спросила Эмма, когда мы бежали через пещеру.

– Не знаю, пули его все равно не берут, главное, что ты его оглушила.

Я просунул руку к боковому карману рюкзака, и достал последний факел. Поджёг его и дал Эмме.

– У нас осталось два? – спросил я продолжая бежать.

– Да, у меня... Вот зараза, – испуганно сказала Эмма, – их нет. Видимо выпали, когда я упала. Вот я дура.

– Все нормально, мы не могли такого предвидеть. Значит это наш последний факел. Мы должны бежать не останавливаясь.

Медведь неистово ревел – громче, чем когда-либо, и бежал следом за нами. Нужно было его остановить. И в голову не пришло ничего лучше, чем попробовать снова его оглушить. Я дал Эмме отмашку, она развернулась и выстрелила назад, прикрывая ухо плечом. Этого хватило лишь на короткое время. Факел у меня в руке стал угасать, но у меня возникла новая идея, которая могла отвлечь медведя, пока мы будем убегать.

Я отдал Эмме факел быстро снял рюкзак и достал из него свою запасную рубашку. Быстро разложил её на земле и кинул поверх догорающий факел. Схватил Эмму за руку, и мы побежали, а сзади полыхало пламя. В очередной раз раздался рёв, но было слышно, что зверь оставался на месте. Рубашка не горела бы долго поэтому нам нужно было торопиться. Эмма спрятала револьвер за пояс, и мы ускорили темп. Вскоре мы почувствовали ветер. Мы выбежали из пе-

щеры, и последний факел потух. Мы успели.

Ещё какое-то время мы продолжали бродить во тьме, понимая, что медведь может выбежать следом. Ночь была настолько тёмной, что не было видно даже собственных рук. Мы шли фактически на ощупь, пока Эмма не наступила на кучу сухих листьев, которые мы вскоре подожгли, высматривая в свете пламени ветки – бросить в огонь. В свете нашего костра мы увидели лесную чащу, не сильно отличающуюся от той, которая была до входа в пещеру. В небе по направлению компаса где должно было быть солнце, виднелась высокая скалистая гора. Сомнений не было: мы были на другой стороне!

Спать в месте, которое мы совсем не разведали, было бы опрометчиво, поэтому мы сели возле костра и стали вслушиваться в любые подозрительные звуки. Было тихо, зверь, похоже, не выбежал за нами вслед. Я начал уже думать, что всё позади, как мой взгляд упал на кровавое пятно у Эммы на ноге.

– Эмма, ты ранена? – обеспокоенно затараторил я.

– Я сама только заметила, со всей этой беготней. Просто царапина.

– Ну да, а у меня был просто синяк, дай посмотрю, что там.

Эмма сняла штаны – на правой ноге возле колена красовался длинный, но неглубокий порез, судя по всему штанина приняла большую часть удара на себя. Я промыл порез водой

из фляги, аккуратно вытер от грязи и крови и плотно обмотал бинтом. Эмма надела запасные штаны, пока я доставал спальник чтобы она могла прилечь.

– Спасибо, – тихо сказала Эмма, присаживаясь на мешок.

– Тебе не обязательно не спать, я посторожу.

– Забудь, две пары глаз и ушей могут пригодиться.

– Даже не знаю, как смотреть на эту ситуацию, хоть мы и выжили в итоге, но ещё чуть-чуть – и мы пошли бы на корм медведю.

– Думай о результате, мы отделались малой кровью, ну вот прям буквально, – она погладила ногу в области пореза. – Тому стражнику повезло явно меньше. Думаю, вернуться за его телом чтобы похоронить не вариант.

– Ты его знала?

– Лично нет, но видела пару раз, работали на разных участках. Не думаю, что он заслужил такую страшную смерть.

– Понимаю, – тихо сказал я, – но ты права, вернуться туда не вариант. Мы и так еле выбрались.

– Твоя рубашка, – резко вымолвила Эмма. – сейчас с каждым днём холодеет, а ты её сжег.

– Ничего, что-нибудь придумаем, в крайнем случае в спальнике проделаю отверстия и буду его носить как комбинезон.

– Вот ты шутишь, а потом плакать будешь, – Эмма наигранно выдохнула, – но ты прав, что-нибудь придумаем.

До самого рассвета мы сидели у костра, закутавшись в спальные мешки, и разговаривали, пытаясь друг друга взбодрить. Мы сидели в вечной тени что отбрасывала гора, и первые лучи солнца мы могли наблюдать в нескольких сотнях метрах от нас. Желая поскорее выбраться на свет, мы потушили костер и отправились вниз по склону, попутно осматривая округу. Деревья, стоящие в вечной тени, были слабыми и невысокими, и все же довольно стойкими.

Когда мы спустились со склона, оставив деревья, что закрывали вид, позади себя, перед нами возникла река, идущая на километры вперед. После чего сворачивала влево. Вдоль её берегов было много разнообразной растительности, а позади, где-то далеко на её фоне, был столп, чьи размеры терялись в опоясывающих его облаках.

Мы подошли к реке и умылись ледяной водой. Зная, что весь следующий день пройдет у её берегов, мы не торопились плавать. Пройдя час вдоль реки, мы нашли хорошее открытое место где можно было устроить привал. В этот раз нужно было отдохнуть. Изучив местность, мы разложились поудобнее, и стали спать по очереди. Я как всегда настаивал на том чтобы Эмма легла первой, и так как сегодня она была с травмой, мне было на что надавить.

Пока она спала, я открыл книжку, чтобы понять, куда нам двигаться дальше. Прямо над нами все так же находилось море, границы которого были не видны из-за большого скопления облаков в направлении столпа. Как всегда, перели-

ствывая главы начиная с конца книги, я добрался до главы что следовала за титанами. Рассказ назывался "Лестница в небо".

Я оглянулся. В поле моего зрения попало как минимум три столпа, имелся ли в виду один из них, или же лестницей было что-то метафоричное? В рассказе, некие голоса зазывали Адама подняться, по лестнице в неизведанный мир, но заяц не поддавался искушению любопытством, и продолжил свой путь дальше – во имя своей цели. Вспоминая книгу с дедушкиными пометками, я перевернул на следующую главу, что была про мечту Адама увидеть солнце в лесах, где вечно лил дождь.

Эмма спала часов пять, я не хотел ее будить, но мои глаза слипались от усталости, а засыпать, будучи на посту было опасно. После того как я выслушал о себе не самые приятные вещи, из-за того, что дал Эмме поспать, а не разбудил через два часа как договаривались, я улегся и сон моментально забрал меня в свое царство.

– Коннор, просыпайся, два часа прошло, – прошептала Эмма.

– Может отомстишь мне и тоже разбудишь попозже, – сонно пробормотал я.

– Я бы с радостью, но скоро вечер, – тихо продолжала Эмма, – и мне кажется дождь может скоро начаться.

– Понял, встаю, – сказал, я протёр глаза, и начал подниматься.

– Я почитала те главы, на которых мы сейчас. Думаю, нам нужно ждать пока тучи рассеяться, чтобы понять куда идти.

– Да, я тоже так думаю, чтобы в ожидании не сидеть на месте, можно пока идти по тому же курсу что и раньше, так мы сократим дистанцию до любого из этих столпов.

– Да уж, ждать пока тучи рассеются. Надеюсь, это ненадолго.

Вскоре, как и предсказала Эмма, начался дождь. К сожалению, найти место, где можно было полностью укрыться, нам не удалось. Выбрав дерево с ветками по размашистее, мы повесили свои рюкзаки близ ствола, чтобы уберечь от намокания, а сами стали ждать. Дождь не прекращался вплоть до вечера, отчего день казался потраченным впустую. Но как только капли перестали падать на землю, мы снова продолжили путь, чтобы пройти хоть небольшое расстояние.

Продолжая движение вдоль реки по промокшей земле мы поняли, что этой ночью будет сложно найти место для ночлега, и более того, найти сухие ветки для костра тоже было непростой задачей. Благо еще было время до темноты, и мы ускорили шаг. В последних лучах тускнеющего солнца мы увидели вдали огромный дуб, что рос на небольшой горке, и направились к нему. Дошли мы до него уже в полном мраке. Его корни выпирали из земли покрывая собой несколько метров, а ветки с листвой были такими плотными, что у основания дуба было более-менее сухо.

– Я так подумала, это нам еще повезло с дождями, за все

время что мы в пути, это был первый.

– Ну до этого нам других приключений хватало, дождя нам еще не доставало.

– Тебе холодно? – Спросил Эмма, смотря на то, как я расстилаю мешок на корнях дуба, – тут и так не жарко, да еще и дождь, а у тебя всего одна рубашка.

– Все в порядке, – соврал я, – подумаем об этом завтра.

– Будем спать рядом, – сказала Эмма расстелив свой мешок возле моего, – чтобы хоть немного теплее было.

– Ты что это, флиртуешь со мной?

– Если эта мысль тебя согреет, то да. – В ответ подколола меня Эмма.

Мы залезли в мешки и оперлись спинами на дуб, сидя бок о бок на не сильно удобном для сна месте, мы обсудили кто будет спать, а кто останется на страже. В этот раз я лёг первым, а Эмма сидящая рядом, несмотря на кромешную тьму, принялась что-то зарисовывать в моём блокноте. За время путешествия блокнот был исписан мной и Эммой уже наполовину. Там были иллюстрации мест, где мы были, записи о произошедшем, количество запасов, и расписание их потребления.

Я проснулся на рассвете, довольно далёкое солнце все же согревало округу. Рядом, свернувшись калачиком спала Эмма, с блокнотом в руках. Видимо не хотела меня будить, пока сама не выдержала и уснула. Забота друг о друге по всей видимости стала для нас чем-то обычным и очевидным. Хо-

тя из-за этой заботы нас могли съесть местные хищники, но за время, проведенное здесь мы не обнаружили ничего опасного, за счёт чего можно было хоть немного расслабиться.

Поднявшись, я вышел из-под дерева. Меня ждала прекрасная картина: небо было чистым, открывался прекрасный вид на море с другой стороны. Я тут же спустился с холма и выбежал на открытую поляну. Окинув взглядом все три столпа я не поверил своим глазам. Дальний столп, который был прямо по нашему курсу, в центре, в месте где один мир переходит в другой, выглядел разрушенным, будто сломанный пополам карандаш. Лишь небольшая скала, словно нить, соединяла две половины одного целого.

– Эмма, – крикнул я, переполняемый эмоциями. – Эмма просыпайся.

– Прости я заснула... – она прервалась, увидев куда я указываю пальцем, – Что же это?

– Я не знаю, но думаю нам туда.

Переполненные эмоциями и энтузиазмом, мы сложили всё в рюкзаки, закинули их на плечи и отправились в путь. За день, может два, умеренного темпа туда можно было дойти, и мы, не тратя времени, отправились вперёд, перекусывая на ходу. Чем ближе мы подходили, тем больше могли рассмотреть. Так, когда мы уже прошли реку и продолжали движение, по заросшей высокой травой земле, мы смогли увидеть небольшой водоём в центре той половины столпа, которая была напротив. А ещё через несколько часов скитаний уви-

дели дорожки, которые словно серпантин окутывали столп.

Сомнений не было, это была та самая "лестница в небо" из книги. Мы еще больше воспрянули духом и увеличили темп. Но как бы мы ни торопились дойти - за день мы не успевали, поэтому, как только темнота скрыла от нас объект преследования, мы нашли подходящее место и заночевали. На следующий день мы подошли достаточно близко чтобы увидеть то, от чего у нас пропал дар речи.

– Я... Это... Деревня? На столпе?

– Похоже на то, – удивленно прокомментировала Эмма.

Вокруг небольшого озера прямо в центре столпа на огромной высоте от поверхности, находилась деревня. Поселение между мирами. В голове возникало множество вопросов, но все они могли подождать. Движимые целью побыстрее туда попасть мы быстро дошли до подножья и стали искать вход на спиральную тропу. Вход подстерегал нас на теневой стороне.

Мы начали свое восхождение по курсирующей вокруг огромного цилиндрического столпа тропе. Для меня это было второе восхождение, но открывающиеся перед нами пейзажи продолжали меня восхищать. Дорожка была очень уж ровной будто её и вовсе не человек делал, впрочем, чему было удивляться, там вверху, в десяти километрах над нами, вверх ногами стоит деревня. Меня все это уже давно должно было перестать удивлять.

Эмма все норовила вырваться вперед, желая побыстрее

попасть наверх, мне постоянно приходилось ее тормозить, объясняя, что за день мы всё равно не доберемся. На теневой стороне было холоднее, чем когда-либо за последние недели, и лишь там я сам ускорял свой шаг. Столп закрывал нам вид на деревню, но с каждым витком вверх мы все лучше могли рассмотреть противоположную сторону. Лишь небольшая часть морского побережья была близ основания, после чего начинались поля и засаженные деревьями равнины. Похоже, жители деревни, использовали, прилегающие к основанию столпа, земли с пользой.

– Коннор, "главный" столп, как я понимаю, опоясывает лестница, а тут – тропинка. Где легче подниматься? – Запылавшись спросила Эмма.

– Так, ну смотри, за счёт того, что лестница была слишком крутая, расстояние было намного меньше, но подниматься, соответственно, было в разы труднее. Как же у меня тогда ноги болели!

– Думаю сегодня нас ждёт та же участь.

– Тут главное не переусердствовать и не забывать про отдых, – я остановился и осмотрелся, – к слову об отдыхе.

Я снял рюкзак и присел на край дорожки, свесив ноги, затем посмотрел на Эмму, приглашая её сделать тоже самое. Мы уселись аккуратно посередине освещаемой стороны столпа, под нами было километра три до земли. Пугающе? Не то слово... Завораживающе? Еще как! Я взглянул на Эмму, на её лице сияла улыбка, немудрено, картина, развернувшаяся

под нами, была прекрасной! Я отвел руки за спину – облокотиться о дорожку, и случайно накрыл левой ладонью, руку Эммы. Так мы и продолжили сидеть.

Вдоволь отдышавшись и насладившись видом, мы продолжили свой путь наверх. Час за часом продолжалось восхождение, время от времени мы останавливаясь перевести дыхание и перекусить. За последние недели мы с Эммой довольно сильно скинули в весе, питаюсь одними крекерами, грибами да сушеным мясом, лишь изредка балуя себя уткой или большим куском оленины. Часто я ловил себя на мысли что мы не были должным образом подготовлены к такому походу.

Вечерело, дорожка уже была плохо различима, а путь что мы успели проделать за день, был более чем существенным. Облака были уже под нами, а и ещё треть пути наверх мы предпочли оставить на следующий день. Мы заночевали, уместившись поближе к основанию столпа. Пару раз за ночь я просыпался от холода, но уже под утро мы, как и прежде, подскочили и продолжили путь, перебарывая сильную боль в ногах.

Виток за витком мы поднимались по дорожке ровно высеченной в кривой горной породе столпа. Порой Эмма останавливалась чтобы зарисовать понравившийся пейзаж, пока я разминал затекающую от рюкзака спину. Оставалось немного, и это знание не давало нам останавливаться на дол-

го. Когда солнце, что виднелось отсюда было совсем крошечным, визуальнo пересекло линию, соединяющую два горизонта, мы поняли, что пришли.

Тропа обрывалась на вершине, представлявшей собой неровный скалистый утес, один край которого стремился вверх, соединяя две части столпа. По ту сторону, метрах в трехстах над нами, кипела жизнь. Небольшая деревушка что раскинулась вокруг озера в центре второй половины столпа. Деревянные домики с небольшими огородами, деревья разных сортов и озеро, дающее всему жизнь, располагались на круглой территории в, максимум, трёхкилометровой в диаметре, обведенной линией деревянного забора.

Мы простояли несколько минут, рассматривая столь невероятное зрелище, пока ребенок сидевший в одном из дворов не начал нам махать. Мы робко помахали в ответ, похоже для него люди стоящие "в небе" были не в новинку. Он убежал в дом, после чего вышел взрослый мужчина и посмотрел на нас. Мы снова робко помахали. Он махнул нам рукой, чтобы мы шли за ним, мы с Эммой недоуменно переглянулись, и направились туда, куда нас вели.

Мы шли в сторону ведущей вверх скалы, направляемые мужчиной, то и дело спотыкаясь на неровной поверхности. Подойдя к скале, мы увидели веревку, как на "главном" – натянутую между двумя блоками, один на нашей стороне и один наверху. Мужчина подошел к тросу, к которому был прикреплен небольшой металлический цилиндр, положил

туда что-то, и начал тянуть за другую сторону троса, поднимая тем самым посылку.

Вскоре цилиндр был на нашей стороне. Я открыл его, внутри лежал карандаш и лист бумаги, на котором было написано: "Кто вы? С какой целью пришли? Имеется при себе оружие?".

– Что думаешь? – спросил я Эмму

– Пиши, как есть, думаю эти люди не враждебны и хотят убедиться, что мы такие же.

Я взял карандаш в руку и начал писать: "Наши имена Коннор Майер и Эмма Ярвин, мы просим разрешения пройти через вашу деревню, с целью спуститься вниз. У нас имеется револьвер, но он разряжен и спрятан в сумку." Эмма одобрительно кивнула, и мы поместили лист туда, откуда его взяли, и отправили обратно. Получив ответ мужчина минуту всматривался в написанное нами, после чего куда-то убежал.

– Как-то он долго читал наши две строчки, думаешь его потревожило упоминание о револьвере? – Поинтересовался я.

– Не знаю, странно это всё. Думаю, без их разрешения пройти нам точно не удастся, так что будем надеяться, что нас пропустят.

Эмма была права, в ста метрах над нами к скале была привязана веревочная лестница, часть которой была скручена – она вела на ту сторону. Лишь если её нам кто-то спустит – мы сможем подняться наверх, чтобы затем спуститься в

деревню. Мы простояли в ожидании и неведении минут десять, пока к скале не вернулся мужчина, в этот раз он был не один. Пока его спутница смотрела на нас, он поднимался по лестнице. Добравшись до переходной точки, он развязал скученную часть лестницы и та, развернувшись, свесилась возле нас.

– Эмма, лезь первая, я страхую снизу, и будь осторожна, в момент перехода между плоскостями ты станешь невесомой, не отпускай лестницу ни в коем случае. И оставь сумку, её по тросу поднимем.

– Поняла, – резко ответила Эмма, – хотя не совсем поняла, но я разберусь.

Она сняла рюкзак и осторожно стала подниматься. Я следил за каждым её шагом, всё-таки высота была очень большой. Каждый раз, когда она криво ставила ногу, у меня сердце замирало. В этот момент я подумал, как же все-таки хорошо, что мы не боимся высоты. Добравшись до места перехода, Эмма испуганно и в тоже время восторженно закричала пока её ноги воспарили. Развернувшись она вновь вцепилась в лестницу и начала спуск.

Опершись ногами о поверхность, она помахала мне, и я выдохнул с облегчением. Я привязал рюкзаки к тросу и пока их тянули наверх, начал подниматься. Став невесомым я немного задержался чтобы прочувствовать этот момент, после чего начал спуск. Рюкзаки уже были на месте, и как только мои ноги коснулись твердой поверхности, радостная Эм-

ма закричала:

– Приветствую на другой стороне.

Последние дни

– Приветствуем вас Коннор, Эмма. – начала говорить женщина, – Моё имя Лидия, а это Стивен, – мужчина кивнул головой.

– Спасибо, что пропустили нас. – Благодарно произнес я.

– Да, мы вам очень благодарны, и надеемся не причиним вам хлопот.

– Ну что вы, какие хлопоты, мы вас ждали.

– Ждали? – мы с Эммой спросили в унисон.

– Думаю нам многое предстоит вам поведать, но сначала нужно поесть – вы наверняка голодны и вымотаны. Прошу будьте нашими гостями, мы найдем вам комнату, а через час уже и еда подоспеет. Стивен вам всё покажет.

– Погодите... – сказал я вслед уходящей Лидии.

– Прошу за мной, – сказал Стивен взяв наши рюкзаки, – мы рады что вы пришли, и не переживайте, за обедом Лидия вам всё расскажет. А пока что я проведу вас туда где вы сможете отдохнуть.

– А по поводу города тоже за обедом? – нетерпеливо спросила Эмма, пока мы следовали за Стивеном.

– Города? А, вы в смысле как мы тут вообще живем? – он засмеялся, – ну что я могу сказать. Нашей деревне всего пятьдесят лет, я принадлежу ко второму поколению жите-

лей. Вот уже третье поколение подрастает, мою дочурку вы видели. Мы живем здесь без какой-либо связи с городами, мы сами по себе.

– Почему здесь? На такой высоте? – спросил я.

– Как мне говорил отец, это место было выбрано, как символ независимости от обоих миров, но по правде говоря, здесь отличный климат для овощеводства, так как нас немного, места тоже достаточно. Озеро обеспечивает нас питьевой и водой для полива. Изначально здесь был лес, он был вырублен и из него-то и построены эти дома. Лишь последние десять лет мы стали обживать нижние территории, выращивать и хранить там запасы.

– Но зачем, почему так далеко от остальных?

– Мои родители, и все, кто принадлежал к первому поколению, ушли из больших городов в поисках своего места, где они были бы счастливы и независимы, так они и наткнулись на это место. – Он остановился возле одного из домов и открыл дверь, – Мы пришли. Вопросы подождут, отдыхайте.

Мы зашли в деревянный домик, в глаза бросалась просто-та во всем – от пустых стен до малого количества мебели, разумеется, самодельной. В комнате, что была нам выделена, была кровать по-видимому, набитая сеном, с одеялами из овечьей шерсти, и пара табуреток. С каждой минутой их независимость от цивилизации всё больше бросалась в глаза, мы будто в прошлое угодили. Стивен оставил наши рюкзаки на полу и ушёл, после чего мы незамедлительно упали

на кровать, свесив ноги.

– Мягкая кровать, поверить не могу. – довольным тоном сказала Эмма. – Вот уж не думала, что мы наткнемся на поселение так далеко от Главного.

– Меня больше удивляет что они так высоко над землей.

– И не говори, ты, кстати, заметил, что здесь теплее чем внизу, эм... Точнее вверху. Я все ещё в шоке, от того, что мы на другой стороне.

– Да, мужик сказал, что климат здесь хороший, странно это. Хотя удивляться чему-то уже глупо.

Раздался стук в дверь, и мы резко приподнялись, переведя тело в сидячее положение. Зашла девочка лет семи, которая махала нам сверху, с полотенцами в руках. Посмотрела на нас и робко сказала:

– Купальня готова, вот ваши полотенца.

– Спасибо, – удивленно сказала Эмма, – Как тебя зовут милая?

– Лилия, – ответила девочка опустив взгляд.

– Не нужно нас стесняться, я Эмма, это Коннор.

– Очень приятно Лилия, – кивнул я.

– А ты не похож на дедушку Коннора.

– Что, – переспросил я, – дедушку?

– Вон, она указала на портрет что весел недалеко от входной двери, на нем был изображен морщинистый старик с мудрым взглядом.

– И кто же это? – Спросила Эмма девочку. – Его тоже

звали Коннор.

– Лилия, – раздался голос Стивена из-за дверей, – не мешал людям отдыхать.

Девочка услышав голос отца, извинилась и быстро выбежала. Я озадаченно посмотрел ей вслед, после чего встал и подошел к портрету что был нарисован чем-то вроде угля. Эмма подошла ко мне и встала рядом.

– Почему я должен быть на него похож?

– Может просто у вас имена одинаковые, вот она так и подумала.

– Может, – я постоял ещё какое-то время и сказал, – покупаться было бы кстати.

– Еще как! – на выдохе воскликнула Эмма, – Просто чудо, что мы сюда попали.

– Только, мы все ещё не знаем можно ли этим людям в принципе доверять.

– Та ладно тебе, маленькая девочка нам полотенца принесла, или может они отравлены?

– Ладно, приколистка, пошли.

Мы вышли из домика с полотенцами в руках, нам не успели сказать где находится купальня, но стоило нам очутиться на улице, как мы её увидели. Через дорогу шёл Стивен с ведрами воды – на небольшую территорию, огражденную забором, из-за которого вверх поднимался пар. А вокруг проходили зеваки, которые, глядя на нас, улыбались и шёпотом переговаривались. Мы вошли внутрь, сразу при входе была пе-

регородка, отделяющая женскую часть купальни от мужской, и мы с Эммой разошлись, договорившись в случае необходимости, кричать. Это не пригодилось.

Отсидевшись в пропаренной отделанной деревом банке, оттерев всю грязь, что накопилась за это время, я почувствовал себя другим человеком. За стенкой я слышал восторженный выкрики Эммы, видимо ей это было нужно больше, чем мне. Мы просидели там больше получаса, пока Стивен не крикнул нам, что обед готов, и как только мы выйдем, все будет подано. И в этот момент я осознал, что правда чувствую себя здесь званым и долгожданным гостем.

Мы надели на себя одежду, что нам оставили при входе, ткань была очень непривычной, очевидно всё здесь ткалось и вязалось собственноручно жителями деревни. Мы вышли. Лицо Эммы светилось от счастья, длинные каштановые волосы лежали на левом плече свисая до ключицы, а с тела шел пар. К нам подбежала Лилия и позвала за собой. Мы молча послушались.

Мы шли по маленькой деревне, улицы которой были засажены множеством фруктовых деревьев, на нас продолжали смотреть прохожие, но нас это уже перестало смущать. Мы зашли дом, по постройке отличающийся от остальных, похоже, он был не только самым большим из всех, но и самым старым, состоящий преимущественно из горизонтально уложенных друг на друга брёвен. Внутри, нас ждал большой стол, заваленный едой, возле которого стояла Лидия и

еще несколько человек.

– Прошу, присаживайтесь. – сказала она, и все стоящие в комнате, включая нас, сели за стол. – Конечно же, я хотела, чтобы вы спокойно поели, не обременяя вас разговорами, но полагаю вам не терпится получить ответы на свои вопросы, да и к тому же я по глупости вас заинтриговала.

– Это вы верно подметили, – сказал я.

– Справедлив. Прошу, ешьте, я уверена, что вы голодны, вы проделали немалый путь. А я пока расскажу то, что сама знаю.

Мы с Эммой оглянулись, и принялись обедать вместе с остальными. Мы очень хотели есть, не столько из-за голода, сколько от длительного отсутствия нормальной еды. На столе было всё, о чем только можно было мечтать, мясо, овощи, фрукты и выпечка. Но мы старались сдерживать себя и есть медленно и культурно.

– Итак, думаю стоит начать с того, кто мы все такие. – начала Лидия. – Я – избранная глава этой деревни, это мой муж Фабио и сын Дилан, со Стивенем и его дочерью вы уже знакомы.

Мы с Эммой кивнули, и Лидия продолжила:

– Пятьдесят лет назад группа, состоящая из дюжины людей, под предводительством их преподавателя, ушли из Нового Начала в поисках независимости и свободы. По правде говоря, человек за которым все шли, преследовал свои цели, но он был истинным лидером, и его ученики, решили за ним

следовать, несмотря ни на что. Мы все дети тех людей, что обосновались здесь. А их лидера звали Коннор Майер.

– Что... – я поперхнулся.

– Это был дедушка твоего дедушки, возможно ты не знал, что тебя называли в его честь. Он был исследователем и преподавателем физики и биологии, наши родители были его учениками, и когда он рассказал им о своем желании уйти, многие запросились пойти с ним.

– То есть он основал эту деревню? – спросила Эмма, я же не мог и пикнуть от изумления.

– Верно, мама говорила, что он был великим лидером, я же видела его лишь в детстве. Однако, как бы то ни было, результат вы можете видеть, из маленькой группы из двенадцати юношей и девушек образовалась деревня, в которой спустя пятьдесят лет, нас уже больше семидесяти. А Коннор прожил здесь остаток своих лет.

– Но почему он остался здесь? Разве вы не сказали, что его цель была в другом? Почему он не довел дело до конца?

– Обосновавшись здесь, он не раз собирался продолжить свой путь. Дай угадаю у вас с собой книжка "Место под солнцем"? – Мы кивнули, – дело в том, что дальше ничего нет, ну, или по крайней мере, никто так ничего и не нашёл, – лишь холод, тьму и пустоту. Он отправлялся дважды, но каждый раз спустя неделю-полторы – возвращался. За годы существования нашей деревни в место куда вела книга, отправлялись три отряда по два человека, из шести человек вер-

нулся один. Место куда не доходят лучи солнца, даже если там что-то и есть, то его не найти.

– Поэтому вы сказали, что ждали нас, вы думали, что однажды кто-то из его родственников пойдет тем же путем?

– Не совсем. Так мы думали раньше, до того, как к нам пришел твой дедушка Френсис.

– Он был здесь? Он жив? Где он?

– Мне жаль, Коннор, он погиб и уже очень давно, добираясь сюда по стороне Возвышения, он пять дней провел под дождём в поисках нашего столпа. Когда тучи развеялись, и он пришел к нам, он был слаб и сильно простужен. Мы заботились о нём, и он несколько недель боролся за жизнь, но в итоге болезнь забрала его. Понимая, что его дни сочтены, он написал вот это, – Лидия положила на стол блокнот в кожаном переплете. – Здесь он записал историю своего пути, и просил отдать это его внуку, если тот появится. И вот ты здесь.

– Значит, он так и не нашел того, что искал, – расстроено сказал я, мой аппетит резко пропал, – как же так, значит он зря проделал весь этот путь? Просто чтобы умереть.

– Прошу Коннор, не делай выводы пока не прочтешь то что он написал для тебя.

– Что там может быть написано? Очередные извинения, – вспылил я, и повысил голос, – я надеялся, что раз он нас бросил, то ради чего-то большего, чем банальная смерть от простуды.

– Коннор, – Эмма взяла меня за руку, – не нужно.

– Мы все смертны, и порой жизнь обрывается в самый неподходящий момент, – продолжила Лидия, – понимаю почему ты злишься, но, когда ты прочтешь что оставил тебе Френсис, думаю злость отступит.

Мне протянули блокнот. Я не мог на него смотреть, меня переполняла злость. Эмма взяла его и положила себе на колени.

– Мы все здесь благодаря твоей семье, и твой дедушка, то недолгое время что был с нами, лишь подкрепил нашу веру в семью Майеров.

– Семейю, – под нос фыркнул я, – кроме меня никого не осталось. Нет больше семьи Майеров.

– Все еще впереди. Их наследие живет в тебе.

Наступило молчание. Я ковырял еду вилкой, я был зол, а может разочарован, или, скорее всего, всё и сразу.

– Эта деревня, – решила сменить тему Эмма, – разве удобно жить так высоко, нет страха упасть? Хватает ли вам земли?

– Хороший вопрос, – Лидия улыбнулась, – изначально это место было выбрано, как временное пристанище. После этого столпа начинаются бесплодные земли, и Коннор старший, исполненный желанием идти дальше, оставил своих учеников здесь, как в самом крайнем безопасном месте на карте. Вернувшись через неделю, расстроенный оттого, что ничего не нашел, он увидел потенциал в этом месте. Озеро, плодо-

родные земли и тёплый климат. Если бы у него появилась возможность вновь отправляться в путь – это место было идеальным перевалочным пунктом.

Обнаружив, что все его ученики были в восторге от данного места, он решили обосноваться здесь. На протяжении первых лет здесь все обустроивалось. Некоторые уходили на поиски ростков и семян растений, кто-то искал живность, искал, что можно было здесь разводить и выращивать, а остальные строили дома и занимались другими работами. Легко не было, но они трудились во благо своего собственного рая. Было ли им страшно смотреть вниз? Думаю, да, но разве такой вид, на оба мира, того не стоит? Про количество земли, Эмма, вопрос возник только недавно, деревня разрастается, и мы поняли, что пора бы для земледелия и животноводства подключить окружающие столп земли, в остальном здесь всё прекрасно.

– Значит, после этого столпа, дальше от солнца уже ничего не растёт?

– Да, боюсь, что так, как рассказывали те, кто туда ходил, через пять дней пути солнце находится так далеко, что темно даже днём, а через семь дней, свет в принципе перестанет достигать тех земель. И, соответственно, с каждым днём становится всё холоднее.

– Весёлого мало, что думаешь, Коннор?

– Думаю, что, если понадобится, буду идти на ощупь, – пробубнил я злобно ковыряя картошку.

Остаток обеда, Эмма рассказывала про события что с нами приключились за время нашего путешествия. Про тюрьму, освобождение города, и шахтеров-похитителей, про медведя и стражников.

– Точно, стражники, – выкрикнула Эмма, – они здесь были?

– Были, – ответил Стивен, – два дня назад. Мы не хотели их пропускать...

– Но нам не сильно хотелось, чтобы они открыли пальбу сверху, – продолжила Лидия, – в итоге мы их пропустили, с условием что оружие будет разряжено и под наблюдением наших людей.

– Сколько их было, – спросил я, заинтересовавшись разговором.

– Трое. Мы их накормили, дали немного припасов, воды, и они ушли. – закончил Стивен.

Остаток обеда прошел за рассуждениями о том, что будет с этими стражниками, и вернутся ли они сюда в случае провала своей миссии. Все разошлись, мы с Эммой отправились в выделенный нам домик, и вновь упали на кровать, свесив ноги.

– Прочитаешь дедушкин дневник?

– Надо бы, но...

– Не хочешь с ним попрощаться?

– Я понимал, что он давно умер, был почти убежден в этом, но теперь я знаю это наверняка, и знаю, что перед смер-

тью он так и не добился цели.

– Зато он, как и ты, нашёл место, где когда-то его дедушка ушёл на покой. Как замкнутый круг: внук идет на поиски деда.

– На мне этот круг прервется. Не успел я внуком обзавестись.

— Наконец-то ты улыбнулся. – Эмма ткнула в меня локтем.

Я поднял блокнот на вытянутых руках. Посмотрел на него, и сел на край кровати.

– Мне оставить тебя?

– Нет. Остайся. – попросил я Эмму. После чего открыл блокнот и начал читать вслух.

"Было сложно уходить. Алан уже взрослый мужчина, как же быстро растут дети, отец ему больше не нужен. А Коннор, как подумую, что не увижу его уже, не увижу слёз расставания на его глазах.... И коллекция знаний, что я собирал все эти годы – всё пришлось оставить. Я ушёл, ушёл не оглядываясь. Если кто-нибудь решит пойти по моему пути, я оставил книжку с подсказками.

Запреты на пересечение границы? Ну конечно. Вот уж что меня никогда не останавливало, так это запреты. Как бы я не относился к Ордену, в нём было много моих друзей, пришлось проставиться, конечно. Нет проблем, которые нельзя решить за душевной беседой и стаканом вина. Пройти за ворота-то я прошел, а вот дальше то-как? Кости уже не те,

что раньше, и подниматься на десять километров вверх оказалось той ещё задачей. Особенно делу не помогал рюкзак, по-моему, я в него запихал всё что нужно и не нужно.

Там было очень красиво. В молодости я пересекал "Главный" множество раз, шутка ли, но именно я предложил вбить блоки для упрощенной транспортировки груза, и вот эти блоки уже десять лет не у дел. Тут всегда было красиво, каждый раз как в первый. Море с одной стороны горы с другой, а солнце парит в центре. Красиво, но бессмысленно. Эти слабаки учёные просто взяли и признали провал, мол нет законов, объясняющих парадоксальность нашего существования. Нытики. Не иначе.

Нацарапал свой знак на лестнице, мой способ написать "Здесь был Френсис". Спуск вниз был попроще, так и хотелось порой воспарить как птица и спланировать вниз. Думаю, летательные аппараты скоро изобретут. Эх надо было становиться изобретателем, и не пришлось бы уповать на других. Возвышение толком не изменилось, как минимум с высоты. Только порт расширили, видно, торговля после моего ухода только расцвела.

Оказавшись внизу, я тут же спрятал том "Места под солнцем" под нашим деревом. Годы идут, а воспоминания о жене не увядают, и это дерево только давало повод вспомнить. Я «посадил» книгу, жду, когда вырастет книжное дерево. Лиззи и Ханс как всегда встретили меня с распростертыми объятьями. Виндены постарели, неужели я тоже стар? Они за-

явили мне что – да. Ханс, старый пёс все ещё в моря ходит, значит порох ещё есть.

В порту у меня даже документы не спросили, вот это он стал крутой шишкой, что провести кого угодно может. Как в старые добрые времена – я с другом на морских просторах, только в этот раз не в погоне за прибылью. Кофе на навигационном мостике, и приятная беседа, вот так друзья провожают в путь. Оставил солнце позади и устремился вперед.

А вот Навиас изменился, на моей памяти тут от силы было домов двадцать, и вот уже полноценный городок. Хотя, чего я ожидал после десяти лет отсутствия. Хельга больше не начальник порта, вместо неё какой-то толстяк, Ханс говорит, что она на пенсии, ну не всем же по нраву работать до глубокой старости. Вот она моя пенсия – путешествие. Красивый городок, и люди в нём хорошие. Врезается там в меня мальчонка, почудилось что Коннор, по возрасту схожи. За сестрой гнался и как вписался в меня, извиняться не стал. Начал он было меня обвинять что это я на пути возник внезапно, а ему сестра как даст оплеуху, и давай передо мной извиняться за него. Хорошие ребята, подружить бы их с внуком, а то он одиночка у меня.

Не знаю, что это если не удача, меня согласились подвести до Орвеста, на грузовой повозке. Было любопытно, все-таки там еще не бывал. Смотреть с этой стороны на горы, на которых мы много раз были с сыном и внуком, было забавно. Интересно понадобятся ли Коннору навыки охотника,

думаю нет. Хотя откуда мне знать, главное, чтобы он умел, а использовать эти знания или нет решать только ему. Повозка была хоть и не барского уровня, но до места довезла. С меня даже денег не взяли, вот это сервис.

Орвест оказался меньше, чем я думал, может, втрое больше, чем Навиас десятью годами ранее, а сейчас ну может вдвое его меньше. Там добывали уголь и руду, прямо у подножья столпа. Мне сказали, что у них лучшие шахтеры и лучшая руда. Правда это или нет, что ещё могли сказать местные жители? Решил не задерживаться, все равно я там никого не знал.

Впервые за долгие голы увидел три столпа, издалека они казались загадочнее чем должны были быть. Это же просто столпы, что стоят рядом. Весь день шёл, и будто на сантиметр не сдвинулся, благо припасов было много, но и отсиживаться не хотелось. Палатка, конечно, давила весом на поясницу, но все же она была необходима. Зашёл в небольшой лесок, разжёл костёр и тогда мне пришло осознание, как всё-таки не хватает компании. Что за лагерь, где у костра не травят страшилки? А я их много знаю. Вернее, знал.

Вот и навыки охотника пригодились. Не зря ружье с собой взял, быть на озере и не подстрелить утку? Вот еще. Рюкзак был и без того тяжелый, а я еще тушку сбоку повесил. Позже пригодилось. На три раза хватило, вкусная была, только надо было соль с собой взять. Рыбу ловить было нечем, но я и без неё обошёлся. Весь следующий день – холм на холме. Мои

колени не были к такому готовы. Выделил себе пару часов на отдых и продолжил, кто знает, как еще далеко пришлось бы идти.

Все чаще в эти дни вспоминал дедушку. Каким был его путь, по той стороне? Выжил ли он? Хотя ответ я получить не рассчитывал. Увидев пустыню, я обрадовался по одной причине, виднелись основания столпов, наконец-то был виден прогресс. Хотя еще два дня пришлось провести в пути. И все эти дни меня терзали сомнения. Правильно ли я сделал что пошёл по стороне Возвышения? Смог бы я попасть обратно на нужную мне сторону? Чёрт возьми, всё, что у меня было – это смутные намеки в детской книжке. Но поздно было менять решение.

Что же, книга указала путь от столпов к горам. Все ещё оставались сомнения о целесообразности выбора этой стороны, но горы хоть можно было преодолеть пешком, а море переплыть – не вариант. Ноги болели спина затекала. Пришел я к горе, и дал себе передохнуть, полежал возле костерка, подумал о жизни, все-таки она у меня была отличная. Жил я достойно, и семью прекрасную заимел, детей воспитал, был и торговцем, и исследователем, и, в какой-то степени, изобретателем. Насыщенная событиями жизнь.

Монолит, а не гора, таких я раньше не встречал. Несколько часов жизни провёл впустую, пытаюсь найти место где подняться. И как же всё-таки я правильно поступил что решил вернуться на исходную позицию и уйти на поиски в дру-

гую сторону. Пещера может и не выглядела приветливо, но есть сквозняк, значит есть выход. Наделал факелов и отправился в путь. И знак свой при входе нарисовать не забыл.

Не мог же я просто продолжать идти как ни в чем ни бывало, когда на меня несся огромный медведь. Да моя голова разом могла поместиться в его пасти. Вот я и выстрелил. Дважды. Вроде бы и жизнь себе спас, а на душе паршиво. Я ворвался к нему домой и убил пока он, по факту, защищал свою территорию. Вернее, я думал, что это, он. Видимо, это была самка, и медвежонок, которого я заметил позже был её. На душе стало ещё хуже. Выживет ли этот медвежонок? Думаю, теперь он с детства людей возненавидит.

Наконец я вышел на другую сторону. И как она меня поприветствовала? Дождём. Пока ставил палатку весь промок. Дурак заботился о книге больше чем о себе, лишь бы её не промочить. И как на зло в книге говорилось, что пресловутая "Лестница" будет видна только в ясный день. А дождь все продолжал лить. Надо идти сидеть дни напролет в палатке – не лучший вариант.

Три дня уже солнце не выходило, а я начал кашлять. Приплыли. В моменты, когда не было дождя, я шёл к ближайшему столпу. Хоть немного сухие ветки складывал в рюкзак, чтобы они ещё больше подсыхали, за все эти дни лишь раз смог развести костер. Погрелся. В реке что была рядом, поймал пару рыбин используя рубашку как сетку. Поджарил съел и вновь дождь полил. Кашель усиливался. Но на пятый

день все же случилось чудо. Тучи рассеялись, и я увидел его, город в облаках.

Пока я шел к столпу я задумался о том, что солнце не могло так согреть находясь далеко. Если в Новом Начале и Возвышении, которые находились прямо под солнцем, было градусов тридцать, то как на большом расстоянии здесь могла быть такая температура, по моим ощущениям градусов двадцать. Еще один вопрос без ответа. Вопрос о несоответствии законов.

Помимо кашля появилась еще и слабость. Но я должен был дойти до верху. Там же была деревня. Я должен был её увидеть. Все шёл и шёл, ноги подкашивались. Рюкзак давил на спину словно был из железа. Добраться за день не смог, идти ночью сил не было. Озноб не давал нормально уснуть, и все же на несколько часов я отключился. Утром стало еще хуже, думал вообще начать ползти, и все же я набрался сил.

Я поверить не мог, деревня с озером в центре – прямо в центре столпа! Спрятанное в небесах поселение. Когда меня увидели, все так засуетились, а когда я написал на бумажке из цилиндра своё имя, так вообще все столпились у лестницы и стали смотреть на меня. Лестницу мне скинули, рюкзак перетянули, а вот сил, на преодоление такой высоты, не дали. Я цеплялся за каждую ступеньку так сильно, как только мог. Триста метров, это очень много даже для здорового человека, но я все же сделал это, и под восторженные взгляды столпившихся, упал в обморок.

Когда я увидел лицо деда на портрете, я потерял дар речи. Я то по сути его только по портретным изображениям и помнил. И вот он смотрел на меня со стены деревянного домика что располагался высоко над землей. Обо мне хорошо заботились, откормили отпоили, согрели, первые два дня я не вылезал с кровати, не смотря на навязчивое желание пойти и осмотреться. Мне рассказали историю этого места. Дедушка был не промах, но что получается он так и не дошел до искомого места. А есть ли оно вообще?

Шел четвертый день, а мне становилось только хуже. Я стал понимать, что дело идет к завершению. Поначалу было грустно, но я понял, что это, наверное, лучшее место в мире для того чтобы уйти на покой. Я стал через слабость выходить из дому, я хотел впитать как можно больше впечатлений. Виды здесь невероятные. Я ходил по улицам едва волоча ноги и разговаривал с жителями, они мне выказывали столько уважения что я стал сомневаться, что его заслужил.

"Каждый день проживай, как последний", слышал я когда-то. А что если он и правда последний? Я пообщался с людьми, рассказывал детворе историю своей жизни, о том, какие у меня замечательные сын и внук, какой была наша с женой первая встреча, и как я с ней прощался навсегда. Рассказывал о наполненной путешествиями и приключениями молодости. Послушал их истории, про то как им здесь живется, они прекрасные люди. Меня накормили, я выпил с мужиками, не знаю, что это было, но моему вину и в под-

метки не годилось. Посидел во дворе, посмотрел на то, как солнце, заливающее всё светом, тускнеет, и понял, что мне нужно сделать кое-что ещё.

И вот я пишу эти слова в надежде что вы их читаете, Коннор, Алан, я прожил прекрасную жизнь, и жалею я лишь о том, что не набрался храбрости правильно с вами проститься. Я так и не узнал есть ли там что-то, а может, это и не важно. Я был дураком, взваливая на свои плечи миссию по поиску, сам не знаю чего. Но я нашел это место, это прекрасное место, что существует вне времени, вне политики, вне остального мира. Ведет ли книга куда-то мне уже не узнать. Может вы сможете, но я бы предпочел, чтобы вы забыли про всё это, и просто наслаждались своей жизнью, как делал я. Сын, внук, прошу лишь об одном, не нужно искать смысл в моей смерти, и продолжать путь по книге в память обо мне, я глупый простудившийся старикашка, пусть так и будет. Но если вы сами захотите узнать куда она ведет, то я вас остановить не смогу, лишь попрошу быть осторожными. Не знаю сколько мне осталось, но, пожалуй, эта страница в дневнике станет последней. Я люблю вас. Будьте счастливы."

По моей щеке покатилась слеза, которую я тут же вытер рукавом. Лидия была права, когда просила не делать выводы не прочитав, злость отступила.

– Он был счастлив, – сказал я, – и умер без страхов и сожалений. Его последние дни были счастливыми.

– И ещё, ты выполнил одно его желание.

– Желание? Какое?

– Он написал, что хотел бы познакомиться тебя с нами. – радостно сказала Эмма.

– Так это были вы? – удивленно переспросил я.

– Я помню тот день, мы с Томасом играли в догонялки, и он врезался в мужчину с рюкзаком. Я помню твоего дедушку. Он был тогда очень улыбчивый, и все смотрел по сторонам, разглядывая город. Ты же хотел нас познакомиться, вот пожалуйста.

Мое лицо расплылось в улыбке. И в этот момент я обрел абсолютную ясность, я знал, что нам делать. Я гнался за призраком, и я смог его догнать. Но поймать призрака нельзя. И я отпустил, обретя новую цель. Я был последним в роду Майеров, последним кому были доступны знания моих предков. И я должен был докопаться до правды, не ради них, благодаря им. Я продолжу путь, чего бы мне это не стоило.

– Эмма, – сказал я уверенным тоном, – я пойду до конца. Ты со мной?

– Еще бы, – улыбнулась она, и мы вновь упали на кровать, глядя в потолок. – ты специально сказал это пафосно?

– Ага, – ухмыльнулся я.

Потемнение

Весь следующий час мы обсуждали что нам нужно взять в дорогу, чтобы не повторять ошибки прошлых недель. Нужна была палатка, большие запасы еды, тёплая одежда, список был большой, но сможет ли деревня нам всё это предоставить, было не ясно. Однако мы решили не спешить, и дня два побыть здесь, выспаться, отдохнуть, и подготовиться как следует.

Ближе к вечеру мы снова встретились с Лидией, чтобы обсудить дальнейшие действия. Она очень радостно отнеслась к тому, что мы решили погостить пару дней, но не обошлось и без её попыток отговорить нас от продолжения нашего пути. Говорила об опасностях, подстерегающих нас и о людях что так и не вернулись с подобных вылазок. Но мы были непреклонны, и она это понимала, пообещав снабдить нас всем необходимым.

За ужином мы могли себя не сдерживать, люди, сидящие за столом, уже не были чужаками, а наш аппетит никуда не делся. Мне не верилось, что это был все тот же день что начался он с пробуждения в спальном мешке, лежащим на твёрдой породе столпа. Слишком много событий, и новой информации. Все это нужно было «укомплектовать» в голове. Сидя за столом, мы обсуждали, что нам понадобится в

первую очередь, а Лидия с мужем предлагали свои идеи и замечания, опираясь на опыт подготовки предыдущих исследователей.

После ужина я попросил, чтобы нас с Эммой отвели к месту, где дедушка любовался видом в свой последний вечер. Мы уселись на мягкую траву и смотрели на далекое тускнеющее солнце, заливающее мягким оранжевым светом два параллельных мира. Три столпа что когда-то казались недостижимо далекими, были уже позади и отсюда они выглядели столь же величественно, как и ранее. А разглядеть хоть один из посещённых нами городов было невозможно, слишком уж далеко они были.

– Не могу поверить насколько далеко мы зашли. Я никогда и не задумывалась, что находится за пределами Возвышения и Нового Начала. И вот мы так далеко от них, что их даже нельзя увидеть. Жаль Томас до этого не дожил.

– Думаю, ему бы понравилось.

– Спасибо, что взял меня с собой.

– Погоди, я думал, у меня не было выбора.

– Да иди ты, – Эмма пнула меня локтем по ребрам.

– Я рад, что ты пошла со мной. Ты была права, один бы я не справился.

– Думаешь у нас получится? – спросила Эмма после небольшой паузы.

– Дойти до конца? – я задумался буквально на мгновение и ответил, – Не знаю почему, но я верю, что всё получится.

Этой ночью мы спали до победного, словно наверстывая все недосыпы за последние недели. Мы легли рано и проснулись за час до полудня, умастившись на одной кровати. Эмма проснулась чуть раньше и растолкала меня, как только поняла, что мы проспали больше двенадцати часов. Повалившись еще немного мы встали и вышли на улицу где люди оживленно ходили каждый по своим делам. А мы направились к озеру, где стояли общие умывальники. Мы умылись, взбодрились, и отправились к Лидии.

В её доме перед нами открылась приятная картина. В гостиной на столе, на полу, на стульях были разложены вещи предназначавшиеся для нашего похода. Засушенные фрукты и овощи, небольшая кастрюлька для кипячения воды, несколько факелов, что выгодно отличались от наших самоделок, овечьи шкуры, по-видимому для утепления спальных мешков. И рядом со всем этим носилась Лидия с несколькими, решившими помочь горожанам. Мы можем как-то помочь? – спросила Эмма, осматривая каждого в комнате.

– Что вы, дети, отдыхайте, наслаждайтесь нашим прекрасным городом, мы сейчас лишь ищем всё необходимое.

– Но мы же можем поучаствовать? Хоть как-нибудь? – спросил я.

– Нам неудобно, что вы ради нас так стараетесь, – добавила Эмма.

– Иначе и быть не может. – сказал Стивен, – вы же наши гости.

– Нашел, – радостно закричал вошедший в комнату муж Лидии, Фабио.

В руках он держал рюкзак по размеру вдвое больше моего, с привязанной снизу закрученной палаткой. Не нужно было пояснений, это был дедушкин походный набор. Последний раз я видел эту палатку, когда мы втроем с отцом и дедом были в горах. Увидев моё выражение лица, Лидия кивнула своему мужу, и тот протянул мне находку. Открыв рюкзак, я обнаружил дедушкино тёплое пальто, и тут же понял насколько лучше он был подготовлен к дальним странствиям.

– Коннор, думаю его пальто будет тебе впору. – сказала Лидия, глядя на меня, – Эмма, а тебе я подготовила своё пальто. Что когда-то сделала моя мама.

Она протянула Эмме, сшитое из меховых шкур, пальто – по виду оно было даже теплее, чем дедушкино, сделанное в городе. Эмма поблагодарила Лидию и примеряла одежду, ей было впору, и по комментариям стало ясно что ей было удобно и тепло. Я продолжил смотреть, что еще было в рюкзаке. Помимо фляги, запасной одежды и некоторых инструментов, там лежал его экземпляр книги.

Открыв её, я обнаружил, что она была исписана его заметками вдоль и поперек, их было даже больше, чем в отнятом у меня экземпляре. Пролистав страницы, я дошёл до места, где мы остановились. Это была глава, что следовала за "Лестницей в небо". На полях было написано много рассуждений на тему того, куда ведет глава "К солнцу". Она явля-

лась предпоследней при привычном, уже обратном, прочтении. А последняя глава носила название "Из темноты".

– Думаю, эта книжка нам будет полезнее нашей. – сказал я, глядя на Эмму.

Мы продолжили осматривать все, что приносили в дом. Было то, что казалось нам бесполезным, и то, что было необходимо, как ни крути. Мы с Эммой принесли свои рюкзаки и полностью их опустошили, чтобы перебрать все, что было внутри. Я отложил свою сумку в сторону, понимая, что весь дальнейший путь я проведу с дедушкиным рюкзаком, более подходящим для походов. В определенный момент, дом Лидии был похож на рынок подержанных товаров – на все случаи жизни.

– Нужно проверить палатку, – резонно предложил Фабио.

Вспоминая то, как дедушка её устанавливал, я разложил палатку на полу. Развернув каждую из сторон, я обнаружил разорванный участок, что был в верхней части палатки. Лидия тут же попросила Стивена отнести её местной швее. После чего мы все прервались на обед. Утро оказалось очень насыщенным и многообещающим, я в очередной раз убедился, что без этих людей наш путь бы не смог закончиться ничем хорошим. Но со всеми этими вещами у нас были все шансы добраться до конечной цели.

Перед тем как вернуться к сборам, я позвал Эмму пройтись. Держа дедушкин экземпляр книги в руке, я шёл к скале, на которой была закреплена лестница. Сбоку от этой ска-

лы открывался вид на обратную от солнца сторону, тень, которую отбрасывал столп, спустя многие километры растворялась в темноте. Чем дальше от столпа, тем скуднее была растительность, не так далеко находились совсем уж бесплодные земли, пустынные, усеянные скалистыми образованиями, изредка прерываемые речкой, что извивалась от моря под столпом – вплоть до самой темноты.

– Смотри, – сказал я указывая пальцем вниз, – нам нужно будет двигаться вдоль тени, так написано у дедушки в заметках. Но тень быстро рассеивается из-за малого количества света, поэтому, – я достал компас из кармана, и указал на стрелку, – запомни, солнце должно быть на этой отметке.

– Поняла, – кивнула головой Эмма, и спросила, – ты уже думал, как мы будем идти, когда будет совсем темно? Как я видела, нам подготовили несколько факелов, но достаточно ли их? Может попросить людей сделать ещё парочку?

– Я тоже так думал, – наглеть не хотелось, но и выбора особенного не было. Однако, я думаю, что по пути, как бы ни было тяжело, мы будем собирать всё что поддается горению, и брать с собой, в бесплодных землях о хворосте придется забыть.

– Чую, спинам нашим несдобровать, – прокомментировала Эмма, – знаешь, я тоже верю, что у нас всё получится.

Постояв там ещё немного, мы вернулись в дом к Лидии. Высказали обеспокоенность по поводу факелов, и обсудили что нам может понадобится на тёмной территории. Еще

несколько часов мы всё обдумывали и писали списки необходимого. Ближе к вечеру всё уже лежало наготове, и оставалось только укомплектовать, что оказалось не простой затеей.

От чего-то в процессе складывания пришлось отказываться, из-за нехватки места. Хоть дедушкин рюкзак и был больше моего, но довольно быстро он оказался заполненным под завязку. Но всё же к концу дня всё было готово, хоть сразу вешай на спину и уходи. Еды при правильном употреблении должно было хватить недели на три, но о возможности наестся, можно было сразу забыть. А воду мы сможем пополнять в ручье, который мы видели ранее.

После ужина мы могли полностью расслабиться – всё было готово, а впереди оставался еще один день на отдых и обдумывание грядущего пути. Мы с Эммой сидели возле озера и наслаждались легким вечерним ветерком. К нам подбежала местная детвора – целая толпа мальчишек и девчонок, которым, по-хорошему, пора было ложиться спать.

– Коннор и Эмма, – сказал вышедший вперед сын Лидии, – мама сказала, что если мы вас хорошо попросим, вы нам расскажите о ваших приключениях.

– Пожалуйста расскажите, – подхватили другие дети.

Мы с Эммой засмеялись от столь неожиданного поворота. Дети смотрели на нас, как на авантюристов, что смотрят в лицо смерти, сражаются с судьбой и никогда не оборачиваются. Это было довольно лестно, и мы не нашли причин

отказываться. Дети присели на траву полукругом и с восхищением смотрели на нас. Они просили рассказать про свои жизни до путешествия, рассказать про города из которых мы родом и про то какая там жизнь. Их глаза горели любознательностью. И наши рассказы были словно пища для этих маленьких любопытных «монстриков».

Спустя час, родители что тайком наблюдавшие за нашими посиделками, похоже тоже хотели послушать, погнали детей спать. А мы с Эммой, переполненные положительными эмоциями, захотели пройтись. Сделав круг вдоль забора, мы обошли всю территорию поселения, обсуждая минувшие дни, мы вернулись к себе. Впереди нас ждал последний день спокойной тихой жизни.

Весь последующий день мы пытались максимально отвлечься от предстоящего, и насколько это было возможно, отдохнуть и повеселиться. Мы снова выпались, сходили в баню, в этот раз мы там были не одни. Как выяснилось купальни готовили раз в неделю, в день что был обозначен как день чистоты, когда все жители по очереди ходят мыться группами по пять-шесть человек, в тот раз для нас сделали исключение.

На обед столы ломились от еды, так что нам пришлось упрашивать Лидию, чтобы жители прекратили тратить на нас свои запасы, на что она махнула рукой, заявив, что гости у них не каждый день. Позже мы несколько часов просто лежали на траве у дерева, Эмма сделала пару зарисовок мест-

ных видов, после чего стала требовать, чтобы я тоже что-нибудь нарисовал. На моем рисунке Эмма сидела на фоне деревни, которая прерывалась забором, за ним были бесконечные просторы.

Вечером устроили танцы, вот чего не ожидал. Люди собрались возле озера, окружив площадь, отведенную под гулянья, факелами. Один играл на подобии лютни, другой отбивал ритм на барабане, обтянутом кожей, а кто-то играл на умело вырезанных из дерева дудочках. Все поселение собралось в одном месте, каждый принес что-то на стол, и без того ломившийся от угощения. Люди пели и танцевали, дети играли и плясали, а мы с Эммой смотрели на это, и улыбки сами невольно появлялись на наших лицах.

– Молодежь, ну что вы стоите? – спросила Лидия, взяла мою руку и вложила в нее ладонь Эммы, подтолкнула нас, отправив в сторону танцпола, – а ну идите танцевать!

Музыка была веселой, энергичной и жизнерадостной. Мы оказались в окружении пляшущих людей, и у нас не было выбора – кроме, как стать частью танцующей толпы. Державшись за руки, мы просто поддались музыке, ноги отбивали в такт барабанам, а тела перемещались, мимо других танцующих, ведомые ритмом мелодии. То нас хватали за руки образуя хоровод, то отпускали, хлопая в ладоши отбивая такт для пляски поодиночке. Вперед, назад, перекрутились, подняли руки, похлопали в такт, и так – мелодия за мелодией, песня за песней...

Спустя минут двадцать мы вырвались из толпы, и одержимые хохотом прибились к столу, в поисках напитков. Так весело нам не было ни разу с момента начала нашего пути. Сердца колотились, как сумасшедшие, а лбы покрылись испариной. Выпив фруктовой настойки, мы уселись возле стола, и принялись обсуждать кто кому чаще на ноги наступал. К нам подбежал один из местной детворы и позвал Эмму, едва успевшую отдышаться, на танец. Эмма посмотрела на меня, я кивнул, и она ушла с юным кавалером.

– Уводят у тебя пару, – сказал сидящий неподалеку Стивен, – смотри не упусти красавицу.

– Ни за что, – сказал я, глядя как она танцует. Праздник продолжался до поздней ночи.

Наступило утро следующего дня, в этот раз мы встали раньше чтобы не тратить ограниченное время светового дня, впустую. Пора было уходить. В этот раз мы не испытывали грусти или сожаления, пусть мы и привязались к новым знакомым, но они нас так проводили устроив целый праздник, что мы были полны решимости и энтузиазма отправиться в путь, были отдохнувшими и полными сил. Я водрузил тяжелый дедовский рюкзак на спину, Эмма встала рядом, и мы вышли из дома.

На улице стояли жители, желающие проводить нас в путь. Собралась, по-видимому, вся деревня. Мы все вместе отправились к тропинке, что вела вниз. Стивен решил отправить-

ся с нами до подножья столпа, чтобы сопроводить нас и заодно проведать угоды что были внизу. Мы подошли к небольшим деревянным дверцам, и пока Стивен их открывал, начали со всеми прощаться. Столько объятий за один раз я в жизни не получал. Все кричали, перебивая друг друга, пожелания удачи. Лидия всплакнула, а дети, как заведенные, просили нас возвращаться скорее.

– Лидия, – сказал я, – если мы не вернёмся, не стоит переживать, и посылать кого-то за нами, воспринимайте это как знак того, что мы нашли то, что искали.

– Поэтому, – добавила Эмма, – это прощание.

– Берегите себя, дети, – срывающимся голосом сказала Лидия. – Если сможете хоть знак какой подайте, что вы живы.

– Не думаю, что это будет в наших силах, – засмеялся я, – но как знать.

Она еще раз нас обняла и под радостные крики толпы мы начали спуск. Мы шли по такой же, как и с другой стороны идеально высеченной дорожке. Спуск вниз был в разы проще и быстрее подъёма, и за несколько часов мы преодолели треть всего пути. Сумки на наших спинах были тяжелее, чем когда-либо, и вскоре моя поясница начала ныть. Во время привалов Стивен доставал еду, что взял с собой, чтобы мы не тратили припасы, которые пригодятся нам позже. Привалы были не долгими, но достаточными для отдыха.

Пока мы шли вниз Стивен развлекал нас историями из

жизни, и тем как они начали возделывать землю внизу столпа. Чем ниже мы спускались, тем чётче были видны масштабы тех угодий. Море было всё ближе, а облака, что плыли над ним, порой окутывали нас непроглядным туманом. Но достаточно скоро они остались позади, виток за витком мы спускались все ниже и ниже. И спустя ещё два привала мы уже были внизу. Всего путь у нас занял третью часть дня, и до вечера нам оставалось еще достаточно времени, чтобы преодолеть хоть небольшую часть пути.

– Коннор, – радостно завопила Эмма, – мы на другой стороне, внизу, смотри, горы с той пещерой, теперь вон там далеко в небе, а мы здесь.

– Первый раз всегда так, – улыбаясь казал Стивен, – у всех детский восторг.

Он провёл нам небольшую экскурсию по плантации фруктовых деревьев, на краю которой стояло несколько выстроенных из дерева складов для хранения. Мы сорвали по паре зеленых яблок, и сняв рюкзаки устроили себе последний привал. Он не был долгим. Как только мы поняли, что готовы идти, мы попрощались со Стивеном. Он долго не отпускал мою руку, желая удачи.

Наш путь начался. Из деревни мы видели часть предстоящего маршрута, и знали, что первые несколько дней мы могли не переживать о наличии дров для костра и подходящего места для ночлега. Много часов мы двигались вдоль тени стопа, изредка поглядывая наверх, в сторону деревни. Шаг

за шагом мы преодолевали расстояние в направлении неизвестного. Пока не наступила ночь, к которой мы заранее приготовились, попутно собирая подходящие для костра ветки. Под мерцанием огня я разложил палатку, и мы заночевали.

После нескольких ночей на нормальной кровати, возвращаться к ночёвке на земле было не очень приятно. Радовалось то, что мешки утеплили овечьими шкурами, из-за чего нам было куда более тепло и уютно, чем раньше. Собрав палатку, мы впервые надели пальто и продолжили путь. Зная, что впереди нас ждут бесплодные земли, мы начали заранее готовиться. Достав небольшой мешок из рюкзака, мы стали собирать в него самые пригодные для костра палки и ветки. Чтобы не перегружать себя, мы заполнили мешок лишь наполовину.

– Как ты думаешь, где сейчас те стражники? – спросила Эмма, – мы дали им неплохую фору задержавшись в деревне.

– Это бег не на скорость, а на дистанцию, поэтому пусть будут впереди. Но, думаю, они уже близки к темной территории.

– Скоро и мы там будем, – мешок конечно неудобный, но лучше нам постараться пронести его как можно дальше.

Весь этот день мы шли по старому графику: три-четыре перерыва и ограниченный рацион питания. Из-за тяжелых сумок мы, порой, шли медленнее, и чаще делали небольшие паузы для передышки. Становилось все прохладнее, но пальто справлялись со своей задачей. Спустя два дня мы добра-

лись до ручья, извивающегося вдоль тени столпа – то пересекая её, то уходя в даль. Мы смогли пополнить запасы воды, и даже, разбив лагерь, сварили немного сухофруктов в кастрюльке.

Три дня непрерывной ходьбы дали о себе знать, от накопившейся усталости мы начали чуть дольше спать. Но вскакивая на ноги – тут же продолжали движение. Деревьев уже почти не оставалось, а земля стала твёрдой и безжизненной. Лишь ручей сопровождал нас своим журчанием. Темнело. На четвертый день тень от столпа стала совсем неразличимой, и мы стали чаще сверяться с компасом, световой день становился короче но тратить факелы и хворост мы не могли.

Мы шли по неровным скалистым образованиям, что торчали из земли, за счет чего наш темп сильно упал. В определенный момент мы будто карабкались по горам, перебираясь с камня на камень. Мешок с древесиной я привязал к рюкзаку, чтобы руки были свободными для подъёма на неровную поверхность. Справа от нас продолжал бежать ручей, а света было всё меньше. К счастью, такой ландшафт не длился бы вечно, и уже ближе к вечеру мы, взобравшись на возвышенность, увидели, что спустя пару километров земля была намного ровнее.

В определенный момент мы подошли к скале, блокировавшей нам путь напрямик, оставляя выбор либо обойти её слева, что заняло бы много часов, заставив нас карабкаться

в потемках, или проползти по узкому и довольно опасному склону, нависающему над ручьем. Зная, что в скалолазании ночью мы будем не более эффективны чем слепые котята, мы решили выбрать короткий путь несмотря на опасность падения в ледяную воду.

Скала обрывавшаяся со стороны реки имела небольшой порог, в метрах трёх от воды, по которому можно было пройти. Однако, идти вдоль порога с рюкзаками было не сильно разумно. Я снял свой и достал веревку, что лежала на дне, она была двадцатиметровой и для моего плана должна была подойти. Я отмерил половину длины и привязал наши рюкзаки к её центру. Следом я обмотал один конец вокруг своей поясницы, а второй прицепил к наиболее выпирающему куску скалы.

– Эмма, я иду первым, когда буду на той стороне, освободишь верёвку от камня, не отпуская её, чтобы была слабина, затем я перетащу рюкзаки. Потом обвяжешь верёвкой себя и полезешь следом. Поняла?

– При такой длине веревки, если ты упадешь, то она тебя не удержит.

– Зато удержит рюкзаки.

– Ага, – фыркнула Эмма, – а другой план есть?

– Пойти в обход и заночевать на камнях, – ответил я с сарказмом.

Она злобно на меня посмотрела и ответила на выдохе:

– Ладно. Только прошу будь осторожен.

Я кивнул и начал осторожно наступать на, выпирающую из скалы, импровизированную тропинку. Я пятился боком – лицом к каменистой породе. Словно канатоходец, я шаг за шагом продвигался к скрытой от нас стороне. Спустя буквально минуту я уже был на месте.

– Эмма, – крикнул я, – тут всего метров пять идти. Отвязывай.

– Поняла, – громко ответила она.

Хорошо упершись ногами, я стал тянуть.

– Придерживай веревку чтобы сумки не свалились, – распорядился я.

Рюкзаки оказались тяжелее, чем мне казалось, но сделав над собой усилие, я перетянул их на свою сторону. Отвязав веревку, я крикнул Эмме, что она может идти, а сам стал у края, наблюдая за тем как она лезет. С каждым её шагом я выбирал слабинку. И когда до края ей оставалось всего два шага она с ужасом посмотрела на ручей.

– Коннор, там чьё-то тело. – сказала она.

Не успел я повернуть голову в сторону куда она смотрела, как раздался треск камня из-под её ног. Эмма оступилась, её нога соскользнула, и она начала падать вниз. Я резким движением успел схватить её за руку, но стал чувствовать, как меня самого тянет вниз. Подтягивая её вверх одной рукой я судорожно пытался за что то схватиться другой. "Держись", – крикнул я пока Эмма хваталась за уступ, на котором я стоял. Когда обе её руки оперлись об уступ, я почувство-

вал, что мои ноги уже полностью соскользнули. И я полетел вниз.

Ручей не был глубоким и при падении он лишь смягчил мой удар о каменистое дно. Я упал спиной полностью погрузившись под воду, она была невероятно холодной. Как только осознал произошедшее, я вынырнул, и через боль в спине и онемевающие конечности, встал на ноги. Воды было по колено. "Коннор", – услышал я голос Эммы что доносился будто из бочки. Голова кружилось, а в ушах звенело. Одежда насквозь пропитанная ледяной водой тяжестью давила на тело.

– Коннор! – снова услышал я, и поднял голову вверх.

На склоне с которого я слетел стояла Эмма. Целая и невредимая, обрадовавшись этому, на мгновение я забыл о боли и холоде. Поднял руку вверх и крикнул:

– Порядок, – тело начала сковывать дрожь.

– Коннор, сможешь забраться? – спросила она держа в руках веревку.

Я посмотрел на свои дрожащие руки и понял, что трёхметровую высоту мне не преодолеть, нужно было искать другой вариант. Осмотревшись я увидел, метрах в пятидесяти вверх по ручью, уступ, на который я с большей вероятностью смог бы забраться. А неподалеку на камнях лежало, явно бездыханное тело, из-за которого Эмма отвлеклась, и соскользнула.

– Туда, – крикнул я показывая на уступ. – по веревке я не

поднимусь, давай туда.

– Хорошо, поторопись, тебе как можно скорее нужно согреться.

Я шёл так быстро, как только мог, течение, холод и промокшее пальто не давали мне разогнаться. Пока я был в воде, у меня была возможность рассмотреть бедолагу, встретившем здесь свою смерть. Я подошел поближе. В его одежде сразу узнавались логотипы и символика стражников из возвышения, сомнений не было, это был один из группы. Дрожащими руками я перевернул его туловище на спину, и увидел в пальто на груди два пулевых отверстия. Я отстегнул пуговицы и увидел у него за пазухой промокший и запачканный кровью экземпляр книжки сказок.

– Быстрее сюда. – крикнула Эмма махая рукой, – оставь его.

Я забрал книжку, запахнул пальто, и побежал к Эмме. Взобравшись на уступ с меня ростом, я тут же очутился в объятьях спутницы.

– Глупая? Промокнешь. – дрожащим голосом сказал я.

– Дурак, – зачем ты меня подхватил, – начала тараторить Эмма, расстегивая пуговицы на моем пальто, – лучше бы я упала. Вот я дура, как так вышло? Быстро раздевайся, и надевай сухие вещи.

Эмма судорожно стала вынимать вещи из рюкзака, который, судя по потертостям, она тащила по земле. Положив одежду и спальные мешки возле меня, она принялась высы-

пать часть дров из мешка. Я же из-за трясущихся онемевших рук, не мог нормально снять рубашку. Увидев это, Эмма подбежала ко мне и стала мне помогать, сняв рубашку она принялась развязывать шнурки моих ботинок. Стащив их и откинув в сторону, она вновь кинулась к рюкзаку, вытащила оттуда полотенце и кинула мне.

– Быстрее вытирайся и надевай сухую одежду, нельзя терять время, я разведу костер.

Спустя пару минут огонь уже горел, но ещё недостаточный чтобы согреться. Я надел сухие вещи и по указке Эммы заполз в спальный мешок что она постелила на свой, чтобы было мягче. Дрожь не унималась. «Съев» примерно половину от всех наших дров, костёр медленно стал разгораться. Эмма помогла мне придвинуться поближе к огню, а сама села позади меня и крепко обняла.

– Так быстрее согреешься.

– Девушка, – дрожащим голосом начал я, – вы что снова ко мне пристаёте?

– Если эта мысль тебя согреет то, да.

– Дни идут, а мы неизменно продолжаем влипнуть в какую-то фигню.

– Надо было идти в обход, – сказала Эмма продолжая обнимать меня со спины.

– Не соглашусь, так бы мы не вернули её, – я кивнул в сторону книжки, что лежала неподалеку.

– На кой она нам сдалась, у нас уже есть, даже две было.

Меня больше интересует почему тот парень был мертв?

– Его подстрелили.

– Но кто здесь мог... Неужели свои же?

– Похоже на то.

– Но зачем?

– Этого мы, думаю, не узнаем.

Когда огонь разгорелся, Эмма взяла штыри от палатки, воткнула их поближе к костру и натянула мокрое пальто между ними. На другие два штыря она нацепила мои ботинки.

– Палатку нам сегодня не разложить. – усмехнулся я, дрожь помалу проходила.

– Мы скрыты от ветра скалами, штыри сейчас нужнее здесь, – сказала Эмма подкинув пару деревяшек в огонь.

– Побереги дрова, они могут нам еще пригодиться.

– Я возьму сколько понадобится. – злобно добавила она.

Стемнело. Все мокрые вещи были разложены вокруг костра, Эмма достала еду из рюкзака, и новь села позади обняв. Меня уже почти не трусило, я вытащил одну руку из спальника и стал есть предложенную мне на колени еду.

– Спасибо тебе, – тихо сказал я.

– Что? Какой спасибо, если бы не ты, я бы сейчас тут костями стучала. Прости что я сорвалась со скалы.

– У нас с тобой командная работа, постоянно друг друга спасаем. Так что никаких "прости", я рад что ты не промокла. – сказал я, и чихнул.

Спустя час, мешок опустел еще на треть, но часть из вещей уже была близка к высыханию. Глаза стали наливаться тяжестью, Эмма забрала свой мешок, примостилась рядом, укрыла нас сверху тканью палатки, и мы уснули.

На утро я почувствовал жар и ломоту в костях, о чем решил не говорить своей няньке, чтобы она не переживала. Пальто и обувь ещё оставались влажными, и если вместо накидки я мог натянуть на себя высохшие вещи вторым слоем, то ботинки у меня были одни. Эмма не переставая спрашивала меня о самочувствии, я отвечал, что все хорошо в надежде, что жар был лишь временным, утренним явлением. Я хотел продолжить путь, отсиживаться и терять время светового дня было роскошью.

Чтобы как-то компенсировать невысохшее пальто, Эмма достала из спальника овечьи шкуры и обмотала вокруг меня – одну на грудь, другую на спину, под рюкзак. Решение оказалось удачным, и я почувствовал, что могу в таком виде продолжить путь. Пусть обувь и была все ещё промокшей, меня это не тревожило.

– Точно всё в порядке? – спросила она, надевая рюкзак на спину.

– Все хорошо, пора выдвигаться.

К счастью, все скалы были уже позади, а впереди нас ждала пустынная земля, где вдалеке можно было увидеть возвышенности, покрытые тонким слоем снега. Пока мы шли моя температура заметно спала, а ломота в костях поутихла. Но

я столкнулся с тем, что скрыть от Эммы было невозможно.
Кашель.

– Ты чего кашляешь? – перепугалась она, – горло болит?
Дай лоб пощупаю.

– Нормально все, – успокаивал её я. – время передохнуть.
Доставай еду.

– Температуры нет, – сказала Эмма, держа ладонь на моём лбу.

Мы присели на свернутые спальные и достали еду из сумки. Мои ноги очень замерзли из-за того, что обувь не полностью высохла, но я пытался не подавать вида. Во время привала мы вновь вспомнили об убитом стражнике, и стали обсуждать возможные причины его смерти, после чего я решил осмотреть уже высохшую книжку, которая была испачкана его кровью. Книжка была деформирована и слегка раздута, многие страницы слиплись, а корешок отклеивался. Я отогнул обложку, и обратил внимание, что в месте, где она стала отклеиваться, были какие-то письмена.

– Эмма, посмотри.

Она села поближе, и я продолжил отклеивать обложку от корешка. Там что-то было напечатано. По-видимому, обложка была проклеена таким образом, что при намокании могла легко отойти, обнажив скрытые записи. Я продолжил тянуть за твердую обложку отделяя ее от остальной книги пока она полностью не отошла. Вся внутренняя сторона двойного переплета обложки была исписана каким-то текстом на неиз-

вестном нам языке и такими же непонятными для нас формулами.

– Что тут написано, и слова разобрать не могу. – сказала Эмма пристально разглядывая надписи.

– Думаю, написано на одном из древних языков. – книга то очень старая.

– Были другие языки?

– Да, я читал об этом, и дедушка мне рассказывал. Есть свидетельства того, что когда первый город только основался, люди говорили на разных языках. Но со временем они пришли к использованию одного унифицированного.

– Не думаю, что у тебя с собой есть словарь чтобы это перевести.

– Да уж, полагаю написано это было не для нас. Плюс формулы все эти, интересно что они значат?

– А вот эти четыре цифры как-то в стороне от всего остального, – она указала пальцем на строку в левом верхнем углу. – может это ключ к расшифровке записей.

– Возможно, но вот о чем я подумал, во всех ли экземплярах есть эти скрытые записи?

– А еще, ты же говорил, что к ним относились очень бережно, даже твой дед об этом писал, не думаю что кто-то её под воду бросал, для проверки на наличие скрытых посланий. Так что есть вероятность что никто не знает об этом. Достань нашу.

Я достал дедушкин, исписанный, экземпляр что был в от-

личном, для столь древней вещи, состоянии, и очень аккуратно подковырнул лист что с внутренней стороны крепился к обложке. Надорвав буквально сантиметр, мы увидели первые цифры той четырехзначной последовательности. Это значило что во всех экземплярах были эти тайные страницы. Но что они значили?

Рассматривая письма еще недолго, мы вернули книжку в рюкзак, и продолжили путь, световой день стал совсем коротким и тусклым, из-за чего мы стали ускорять шаг. К вечеру моя температура вернулась, а кашель усилился, что не на шутку встревожило Эмму. Я все же настоял, чтобы мы не останавливались, пока не станет совсем темно. Как только видимость стала близиться к нулевой, мы разбили лагерь, оставили палатку, и залезли внутрь. В полной темноте я снял с себя ботинки, ноги были ледяные, я тут же залез в спальный мешок. Эмма, убедившись, что мне тепло, на ощупь укрыла меня, уже успевшим высохнуть, пальто, и снова пощупала лоб.

– Зря я тебя послушала, нужно было отсидеться денек.

– Не переживай, – сказал я перебившись на кашель, – меня никогда болезни больше чем на два дня не подкашивали, завтра буду как огурчик.

– Надеюсь не маринованный. – грустно отшутилась Эмма, после чего легла рядом, и мы уснули.

Утром мне было сложно открыть глаза. Меня охватила дрожь, кости словно прокручивались внутри меня, а голова

болела как после удара утюгом. Я надеялся, что Эмма это не заметит, но только открыв глаза, я увидел, как она испуганно смотрит на меня.

– У тебя озноб, ты весь дрожишь.

– Нормально, скоро полегчает, – я попытался привстать и обнаружил что поверх меня лежит не только мое пальто, но и пальто Эммы прикрывают мои ноги, а её спальник подоткнут мне под бок. – И давно ты проснулась?

– Час назад.

– Что, – вскрикнул я, и попытался вылезти, – пора идти.

– Походу ты еще и мозг простудил, – возмутилась она, придерживая меня не давая выползти. – тебе нужно отлежаться. И ты будешь лежать. Пока тебе не станет лучше ты меня понял?

– Слушаюсь, мэм, – сказал я, видя её серьезный настрой, – и сколько мне так лежать?

– Столько сколько понадобится. – злостно выдала она. – ты что забыл, что случилось с твоим дедушкой?

– Ну ты сравнила, ему было под шестьдесят, молодой организм то всяко будет более стойким.

– Я начинаю пересматривать свое мнение по поводу твоего интеллекта. Когда человек болен, ему нужен покой. Сейчас я пойду разведу костер, чтобы подогреть тебе воды. Не вздумай вставать.

– Не трать дрова, у нас их и так немного... – я осекся, когда поймал строгий взгляд Эммы. Такой я её еще не видел,

неужели я и правда так плохо выглядел?

Эмма вышла из палатки, а продолжил лежать, голова болела уже чуть меньше, дрожь прошла, но сильная слабость еще чувствовалась. В голове прокручивались мысли: "Угораздило же меня. Эмма права, конечно. Но нужно идти. Как же не вовремя. Ладно пару часов отлежусь. Не страшно. Это не гонка на скорость, сам же говорил. Дедушка мы с тобой похожи ещё больше, чем ты думал. Бедная Эмма вынуждена со мной нянчиться. Какая она хорошая. А я идиот. Хотя я же не специально в воду упал. Ну да она же предлагала отсидеться. Все-таки идиот. Сколько нам еще идти? Пять дней мы уже идём. Главное не отсиживаться долго. Еды на две недели осталось. Сухофрукты. Ох сейчас бы компот из сухофруктов. Эмма же воду кипятит. Можно сказать ей. Погоди. Это же её пальто. Ей же холодно. Надо вынести. Она же просила не вылезать. Это всего на минуту. Вот я дубина. А она хорошая." Преодолевая слабость, я вылез из мешка. Взял её пальто и, покачиваясь, вылез из палатки.

– Эмма, – сказал я, голова закружилась.

– Почему ты вылез, – крикнула она, и вскочила с места, где распалила костер. – быстро вернись.

– Я тебе пальто... Ты это... Можешь фрукты в воду... – голова кружилась все сильнее, а в глазах начало темнеть, – чтобы компот... Я... А ты хорошая.

Эмма

Когда Коннор упал в обморок и повалился на землю, я на мгновение впала в ступор. Оклемавшись я подбежала к нему, взяла своё пальто что он держал в руках, скрутила и подложила ему под голову. Я потрясла его, но он явно был в полной отключке. Я растерялась. В голову лезло миллион мыслей, а действовать нужно было незамедлительно. Я залезла в палатку и вытащила спальный мешок. Расстелив его на земле, я стала надевать его на лежащего Коннора.

Сначала ноги, потом тело, и, наконец, руки. Когда он полностью оказался в мешке, я стала тащить его в палатку. Он был тяжелее, чем могло показаться. Рывками, шаг за шагом, я затаскивала его внутрь. Когда он наконец лежал на месте, я достала овечьи шкуры, что утепляли мой мешок, своё и его пальто, и слоями укрыла Коннора с ног до головы.

– Какой же ты идиот, – произнесла я склоняясь над ним, – зачем ты встал?

Я положила руку ему на лоб, он горел. Вновь попыталась его разбудить, но он не реагировал. Дыхание было медленным, но стабильным. Я начала вспоминать про его дедушку, и на глаза стали накатывать слезы.

– Нет, – подумала я. – Слезами я бы делу не помогла. Мне не хотелось бросать его одного, но нужно было затушить ко-

стер, сейчас он не смог бы пить, и, следовательно, подогреть воду было не нужно. Я затушила успевшие наполовину сгореть дрова, и забрала свой рюкзак что лежал рядом. Вернув в него флягу с водой, я поняла, что мне нужно делать.

Порывшись в рюкзаке я достала полотенце, сложила несколько раз и откупорив крышку фляги, смочила его. К моему разочарованию вода не была холодной. Нужно было набрать новой, река была в пяти минутах ходьбы, но я боялась и на минуту его оставлять. Вернувшись в палатку с рюкзаком, я положила на лоб Коннора полотенце, и поняла, что уйти все-таки придется.

Взяв с собой лишь флягу, я побежала к ручью, без пальто было достаточно холодно, и стала думать о том, как бы самой не заболеть. «Зачем он меня схватил тогда, лучше бы я свалилась. О себе-то он не думает, может обо мне бы подумал, и мы бы переждали, как я и настаивала. Нет же пошёл с температурой», – думала я. Добежав до ручья, я вылила из фляги остатки и погрузила её под воду, чтобы та наполнилась. Моя рука что держала флягу, быстро стала неметь от холода. Как только ёмкость была наполнена, и я побежала обратно. Попутно успев приметить несколько сухих кустов вдалеке, я решила использовать их для костра.

Повторно смочив полотенце, на этот раз холодной водой, я вернула его на лоб Коннора. Температура всё не спадала, и у меня не было иного выбора как ждать, надеясь на лучшее. Но ничего хорошего так и не произошло. Он лежал без

сознания полдня, я только и делала что меняла полотенца у него на лбу. Снаружи где и без того было плохо освещено, стало стремительно темнеть.

– Знаешь, – начала говорить я протирая лицо Коннора мокрым полотенцем, – я тебе не рассказывала, но тогда в тюрьме, когда тебя только схватили, связали, обливали водой, мне было на это больно смотреть. Увидев тебя, я сразу поняла – то что тебе приписывали, было полным бредом. К тому же тебе очень повезло, что именно мне поручили твой рюкзак осмотреть, прочитав письма я лишь убедилась, что ты хороший человек в непростой ситуации, и мне хотелось помочь тебе. Сразу после допроса, я пошла уговаривать Михаэля сменить кнут на пряник, согласился он не сразу, но я долго и настойчиво объясняла тактику при которой, в случае если ты шпион, тебя можно будет переманить на нашу сторону. Он купился. Михаэль человек неплохой, просто система гнилая. В итоге ты оказался в нужное время в нужном месте. Правда не все получилось удачно, да?

Я подождала пару секунд в надежде что он ответит. Но он молчал. По моей щеке покатилась слеза, которую я быстро вытерла рукавом. Я чувствовала беспомощность, которую нужно было пресечь. Мне нужно было быть сильной, больше никому. Так я и продолжала держать полотенце у него на лбу, пока сон не настиг меня.

Я проснулась, лёжа головой на груди Коннора. Я резко подскочила, в надежде увидеть его глупое, самодовольное

выражение лица, или что он выдаст комментарий о том, что я пристаю к нему. Но он спал. Лоб уже не был таким горячим, как днём ранее, но он всё не реагировал на попытки его разбудить. Аппетита у меня не было, но голоданием я бы точно никому лучше не сделала, и через силу я запихнула в себя пару кусков вяленого мяса.

Поменяв Коннору, компресс, я выползла из палатки. Было раннее утро, но не было ни поющих птиц, ни освежающего бриза – лишь ручей, что шумел вдали, напоминал о себе. "Почему здесь? Почему сейчас?", – на глазах снова стали наворачиваться слёзы, но я тряхнула головой, и вернула мысли в нужное русло. В палатке от меня было мало пользы, и я решила пойти за теми кустами, что видела по пути к ручью.

Волоча за собой мешок, то и дело оборачиваясь на палатку, я проворачивала в голове воспоминания, как мама заботилась обо мне, когда я болела в детстве. Она гладила мой лоб, и пела колыбельные, а я возмущалась, что уже для них взрослая. Время не пощадило эти воспоминания, все колыбельные забылись, а лицо матери было размытым. Мама, папа, Томас, никого не осталось, с тёткой мы так и не смогли нормально сблизиться, лишь Коннор остался в моей жизни. Порой я забывала, что и месяца не прошло с момента нашей встречи, мне казалось, что я знаю его всю жизнь.

Дойдя до кустов, я оборвала ветки и засунула их в мешок. Учитывая какая пустынная была территория, наткнуться на эти кусты было удачей. Хотя в данной ситуации везе-

нием и не пахло. Обратно я возвращалась быстрым темпом, моя фантазия играла со мной злую шутку подкидывая мне мысли о том, что Коннору может стать хуже, а меня рядом не будет. Чем ближе я была к палатке, тем быстрее я бежала. Но когда я попала внутрь – выдохнула – меня встретило всё такое же безмятежное спящее лицо Коннора.

– Я насобираала хвороста, пока ты тут прохлаждаешься, – сказала я присаживаясь рядом.

Я поняла, что пусть пользы от меня было и мало, сидя рядом с ним, я хотя бы могла быть спокойной. Дабы отвлечь себя от скверных мыслей, я стала листать книжку, просматривать тайные надписи на обложке, пытаюсь понять, что они значат, и делала зарисовки в блокнот. Время словно остановилось, что бы я ни делала, я не могла отвлечь себя от мыслей о том, что Коннор может уже не проснуться.

"Просыпайся. Я не могу потерять и тебя, хватит с меня лишений. Просыпайся! В чудеса он не верит, да и я тоже не верю, но сейчас нам бы одно не помешало. Просыпайся! Кто знает сколько нам еще идти, неделю? Две? Просыпайся! Если бы я только могла, затащила бы его на спину и рванула бы в деревню. Ага, как же, пять дней мы сюда шли, обратно не выйдет. Просыпайся! Компот ему сделаю, когда очнется, главное, чтобы очнулся. Прошу, просыпайся!"

– Жизнь штука очень непредсказуемая, – начала говорить я спящему собеседнику, – мы бы могли и не встретиться. Я не говорю о судьбе или проведении, нет, просто стечение об-

стоятельств. Если бы за мной не ухлестывал тот придурок в академии, Томас не попал бы за решетку защищая меня, я не устроилась бы работать в тюрьму. И очень забавно выходит, меня могли назначить в любой другой блок, назначили бы туда где сидел Томас, может вытащила бы его пораньше, и он был бы жив. А ты, так и был бы привязан к стулу. Наверное, я придумала это всё утешая себя, но такое ощущение что все это было не просто так.

Я посмотрела на Коннора и улыбнулась:

– Ты бы сказал заумную вещь, вроде: "Мы постоянно ищем причины происходящего, даже если их нет." Или: «Человек верит в то что ему выгодно». И, наверное, ты бы оказался прав. И все же, случилось всё именно так, и в поиске глобальной причины, я нашла ответ. Это все ради того, чтобы найти ответы. Были бы мы тут при других обстоятельствах? Да ни в жизнь! Мак может это всё не просто так? Только благодаря общим усилиям мы дошли так далеко. – Сделав паузу я закричала, – И я не позволю тебе сломать эту теорию, просто потому что ты решил поспать. Проснись, идиот! Всё это не могло быть просто так, – ты давал мне смысл идти дальше, а теперь хочешь обесценить весь наш путь, и все наши лишения?! – Слезы возникли на моих глазах, и я перешла на шёпот. – Не покидай меня, продолжай наполнять мою жизнь смыслом. Прошу, очнись.

Проплакав пару минут, я вышла из палатки чтобы продышаться, оставив вход открытым, чтобы Коннору поступи-

ло немного прохладного воздуха. Я стала наворачивать круги на месте. Я сорвалась, потеряла самообладание. Забыла про то, что нужно быть сильной. Пройти сотни километров, освободить город от оккупантов, выбраться из плена, пройти сотни километров, сразиться с медведем, казалось пустяком. Сидеть здесь глядя как Коннор уже больше суток не приходит в себя – вот что оказалось действительно непереносимо.

Мы с Томасом естественно страдали, когда только перебрались в Возвышение. Мы голодали и мерзли, и все же у нас была вера в то что это всё делается не просто так. Порой были дни, когда я откровенно сдавалась, и упрашивала брата вернуться домой, на что он отвечал: "Дом там, где кормят", так эта фраза и появилась на свет. Из раза в раз он находил способы нам прокормиться, а иногда нам встречались хорошие люди, которые безвозмездно кормили нас. Мы жили так почти год, и всё же мы добились своего. Я привыкла проходить через трудности на пути к достойной цели. Но здесь я могла лишь ждать, и это меня уничтожало изнутри.

Я в очередной раз осмотрелась вокруг, бесплодные земли, время от времени украшенные столпами, разворачивались на десятки километров вокруг. Я закинула голову вверх, с той стороны всё было ничуть не лучше, и я вспомнила замечательную фразу что хорошо характеризовала это место, "посреди ничего". Лишь по направлению куда мы должны были держать путь были холмы, припорошенные снегом, и те вскоре растворялись в ночи. "Если здесь так темно днём,

то как будет дальше?", – подумала я.

Приближался вечер, – он в этой местности наступал очень рано. Пока еще хоть немного было видно дорогу, я решила снова сходить к ручью, пополнить запас воды. Потрогав уже не столь горячий лоб Коннора, я выползла из палатки. В этот раз я не торопилась, пять или десять минут сильной боли не играло. Дойдя до ручья, я наполнила флягу, и хорошенько умылась, чтобы взбодриться. Обрато я шла все так же неспешно, пока не увидела стоящий возле палатки силуэт.

– Коннор, – радостно крикнула я и побежала что есть сил, – Коннор, ты очнулся...

Передо мной стоял человек в форме стражника Возвышения, с револьвером, направленным на меня. Его лицо было грязным и изможденным, а форма уже давно потеряла свой изначальный вид.

– Вот уж кого не ожидал здесь увидеть, так это тебя, Эмма. – сказал мужчина.

– Гаррет, тебя не узнать, – ответила я.

– И не говори, тяжелый месяц выдался, а ты что тут делаешь? Ты с этим? – он махнул револьвером в сторону палатки.

– Да, когда он сознался в шпионаже, ему предложили либо заключение, либо провести по маршруту книги, что он принес, – на ходу сочиняла я, медленно перемещаясь ближе к входу палатки, – может опустишь оружие?

– И что, тебя послали с ним? Одну? Ты же помощник Михаэля, с чего вдруг тебя так просто отпустили.

– Нас тоже было четверо, двое погибли в пути. Гаррет, прошу опусти ствол.

– Знаешь, что-то не клеится, чтобы Михаэль так просто отпустил врага, – говорил он продолжая угрожать, я уже за-слоняла собой вход в палатку.

– Ты же слышал с какими горящими глазами он хотел узнать куда же ведет эта книга. Чёрт возьми, Гаррет, опусти револьвер, – крикнула я.

– Понимаешь ли, Эмма, у нас был не самый простой путь, наткнуться на вас большая удача, и, знаешь, мне начхать почему, кто и зачем вас сюда послал. Мы заберем вашу еду.

– Что? Ты что такое говоришь?

– Полагаю, вы сюда только пришли, а мы были дальше, там, где вечная тьма, и мы шли и шли. Там ничего нет. Все это огромный обман. Мы стали возвращаться назад, и вот уже четыре дня мы ничего не ели. Поэтому да, мы заберем вашу еду.

– Ты все повторяешь «мы». Но ты здесь один.

– Уверена? – спросил он с ехидной усмешкой. Меня резко схватили со спины и чей то локоть сжимал мою шею, – Думаю Фрэнка ты тоже помнишь.

– Парни, – говорила я, оттягивая тощую руку, душившую меня – забирайте один рюкзак, вам этого хватит, прошу.

– Ты видимо не услышала, мы не ели четверо суток, половину запасов мы съедим за один присест.

– Вы же нас убьете, мы не выживем без еды.

– Такова цена нашего выживания.

– Так вот что случилось с тем, кого вы подстрелили, он был лишним ртом?

– Нашли его тело? Скорее он слишком много говорил, держался за книжку, как за священное писание, и всё что мы делали было не так, мы его терпели пока он не решил уйти от нас, просто бросить нас, вернуться домой забрав книгу.

– И вы его убили. – подытожила я, – Фрэнк, ты тоже хочешь, чтобы мы здесь погибли?

– Прости, Эмма, но мы очень голодны.

– Фрэнк, помоги мне, нам хватит еды, чтобы ты добрался домой, – говорила я, чувствуя как он слегка ослабляет хватку. – неужели ты такой же.

– Моего человека переманить решила, валяй, Фрэнк, я вас обоих убью.

– Эмма, мы можем взять тебя с собой, тот что в палатке как я понимаю, уже все равно не жилец...

– Замолчи, – закричала я, – ты мне никогда не нравился, но сейчас ты перешел уже все границы.

– Ну не знаю, я тебе спастись предлагаю, всё равно там дальше ничего нет, а еды мы тебе бы чутка подкидывали, тебе же всяко меньше нашего нужно. Но если охота сдохнуть, то я просто ускоряю процесс. А теперь позволь нам забрать ваши сумки, и мы уйдем.

– И что, ты просто вернешься как ни в чем не бывало, продолжишь жить и работать зная, что убил столько людей.

– Со своей совестью я как-нибудь разберусь.

– Дело не в совести, а в том, что тебя посадят если узнают что ты сделал.

– Так никто и не узнает. – ехидно продолжал Гаррет.

– Правда? Вот только я знаю Френка, он может и на твоей стороне, но он человек совестливый, и не сможет просто так жить, зная, что ты сделал.

– Что? – завопил Фрэнк, – Нет, я бы никогда тебя не предал, Гаррет.

– Ну конечно, Михаэль так просто возьмет и поверит в ту чушь что вы сочините, вы же помните, что он треть жизни посвятил допросам. Он узнает правду, просто по выражению твоего лица, – обратилась я к сжимающему мою шею.

– Вздор, – крикнул он, на эмоциях ослабляя хватку, – не пори чушь.

Почувствовав, что хватка и без того ослабшего Фрэнка, дала слабинку, я схватила его за запястье, и резким движением перекрутила руку ему за спину, и зажала в захват его шею. Всему этому я многие годы училась в академии, и лишь сейчас мнегодились знания, как выйти из захвата. Хотя я понимала, что ничего бы не вышло, не будь мой противник так истощен многими днями без еды.

– А ты молодец, но поверь, если мне придется стрелять, я попаду.

– Уверен? – злорадно сказала я, прячась за спиной Френка, – вы оба ослабли, твои руки трясутся, не думаю, что ты

попал бы в меня стой я в метре от тебя.

– Испытываешь меня девчонка? – он повысил тон.

– Эмма не делай глупостей, – промямлил Фрэнк. – Гаррет, ты тоже успокойся.

– Замолчи Фрэнк, – крикнул Гаррет, – идиот, позволил бабе себя схватить. Отпусти его, не забывай у кого здесь ствол.

Услышав это, я вспомнила про револьвер, что лежал в рюкзаке Коннора, сейчас добраться до него не было возможности. Фрэнк медленно отпустил мою руку что сжимала его горло и начал тянуться к поясу. Был ли это блеф, или нет? У меня не было свободной руки чтобы проверить есть ли у него оружие на поясе. И я положилась на удачу.

Я быстро отпустила его шею продолжая другой рукой держать выкручивать запястье, и потянулась к его поясу. Там был револьвер. Схватив его я прислонила дуло к виску своего заложника.

– Итак, – сказала я, – теперь мы оба вооружены. Просто уходи, Гаррет, когда ты будешь достаточно далеко я и Фрэнка отпущу.

– Прошу не надо, – испугано пробубнил заложник.

– Я не хочу, чтобы кто-либо пострадал. Уходи, Фрэнк тебя догонит, я дам ему немного припасов, чтобы вы смогли добраться до ближайшего леса, а там уже поймаете кого-то.

– Это так мило с твоей стороны. Но есть одна проблема, ты говоришь, что не хочешь вреда, но я думаю ты не способна его причинить. Поэтому, – Гаррет начал двигаться к нам, –

отдай ствол.

– Не подходи, – я вытянула револьвер перед собой, прицелившись в него.

Френк воспользовался моментом и толкнул меня спиной, отпихнув назад, всё ещё удерживая его запястье, от неожиданности я нажала на курок и выстрелила в сторону. На что тут же среагировал Гаррет, и стрельнул в нашу сторону. На мгновение время остановилось. Я не могла понять, что произошло пока не почувствовала, как у Френка стали подкашиваться ноги. Пока он падал, я увидела, как выражение лица Гаррета менялось со злости на необузданную ярость, и он, сделав шаг вперед, начал нажимать на курок. Но я его опередила.

Мой выстрел пронзил ему грудь, и он уронив свое оружие повалился на землю. Все было кончено. Секундное облегчение от того, что жизни ничего не угрожает, сменилось неистовым ужасом. Я поднялась на ноги и в панике посмотрела на два, лежащих рядом, истекающих кровью тела. "Я только что убила человека". Мое сердце колотилось быстрее чем когда-либо. Я начала задыхаться. Вбежав в палатку, я посмотрела на Коннора, на мгновение мне показалось что он не дышит, но он спал. Делая вдох за вдохом, я ощущала будто мне не хватало кислорода и наконец, я закричала, и упав головой на грудь Коннора, заплакала.

В академии нам рассказывали, что в случае убийства при исполнении, будь то самооборона или защита кого либо, со-

вершивший это отстранялся от службы на некоторое время, и к нему приставлялся психотерапевт. Для того чтобы человек смог смириться с произошедшим, и никак себе не навредил в случае чрезмерного чувства вины. Я все это время думала, что меня это не коснётся.

Пропитав спальный мешок на груди Коннора своими слезами, я немного успокоилась. Довольно быстро ко мне пришло осознание того, что каким бы ужасным не был мой поступок, иначе было нельзя. Я защищала нас, и ситуация была довольно однозначной. Либо я – либо меня. Вытерев лицо, я поднялась на ноги и вышла из палатки. Пусть они и хотели нас убить, но они были людьми, и моими коллегами.

В течении часа я оттянула их тела в сторону ручья, и стала обкладывать их камнями, которых вдоль водного потока было предостаточно. Полностью закрыв их камнями сделав своеобразные погребения, я вернулась к палатке. Возле неё валялся небольшой исхудавший рюкзак который был при них. Я заглянула в него, внутри лежал электрический фонарик, пара батареек, какие-то лохмотья, и разбросанные повсюду патроны для револьвера. Отложив рюкзак в сторону, я вернулась в палатку, и вновь присела рядом с Коннором.

– Я зла на себя, – тихо сказала я, – потому, что зла на тебя. Ты бросаешь меня в такой момент, и все спишь и никак не просыпаешься. Прошу хватит меня испытывать, нам пора идти, идиот. Я...я не чувствую сожаления, и это меня тяготит. Меня же сейчас должно сжирать чувство вины, – слё-

зы вновь потекли по моим щекам, – но я всё сделала верно. Неужели я такой монстр бесчувственный. Скажи хоть что-то, съязви как обычно, вроде, "монстры не ревут", или "монстры обычно не такие милые, когда плачут". Ты мне нужен.

Я продолжала сидеть рядом обняв колени. У меня не было сил ни для того чтобы плакать, ни для того, чтобы быть сильной. Наступил эмоциональный стопор. Я просто сидела, уставившись в пол, пока снаружи не стемнело. Пролетал час за часом, а в голове была лишь мысль: "Очнись". Так я и сидела пока не уснула.

Продрав глаза на рассвете я обнаружила себя в позе зародыша, держащую руку Коннора. Я закрыла глаза и сжала её, после чего его рука сжалась в ответ.

– Эмма?..

Темнота

– ...Я что, заснул? – спросил я лежащую рядом Эмму. – погоди, я же шёл тебе пальто относить.

– Ты... – Эмма подскочила и посмотрела на меня красными от слёз глазами, – ты очнулся. Ты вернулся. – она упала мне в объятия.

– Сколько я спал?

Эмма поведала мне о том, что случилось за два дня что я был без сознания. Я был в ужасе от того, что ей пришлось пережить. С каждым её словом я ненавидел себя все больше. Чувствовал себя ничтожеством из-за того, что оставил её одну. Заставил пережить все это. Думаю, что я не заслуживал всей этой заботы.

– Я виноват перед тобой, – раскаивался я, – прости меня. Мне так жаль, что тебе пришлось все это пережить.

– Ты виноват? Хотя да, ты, – улыбалась она вытирая слезы, – но не ты. Это же я упала с обрыва, если бы ты меня не подхватил, то я бы здесь лежала.

– Сойдемся на том что оба дураки?

– Вот уж нет, все-таки ты сильнее напортачил. – сказала Эмма протягивая мне воды.

До этого момента я не осознавал насколько сильная у меня жажда. Я стал глотать воду с такой жадностью, что фляга

вскоре опустела. Затем меня настиг голод, два дня я спал и мой организм требовал компенсировать это время. Но есть резко и много, было опасно. Эмма вызвалась сварить мне сухофрукты как я хотел ранее, но в этот раз я настоял на обратном. Не хотел, чтобы со мной церемонились, я этого не заслуживал. Перекусив я почувствовал прилив сил, и желание выйти размять кости.

– Значит это произошло здесь? – спросил я глядя на два кровавых пятна.

Эмма кивнула, после чего отвела меня к ручью, где находились погребенные под камнями стражники. Увидев, как Эмма опустила глаза я приобнял её за плечо и сказал, что её поступок был верный, и обвинять себя в произошедшем не стоило.

– Ты точно готова продолжать путь? Мы ещё можем вернуться.

– Издеваешься? Только не после произошедшего.

Мы собрали палатку, укомплектовали рюкзаки и взяли фонарь и патроны, что остались после стражников. Когда всё было готово, мы двинулись вперед, не оборачиваясь. Несмотря на то, что я проспал без малого двое суток, порой я чувствовал слабость, но это никак не влияло на темп нашего шага. Мы потеряли уже достаточно времени, из-за меня, и я не мог позволить своей остаточной, после болезни, слабости брать верх.

Пока мы шли я пытался не замолкать ни на минуту, чтобы

Эмма постоянно была вовлечена в разговор и не могла думать о плохом. Хотя она и говорила, что чувствует себя нормально я понимал, что бесследно такие вещи не проходят, но стоило так же понимать, что у каждого может быть своя реакция. Был ли смысл играть в психолога я не знал, однако все же заметил, что она стала более молчаливой.

Этот день в плане пройденного расстояния нельзя было назвать рекордным, и все же мы очень продвинулись и учитывая довольно ровный ландшафт, с редкими перепадами высот, путь был простой и не трудозатратный. И без того тусклый солнечный свет к вечеру сошёл на нет, и пройдя еще немного вслепую, запомнив маршрут заранее, мы остановились. Включая фонарик не больше, чем на минуты, мы почти наощупь сложили палатку, и улеглись внутри.

– Становится все холоднее, – сказал я залезая в спальник, – так что с завтрашнего дня заворачиваемся во все что есть.

– Хорошо, – сказала Эмма. Не проронив больше ни слова.

– Эй, ты можешь сказать мне все, что тебя тревожит. Прошу не молчи. Это все из за...

– Нет, не из-за них.

– Скажи мне.

– Я думала, что потеряю тебя, с каждым твоим вдохом у меня замирало сердце в ожидании следующего. Я не знала, что бы я делала если бы ты не проснулся. После всего что мы пережили, вот так все могло закончиться. Насколько челове-

ческая жизнь хрупка. Что с Томасом, что сейчас, – всё происходит в мгновение ока. Разве так должно быть? Я устала терять близких, и я не хочу... – её голос дрогнул, – не хочу терять тебя.

– Не потеряешь, – сказал я, – обещаю. И надеюсь ты мне тоже пообещаешь никуда не деться.

– Даже не знаю, – сказала она гнусавым голосом, в котором слышалась улыбка, – я девушка молодая, ветреная, мало ли что со мной случится.

– Даже не знаю – тебя обнять или, наоборот, придавить за эти слова, – разговор ушел в юмор, видимо, ей просто нужно было выговориться, – хотя тебя всё равно не видно, чтобы объятьями одаривать.

– Тут я, – её голос прозвучал у меня возле правого уха.

Эмма легла головой мне на грудь, и я обнял её. Мы продолжали так лежать, пока не уснули. Проснувшись утром, Эмма изменилась, от вчерашней хмурости ничего не осталось. За пределами палатки всё ещё было темно, но нам пора было привыкать двигаться в потёмках. Поев, мы собрались, и вновь двинулись в путь.

С каждым часом становилось все темнее и холоднее, а снег, что раньше лишь изредка встречался на холмах, теперь был повсюду. Единственное, что помогало нам ориентироваться – оставался компас, стрелки которого можно было рассмотреть лишь в свете фонарика, это мы пытались не использовать больше нескольких раз в день. Мы уже не мог-

ли как раньше видеть свой маршрут наперед, теперь впереди была лишь темнота.

В этот день мы могли что-то рассмотреть только в период нескольких часов после полудня, но уже на следующий день темнота была постоянной. Нам пришлось включать фонарь чаще, освещать путь на небольшое расстояние, и убеждаясь, что там нет пропасти или еще чего пострашнее, шли дальше. Закономерно наш шаг стал короче и медленнее, и передвигаться в полной темноте было без сомнения страшно.

Дабы не потеряться мы привязали наши рюкзаки друг к другу так чтобы не отходить больше, чем на два метра. Эта система работала. К вечеру мы решили использовать первый из шести припасенных факелов. Как только тот загорелся, нам стало так спокойно на душе, все-таки провести целый день в крошечной тьме было очень неприятно. Факел горел не меньше часа, в течении этого времени мы перемещались фактически бегом. А лагерь разбивали в свете уже тлеющего огонька.

Единственное, что помогало нам понять день сейчас или ночь, это солнце, превратившееся в белую точку на небе, заметную днём, словно кто-то в нескольких километрах светил фонарём, а ночью пропадавшую вовсе. Но для нас была лишь темнота. Два раза в день мы начали разжигать небольшой костер из имеющегося хвороста, использовать один факел, и пять раз, по несколько минут, использовать фонарик. Вечная темнота угнетала и влияла на настроение негативным обра-

зом. И все же постоянно поддерживая беседу мы не давали друг другу киснуть.

– Всё забывала спросить, – раздавался в темноте голос Эммы, – неужели никто за сотни лет не ходил к, так скажем, краю земли, ну или как назвать то, где мы сейчас находимся.

– Конечно бывали: исследователи, картографы и просто авантюристы первопроходцы что ставили себе цель дойти до края.

– И какой результат?

– В основном, все заканчивалось спустя неделю в тёмной зоне. Я читал, что некоторые натыкались на горы, на которые забраться даже при освещении было бы сложно, а кто-то так и возвращался, ничего не найдя. Тут еще стоит учитывать, что все, кто ставил себе такую цель, выбирали кратчайший путь, то есть, где на пути не было гор и морей. Иначе говоря, наш путь никак не назвать кратчайшим, мы и крюков наделали и горы, и моря, и скалы – чего только не было. А всё потому, что судя по всему, только мои предки, и мы идем по маршруту из книги, и у нас...

– Есть шанс дойти дальше всех.

– Именно так. Не хотелось бы чтобы закончилось все голодной смертью где-то в темной пустоши, где нас никогда даже найти не смогут.

– Умешь ты сказать мотивирующую речь.

– Да, ты права, – я кашлянул прочистив горло и повысив тон заговорил. – Именно на нас пала участь великих иссле-

дователей, волею судьбы оказавшихся на пути храбрых, с целью познать истину, таящуюся во тьме Мироздания. И наша цель, наша судьба, наше предназначение - проделать этот путь и преодолеть его полностью!

– Так намного лучше, только ещё бы бой барабанов на фоне этой пафосной речи.

Мы продолжали идти. Прошёл ещё один день, количество факелов уменьшалось, а хвороста в мешке осталось, в лучшем случае, раза на два. Глаза так сильно привыкли к темноте, что каждый раз, когда мы включали фонарь или поджигали факел, их свет ослеплял нас. За эти дни мы приловчились всё делать наощупь: доставать еду, расстилать спальные мешки, и даже ставить палатку. Провизии хватало еще на неделю, а вот ручей уже полдня, как был позади. Началась экономия воды.

Чем дальше мы шли, тем больше я убеждался что ландшафт вовсе не менялся, мы шли по ровной, порой изгибающейся вверх или вниз, земле. Не было ни скал, ни водоёмов, – ничего. После очередного привала, на котором мы использовали остатки хвороста, Эмма споткнулась обо что-то. Учитывая полное отсутствие света, это было не удивительно, однако, посветив фонариком мы рассмотрели то, во что она врезалась ногой. Это было колесо, что лишь на треть торчало из земли, но оно не выглядело как обычное колесо от повозки. В центре было металлическое основание что насквозь проржавело, а наружная часть была, из ранее нами невидан-

ного, жесткого, но упругого материала.

Мы не знали, что это такое, но понимание того что мы наткнулись на что-то здесь, посреди тьмы и пустоты, нас очень обрадовало. Слегка осмотревшись по сторонам, мы увидели бесформенную кучу ржавого металла, что торчала из земли. Ничего стоящего помимо факта находки мы не нашли. И ринулись дальше.

В течении следующего дня у нас, несмотря на экономию, стала заканчиваться первая фляга с водой. Мы ужесточили правила потребления, чтобы хватило дня на два, а в лучшем случае – три. И все же нас стало пугать то, что путь мог быть еще не близким, а вода была на исходе. При том, что путь назад был настолько далёким, что у нас стал появляться страх того, что все это безрассудство ничем хорошим не кончится.

– Мы знали, что можем не вернуться, но почему я всё равно напугана? – задала Эмма вопрос по большей части себе, – сколько ещё идти, а когда дойдем то что? А вдруг мы просто уткнемся в стену? Или даже так – на стену, на которой будут ответы на все наши вопросы, мы это прочитаем, обрадуемся, что узнали правду и умрем от голода.

– Не паникуй, мы выживем, я обещаю тебе.

– Ты милый, правда, но твои обещания нас не спасут, – мягко сказала она, – ладно, как я и сказала, мы знали на что идём. Если умирать, то во имя цели.

– А теперь ты начала толкать мотивационные речи. Не забывай, что мы обнаружили вчера, это что-то да значит.

Когда мы легли спать меня долго одолевали скверные мысли, и я понимал, что Эмму – тоже. Мы взялись за руки, и молча лежали одолеваемые мыслями пока не уснули. После пробуждения на меня нахлынула грусть, я словно осознал, что это и правда мог быть путь в один конец. Меня вдруг накрыла паника.

– Может вернемся? – предложил я.

– Я понимаю, мне тоже страшно, но не ты ли вчера говорил об уверенности.

– Да, просто... Я знал, что могу умереть, меня это не пугало, но... Я не хочу, чтобы ты... Если ты пойдешь обратно, то тебе должно хватить припасов чтобы дойти до деревни на столпе. Через два дня будешь у ручья и с водой проблем не будет. Вчера ты была права нет никаких гарантий что...

– Тихо, спокойно, я никуда не уйду, слышишь. Мы же пообещали друг другу что никуда не денемся. Я не уйду без тебя, сколько бы ты не просил. Мы завершим наш путь, и если он ничем не закончится, то как минимум мы будем вместе.

– Прости, – я опустил голову, – да ты права, конечно ты права. Я не смогу тебя убедить чтобы ты вернулась?

– Не сможешь.

– Ладно. Все. Я спокоен. Нахлынуло с утра.

– Думаю понятие утра здесь сильно размылось. – бодро сказала Эмма.

– Назовем это утренняя ночь, – ответил я, и мы стали собираться.

Похолодало еще сильнее и в этот день мы решили достать шкуры из спальных мешков и обмотать их у себя под пальто. Так как хвороста больше не было мы стали чаще использовать фонарь, чей свет заметно потускнел, да так что у нас не оставалось иного выбора кроме как использовать последние батарейки. Пройдя еще пару часов мы зажгли факел, и сверились с компасом.

Его стрелка перестала указывать в сторону солнца, она прыгала из стороны в сторону, от чего мы пришли к выводу что даже магнитное поле солнца сюда не доходит. А мы из-за этого не могли быть уверены в своем маршруте, и всё же один ориентир, в виде маленькой сверкающей точки в небе, у нас оставался. Под светом факела мы шли полтора часа так быстро, словно за нами гнались, и когда факел потух, мы что-то увидели.

Вдалеке виднелся какой-то очень тусклый свет, источник которого был явно на поверхности. Сначала я подумал, что свет от факела отпечатался у меня на сетчатке, но после восторженного выкрика Эммы сомнений не оставалось. Там что-то было. Мы отбросили экономию и осторожность, и ускорив темп, рванули к свету, что был по меньшей мере в полудне пути.

– Глазам не верю, там и правда что то есть. – кричала Эмма довольным тоном.

Спустя час мы поняли, что спешка не несет никакой пользы, и сбавили темп. Свет был все таким же далеким, но чуть

более ярким. Мы не знали сколько мы прошли и сколько оставалось, но мы хотели добраться до того места в этот день. И все же несколько раз мы устраивали привалы, чтобы перевести дух и перекусить. Воды оставалось совсем немного, а жажда у нас была такой, что утолить её можно было лишь целой флягой – по одной на каждого.

Когда ноги подкашивались от усталости, а спина не переставая ныла от тяжести рюкзака, мы подобрались очень близко. Свет, что бил в небо, находился за чем-то напоминающим высокое здание, мы были ещё недостаточно близко, чтобы рассмотреть детали, однако света хватало, чтобы увидеть то, что вокруг этого строения не было ничего кроме пустых бесплодных земель.

Мы подходили всё ближе и ближе, и нам начала открываться полная картина. Это и правда было здание, стоявшее под наклоном из-за просевшего фундамента, странной полукруглой формы и с большим количеством стекольных рам вместо стен. Мы с Эммой в жизни не видели ничего подобного. От стекол остались лишь осколки, а бетонное основание было испещрено трещинами. Обойдя со стороны, мы поняли, что источник света находился не за, а непосредственно внутри этого строения.

Мы стали осматриваться, первые этажи были без окон и вход, по-видимому, был лишь один. Большая металлическая дверь на фронтальной стороне здания. Она была массивной, и, как и весь дом, была слегка утоплена в землю. Справа от

двери находилась небольшая панель с кнопками, на которых если и были написаны какие-то символы, то время их уже давно стерло. Я нажал первую попавшуюся кнопку и раздался тихий звуковой сигнал.

– Оно работает, – сказал я. – но что это? Может чтобы дверь открылась нужно что-то нажать?

– Думаю да, но на кнопках нет знаков, – Эмма стала внимательно всматриваться в панель, – вот тут что-то похожее на тройку. Точно!

– Те цифры из книги? Я тоже об этом подумал. – Я снял рюкзак, почувствовав огромное облегчение, размяв спину, и достал размякшую книжку, с отслоившейся обложкой.

– Смотри, – Эмма указала пальцем на одну из двенадцати кнопок, – если это тройка, то скорее всего слева будет два и один, а выше с четыре до шести и так далее.

– Давай попробуем, – я открыл обложку с письменами и подсветил ее фонариком.

Увидев код, Эмма стала аккуратно нажимать на кнопки в нужной последовательности, но ничего не произошло. Мы поняли, что одна из оставшихся трех кнопок должна отвечать за подтверждение, попробовав нажать нижнюю среднюю, раздался звуковой сигнал. И ничего не произошло.

– Может ту что справа? – предположил я и Эмма повторила процедуру.

На этот раз звуковой сигнал был иным, и мы услышали щелчок с обратной стороны двери. Мгновенная радость

быстро прервалась, когда мы поняли, что дверь не откроется пока она утоплена в землю. Мы взяли ножи и стали высвобождать её. Земля была холодной и твердой как сталь, процесс занял немало времени, но спустя без малого час мы смогли приоткрыть дверь достаточно, чтобы в неё протиснуться.

Внутри оказалось темно, и я включил фонарь чтобы осмотреться. Мы стояли посреди длинного коридора, в котором так же, как и снаружи, вместо внутренних перегородок и стен были стекла, вернее, должны были быть. Мы шли по хрустящему битому стеклу осматривая каждый сантиметр. Зайдя в одно из помещений мы увидели длинные столы с большим количеством неизвестных нам приборов. Учтывая торчащие ото всюду провода, я мог предположить, что это было оборудование, работающее на электричестве.

В другом помещении были полки, усеянные стеклянными колбами пробирками и мензурками, а на столе стояло что-то похожее на микроскоп, но, но он был намного больше и сложнее тех, что я видел. У стены коридора, разветвляющегося по сторонам, была, похожая на входную, панель. Однако на ней не было кнопок, цифры были написаны под стеклом. А рядом находился небольшой переключатель. Я нажал на него и в нескольких местах коридора загорелся свет.

– Это что-то вроде лаборатории, только явно более продвинутой чем наши.

– Но как это возможно, если здание тут уже давно? – спро-

сила Эмма.

– Попробуем узнать, – я махнул рукой в сторону одного из коридоров. – Пошли дальше.

Большая часть освещения не работала, однако света хватало чтобы не использовать фонарик. Мы оставили рюкзаки чтобы с ними не таскаться, лишь взяли с собой револьвер, на всякий случай. Несколько помещений были с клетками, в которых предположительно держали животных, в других были приборы – настолько странные, что я даже не знал, как их охарактеризовать, а некоторые комнаты были простыми кладовыми. Вскоре мы подошли к лестнице, что вела наверх.

Так мы осматривали каждый угол каждого этажа пока не дошли до четвертого. Ступив туда, мы наткнулись на помещение, вдоль стены которого находились странные металлические гробы, иначе их не назвать. У большинства крышки были подняты, подойдя ближе к одному из таких мы его осмотрели.

– Похоже это место для сна. – сказала Эмма, – смотри снизу мягкое, а в месте для головы что-то вроде подушки.

– Похоже на то, но похоже и на гробы, может эта штука имеет медицинский характер? Смотри сколько проводов и панелей вокруг!

Мы прошли вдоль всех капсул, уделяя особое внимание закрытым. Через стекло, в месте, где должна быть голова, было видно, что внутри никого не было, пока мы не дошли до крайней капсулы. Нашему удивлению не было предела, в

ней лежал человек. И судя по его виду он не был мертв.

– Похоже, он спит, но как долго он здесь? – Задал я вопрос, на который ни у кого не было ответа.

– Коннор, – позвала меня Эмма к другой стороне капсулы. – Смотри, здесь панели подсвечиваются.

Я подошел к Эмме и начал рассматривать панели, на одной было написано: "Состояние" и какие-то цифры, на другой: "Время сна", где значение было шестизначным. Но больше прочих, мое внимание привлекла панель с надписью: "Пробудить".

– Что думаешь? – спросил я Эмму.

– Думаю, именно его мы и искали, так что если его можно разбудить, то...

– Согласен.

Я начал осматривать панель в поиске кнопки пока не вспомнил о панели с цифрами под стеклом, и просто нажал на надпись "Пробудить". Появилась надпись: "Вы уверены что хотите пробудить субъект? Да/Нет" я нажал на "да". И на всех панелях стали меняться значения. Снизу капсулы звучал звук подачи воздуха, а на панели состояния в графе с температурой значение стало повышаться. Мы стояли как истуканы и смотрели на капсулу.

– Похоже, процесс не быстрый. – подметила Эмма.

– Может, если он спит очень долго, то и времени на пробуждение нужно много?

Мы всё ждали, и несмотря на усталость от длинного и

тяжелого дня, после увиденного у нас был немалый прилив сил. На одной из панелей высветилась надпись: "Время до пробуждения – тридцать минут". Эти полчаса казались нам мучительно долгими, и мы присели на стулья, стоявшие неподалеку.

– Я так подумала: вполне возможно, что кто-то из тех, кто отправлялся сюда из деревни, мог найти это место, но без кода, что был спрятан в обложку, он не смог бы сюда попасть.

– Пожалуй, – прокомментировал я.

– Я это к тому, – Эмма выдохнула, – как же нам повезло узнать про код от двери. Ты видел, через окна тут не забраться, то есть, мы бы просто погибли где-то у стен этого здания.

– Везение это или нет, но я знаю, что буквально сегодня утром я думал сдаться. Сдаться будучи так близко... Как я мог быть таким идиотом, если бы не ты...

– Брось ты, я боялась не меньше твоего, наверное, даже больше, я просто проявила характер, зная, что это может привести к нашей гибели. Не самый умный поступок.

– И все-таки мы здесь, – улыбнулся я, благодаря тебе.

– Нам, – Эмма сделала паузу, – но знаешь – нам бы воды найти, в противном случае мы всё ещё можем ласты склеить.

По прошествии полчаса, раздался звук открывающейся крышки капсулы. Мы подбежали ближе и начали смотреть на спящего мужчину. Он был лет тридцати, с чёрными, как смоль, волосами, на висках тронутыми сединой. Ему понадобилось ещё несколько минут, чтобы открыть глаза.

– Привет, – озадаченно сказал незнакомец сонным голосом, глядя на нас.

– Здравствуйте, – тихо ответил я, не менее озадаченным тоном.

– Погодите, – он резко поднялся с места упершись о борта капсулы, – вы, боже мой, вы...

Он вылез из капсулы, на его лице красовалась улыбка. Он схватил меня за плечи, осмотрел с ног до головы и обнял, затем повторил то же самое с Эммой.

– Ребята, кто же вы? Как вы сюда попали? Сколько... Вот блин сколько я спал? – он подбежал к одной из панелей капсулы и ошеломленно воскликнул, – сколько?! Это значит делить на триста пятьдесят шесть... Больше шестисот лет.

Он посмотрел на наши потрясенные лица и добавил:

– Да простите, думаю, сначала я должен представиться, меня зовут Леон Найман, просто Лео. А вы?

– Я Коннор Майер.

– Эмма Ярвин, – приятно познакомиться.

– Да, у нас к вам столько вопросов, – сказал я.

– Майер?.. – на секунду задумался Лео, – Что-же, вопросов думаю у нас друг к другу очень много, но я прошу меня простить, после длительной гeибepнaции, я просто умираю с голоду, пойдем.

Мы с Эммой обменялись взглядами и пошли следом. Он повёл нас в соседнее помещение этого же этажа, в нём находилось что-то, напоминающее шкафы, на дверцах которых

тоже были панели. Лео подошел к одному из них, понажимал на панель и открыл дверцу. В ней в небольших пакетах, из которых был выкачан воздух, лежали продукты: овощи, фрукты и мясо. Взяв несколько пакетов, он понёс их к другому приспособлению с дверцей, и засунув их туда, побежал брать воду из третьего шкафа. Кинув нам по бутылке он продолжил:

– Итак пока я готовлю нам... Вот интересно, сейчас какое время суток? В общем, пока я готовлю расскажите мне как вы сюда попали.

– Мы шли по книге что мне оставил дедушка...

– Коннор, я должен уточнить я не знаю вообще ничего, я, так скажем, не отсюда.

– Но у нас тоже уйма вопросов, – вклинилась Эмма.

– И я на все вам отвечу, когда узнаю контекст происходящего, – ответил Лео, – прошу расскажите всё с самого начала.

Мы с Эммой вновь переглянулись, она пожала плечами и кивнула, после чего я откупорил бутылку с водой и сказал:

– С самого начала значит?

Долгий сон

Рассказ был очень долгим и подробным, Лео внимательно слушал, не разу не перебил, не задавал вопросов и не отвлекал. Из продуктов, что он достал – он приготовил еду, и протерев стол от многовековой пыли, разложил тарелки. Когда я закончил говорить, он какое-то время молчал с задумчивым видом, и словно бы хотел что-то сказать, но не знал с чего начать.

– Не легко вам пришлось... И все-таки... Как удивительно... Целый мир... – он не мог нормально сформулировать мысль видимо из-за переизбытка информации. – Книга о которой ты говорил, могу я её увидеть?

– Конечно, – я достал книгу из рюкзака что мы забрали с первого этажа, и протянул ему.

– Сколько говоришь ей лет?

– Не меньше пятисот.

– Так, а когда книгопечатание было изобретено?

– Лет... Пятьсот назад.

– Полагаю она была из первых напечатанных книг, может даже ради нее печать и изобрели. – он повертел книгу в руках и улыбнулся, – Заяц, да еще и Адам, ну надо же сколько символизма.

– Символизма? – спросила Эмма.

– Я же не ошибусь если скажу, что зайцы у вас не водятся?

– Так это же выдуманное животное, зайцы бывают и в других сказках и рассказах. – ответил я.

– Не совсем так, просто зайцев сюда не смогли перенести. Единственные животные чье сердце не выдерживало перемещения. – Лео задумался, – Думаю я знаю кто это написал, вернее, не кто именно, но это точно один из них.

– Кого? – нетерпеливо спросил я.

– Так просто не ответить, полагаю пришло время мне ответить на интересующие вас вопросы, – сказал он склонившись над своей тарелкой. – чтобы вы всё поняли, мне тоже придется начать издалека.

Один из законов Кларка гласит "Любая достаточно развитая технология неотличима от магии", когда он писал эти строки он наверняка и представить себе не мог до чего однажды дойдут технологии.

18 декабря 2143 года все научное сообщество было взбудоражено новым открытием. В двенадцать часов по полудню в Церне, Швейцарии, в конференц-холле Третьего Большого Адронного Коллайдера, были оглашены положительные результаты по первому в мире открытию червоточины. С момента изобретения манипулятора материи, тридцатую годами ранее, это было величайшее открытие.

Червоточина вела в карманное, или же параллельное, измерение, которое было абсолютно пустым. Место, где не существует пространства и времени. Последующие годы с его

помощью пытались соединить две точки пространства в коридор, через который в секунду можно было перемещаться на десятки, а может, и сотни тысяч километров. В то же время были выдвинуты предложения по использованию параллельных измерений в других целях. Началась разработка проекта под кодовым названием Терра. Суть была проста, воспользоваться манипулятором материи, для создания отдельного мира, который находился бы в том самом карманном измерении. На деле же всё оказалось сложнее. Манипулятор материи мог изменять структуру атомов и создавать что угодно из чего угодно, настоящий научный эквивалент алхимии. Но была проблема, в измерении без пространства. Для его создания и поддержания, необходимо было научиться манипулировать не только материей, но и физическими законами которые помогали бы все объединить, не давая рассыпаться. Словно вы строите песчаный домик, вы не сможете построить его из сухого песка, нужно что-то, что будет сдерживать его и не давать рассыпаться – вода.

Проект был прикрыт, и долгое время считался неосуществимым. Но нельзя недооценивать человеческий интеллект. Спустя тринадцать лет, решение было найдено. Искривитель пространства был, пожалуй, одним из самых опасных изобретений человечества, возможность смещать, изменять и создавать гравитационные поля, была губительной при неправильном использовании. Он позволял скреплять атомы между собой или же разъединять их. Словно мы смогли обуздать

силу чёрной дыры. Думаю, что если Господь существует, то он вряд ли предполагал, что человек сам станет творцом мироздания.

Проект Терра снова ожил и стал перспективным, как никогда прежде. Теперь в карманном измерении можно было создавать такие физические законы которые были необходимы. На территории отведенной под работы над проектом свозился мусор со всех стран, для последующего перемещения в первое измерение – Альфа Один. Под воздействием гравитационного поля, что было создано искривителем, весь мусор сохранял свое положение вокруг центра притяжения после чего начинал работу манипулятор материи. Атомная структура элементов менялась и сотни тысяч тонн мусора преобразовались в небольшую планету – из земли, камня, железа и других свойственных планетам элементов.

Довольно быстро возникла следующая проблема. Создаваемому миру нужна была атмосфера, и более того, для последующего заселения там должны были присутствовать все условия для жизни, как, например, источник света и тепла. Создание и последующее размещение там светила, по сути являющимся термоядерным реактором, не решало возникающих проблем. Атмосфера не удерживалась, а светило быстро саморазрушалось за счет небольших размеров.

Понадобились годы для стабилизации мира, пока не пришли к идее создания замкнутых систем. Замкнутая система предполагала ограниченность пространства внутри кото-

рого размещалась атмосфера. Попытка под названием Альфа Шесть, долгое время считалась самой удачной. Она представляла из себя полый шар, внутри которого и была создана атмосфера. В центре находилось светило, на этот раз оно было стабилизировано за счёт манипуляции с циклом нагрева элементов. Такая себе термоядерная реакция, которую запрограммировали перезапускать и охлаждать саму себя.

Альфа Шесть, стал венцом проекта Терра. Мир, в который мог переместиться человек, походить по поверхности, и подышать воздухом. Проект одобрили и дали зелёный свет на создание миров под заселение людей. Со всего мира налетели инвесторы, желающие приобрести землю в другом измерении. Финансирование лишним не было, нам деньги на создание мира, а им клочок земли в нем. Альфа Шесть был переработан, ландшафт изменили, добавили водоёмы, и отправили туда людей, чтобы засадить почву растениями. Спустя несколько лет, когда этот шарик, что был триста километров в диаметре, озеленился, в него стали перемещать животных, чтобы те обживали местность. Со всего мира стали привозить животных минимум по паре, в кругах ученых этот мир называли ковчегом.

К 2178 было создано и заселено животными и растениями шесть миров. Каждый из них был ограничен пятью сотнями километров в радиусе, и одним светилом. Еще две системы были в виде шара подобно Альфа шесть, были и миры что представляли две плоскости, соединенные между со-

бой по диаметру. К восьмидесятому году начался конкурс на подбор сотни колонистов, которые переместятся жить в одну из систем, чтобы сохранить человеческую расу в случае, если с Землей что-то случится. В мир Бета Два перемещались все знания, накопленные человечеством от серверов с базой данных до простых книг и учебников. В течении нескольких лет сотни колонистов полностью обжили мир, да так что дали ему название Эдем.

Мир Бета Три был отведен под продажу. На нём обосновались огромные виллы и особняки инвесторов где они собирались встречать старость. По итогу место было выкуплено тремя сотнями семей. В последующие годы было создано еще шесть процедурно сгенерированных миров, в рамках программы Предохранитель. Шесть мест по всей Земле, на случай глобальной катастрофы, были снабжены устройством экстренного перемещения в отдельно отведенный мир. Одним из таких мест была и сама лаборатория Коллайдера.

Все двенадцать созданных миров были озеленены и заселены животной фауной. К концу восьмидесят пятого года все шесть миров были полностью колонизированы, остальные шесть, что были отведены на случай катастрофы оставались нетронутыми. При хороших обстоятельствах, без глобальных катастроф, эти шесть миров так и должны были бы существовать без людей.

В марте 2185 года, в Церне, в главном штабе по контролю и развитию проекта Терра, должен был быть проведен пла-

новый тест пространственного искривителя. После нескольких лет модификаций с целью улучшения его стабильности, он был готов к тестированию. Шестого марта в девять часов утра, он был запущен, после чего здание охватило сильнейшее землетрясение, завопила тревога и прозвучало оповещение о задействовании протокола безопасности Предохранитель.

Весь корпус вместе с семьюдесятью сотрудниками был перемещен в присвоенный ему мир Дельта Два. Из-за землетрясения произошел сбой, из-за которого здание не переместилось в положенный сектор, а было заброшено на самый край карты. После перемещения сработал аварийный термоядерный реактор на крыше, возобновив питание.

Воцарилась паника. Причина землетрясения была не ясна. Было ли это вызвано сбоем Искривителя или же проблема была в другом, оставалось не ясно. Но связь с Землей была потеряна. Многие не могли принять произошедшего, их семьи остались по ту сторону. На протяжении тридцати восьми дней проводились попытки наладить мост между этим измерением и Землей, однако, связь была утеряна, предположительно из-за того же сбоя, что закинул штаб по неправильным координатам.

Переместиться обратно было невозможно. Штаб был спроектирован и оборудован так чтобы при применении протокола Предохранитель, он должен был сохранять свою автономность на протяжении сотен лет. В нем было все необ-

ходимое от еды до базы данных со знаниями всего человечества. Иными словами, все для колонизации. Разница была лишь в том, что люди, запертые здесь, не планировали быть колонизаторами, они были обычными учёными, с разных уголков мира, трудящимися во благо науки.

Осознание того что криогенно замороженные продукты были не бесконечные, а оставаться жить в лаборатории на отшибе мира было глупо, побудило их задуматься о своем переселении ближе к солнцу. Но здание не должно было очутиться так далеко от солнца, это значило, что при заселении люди не могли бы воспользоваться ресурсами лаборатории, ни электроэнергии, ни базы данных, ни инструментов, ничего. Некоторые не теряли надежду связаться с Землёй, но в итоге большинство проголосовало за перемещение к солнцу с последующим обоснованием там колонии.

Вместе со зданием переместилось два автомобиля, однако людей было слишком много чтобы всех перевезти. Автомобили заполнили ресурсами которых должно было хватить на время похода. Эти ученые принимали участие в создании этого мира, поэтому они точно знали куда и сколько им идти. Когда всё уже было готово к миграции пришло осознание что кто-то должен остаться в штабе, на случай если связь с Землёй будет восстановлена. Добровольцев не было после чего решили провести слепой отбор, в результате которого был выбран я, Леон Найман.

Перспектива гнить здесь в тотальном одиночестве мне не

улыбалась, и все же я был выбран в результате честной жеребьевки, к тому же жить в затворничестве мне было не в новинку. Когда люди ушли, я решил, что должен найти способ связаться с Землей или с одним из других измерений. День ото дня я копался в записях, программах, микросхемах пытаясь понять, что пошло не так. В штабе моей должностью было проектирование и дизайн биомов, я мало что понимал в технической сфере, однако впереди у меня была все моя жизнь.

Спустя год изучения и попыток я слался. Одиночество убивало меня, у меня не было возможности узнать, как там остальные, и добрались ли они до солнца. Я потерял надежду связаться с другими мирами, однако я понимал, что рано или поздно один из миров сам может связаться со мной. И я принял решение использовать одну из капсул гibernации, дабы промотать время вперед. Сначала я просыпался раз в год, но пробуждаясь я обнаруживал прежнюю картину. Спустя двадцать лет и двадцать таких заморозок, я понял, что никто не появится. Похоже Дельта Два был полностью отрезан от Земли. Или Земли просто напросто уже не существовало. Может она была уничтожена в тот самый миг, когда мы очутились здесь.

Я стал пробуждаться каждые десять лет. Результат оставался прежним. Я вставал из капсулы, делал обход, пытался открыть мост между измерениями, связаться с ними, терпел неудачу, ел, выпивал кофе, проводил день наедине с мысля-

ми после чего вновь ложился. Пока однажды не послал всё к черту и не отключил таймер сна. И вот он я перед вами.

Мы с Эммой сидели склонившись над тарелками с едой, которой судя по рассказам уже девятьсот лет, и обменивались взглядами полными недоумения. Если бы я сказал, что понял лишь половину рассказанного, я бы соврал, ибо я не понял и части, однако мне казалось, что я смог уловить суть. Сотни вопросов крутились у меня в голове.

– Значит мир в котором мы жили целыми поколениями – не настоящий?

– Если он был искусственно создан, не делает его менее реальным чем мой мир. – ответил Леон наслаждаясь трапезой.

– И мы все потомки людей, что работали в этом самом здании? – раскинув руки по сторонам спросил я.

– Всё верно. И видеть вас приятно не только потому, что я уже и не надеялся встретить кого-то живого в своей жизни, но и по той причине, что вы, это свидетельство, что все мои коллеги выжили. Что они добрались до центра системы, обосновали там колонию которая существует уже почти тысячелетие. И все же есть одна вещь которую я не могу понять. Вы сказали у вас электричество появилось лет сто назад, так?

– Верно. – ответил я.

– Я как никто знаю, какие люди работали в этой лаборатории, и я не могу понять почему прогресс двигался так

медленно. Этот мир колонизировали семьдесят умнейших людей, специализирующихся на всем чем только можно, и понадобилось почти восемьсот лет на изобретение электроэнергии? Плюс как я понял у вас в ходу паровые двигатели, что тоже довольно примитивная технология.

– Почему тебя это удивляет.

– Я конечно могу ошибаться, но мне кажется, что прогресс умышленно был замедлен, а ещё вы же ничего не знали о Земле и своих предках? – Мы с Эммой помотали головами, – зачем же они замолчали свою историю...

Леон умолк и задумчиво посмотрел на нас:

– Возможно, они не хотели, чтобы их потомки считали себя запертыми, обделенными. Возможно они решили умолчать обо всём, что было до перемещения, включая знания о технологиях, и начать все с чистого листа. Чем быстрее бы шел прогресс, тем быстрее люди задались бы вопросом о принадлежности их бытия. Они хотели отгородить вас от того что вы все-таки сделали, от поисков этого места.

– Зачем же тогда была оставлена книга? – спросила Эмма.

– Скорее всего кто-то решил оставить хоть небольшую подсказку, для того чтобы хоть кто-нибудь узнал правду. Там автор указан? – спросил Лео, на что я помотал головой, – остался неизвестным, ясно.

– Значит, все это, весь этот мир, вся наша цивилизация, это просто случайность. Ты даже не знаешь причину по которой вы здесь оказались.

– Мой мир тоже всего лишь случайность. Земля появилась в результате череды удачных совпадений, разница лишь в том, что этот мир был создан человеком, для которого он же и стал клеткой.

Мы с Эммой долго переваривали полученную информацию. Теперь нам было понятно почему физические законы существовали в противоречии, как и почему этот мир был создан. И всё же у меня оставалось чувство незавершенности, будто что-то ускользало от меня.

– Лео, а наша... система, была создана человеком или как ты как-то говорил...

– Я понял, – улыбнулся Лео, – нет, конкретно эту систему, как и пять других создали с помощью алгоритмов... Иными словами, мир создавал себя сам по заданным параметрам.

– Просто в двух неделях ходьбы отсюда, есть столп, на котором вытесана дорожка для подъема и спуска, люди ее сделать не могли, значит это случайно вышло?

– Нет, полагаю нет, каждый мир подвергался корректировке после создания, отдел ответственный за создание проверили всё и где-то внесли коррективы, а где-то добавили то, что им показались необходимым. – Лео посмотрел на нас и вскочил из-за стола, – знаете что, давайте я проведу вам экскурсию. Давно я гостей не принимал.

Весь последующий час мы бродили по коридорам штаба, некогда причастного к созданию места, куда он и был перемещен. Помещения были заполнены неизвестными при-

борами, чьё назначение объяснял нам Лео. Он показал отдел по контролю над перемещениями. Это было самым большим помещением в здании над которым словно под стеклянным колпаком находилось нечто напоминающее миниатюрное солнце.

– Это сам реактор который питает здание энергией. Он имеет тот же принцип что ваше солнце, и создан так же.

– Невероятно, – сказала Эмма глядя на раскаленный шар чистой энергии что парил в воздухе.

– Это панель управления, – Лео подошел к большому изогнутому столу на котором было сотни кнопок переключателей рычагов и экранов, – здесь я провел целый год, в надежде наладить связь с другими системами, но все бес толку.

– Ты ведь говорил, что не был специалистом в этой сфере, так почему здесь не остался тот, кто в этом разбирается? – Спросил я.

– Ну, как я и говорил, была честная жеребьёвка, однако дело не только в этом. Правда в том, что за те полтора месяца, что все были здесь, мы не смогли ничего наладить, а единственный человек, который, по моему мнению, мог бы понять, как все починить не мог остаться.

– Почему, разве было что-то важнее, чем вернуться домой?

– Есть кое-что важнее, – Лео улыбнулся. – тот человек был здесь со своей женой, которая на момент перемещения была на шестом месяце беременности. Он правда был неверо-

ятным специалистом, и если кто и мог разобраться, то только он. Но они с женой не хотели, чтобы их ребенок родился здесь, в четырех стенах здания, стоящего в вечной тьме на краю света. Это решение далось ему с трудом, но думаю любовью на его месте поступил бы так же, и не променял бы благополучие ребенка в этом мире, на некий пасмурный шанс вернуться на Землю. И... Коннор, я думаю стоит тебе сказать... Его фамилия была Майер, Нейтон Майер. Думаю, ты его потомок.

– Что, – я на секунду опешил, – то есть мой, даже не знаю сколько раз пра-дед, мог все исправить, но предпочел выбрать благополучие семьи в этом мире.

– Кого-то мне напоминает, – заявила Эмма.

– В смысле, – не понимал я.

– Помнишь, что ты говорил о своём дедушке Френсисе, и о его деде Конноре, они оба были поглощены идеей докопаться до правды, но никогда не делали это в ущерб семьи. Твой дед ушёл лишь когда жены не стало, а сын с внуком выросли и стали самостоятельными. Так же поступил и его дедушка. Похоже у вас это в крови, противоречие и борьба с самим собой в вопросе что важнее, семья или призвание.

– И в итоге они находили компромисс при котором могли не выбирать, – закончил я мысль Эммы. – Да уж, столько поколений прошло, а суть одна.

– Судя по твоему рассказу, твои дедушки были очень умными людьми, – продолжил Леон, как и их предок, и, думаю,

как и ты.

– А что толку, – разочарованно сказал я, – в итоге мы нашли это место, сделали то, что не получалось ни у кого ранее, и вот теперь я все знаю, но я не могу избавиться от чувства что должно быть что-то ещё. Зачем же была написана книга, не может же быть что все это было ради того, чтобы просто найти тебя...

– Точно Коннор, – вскрикнула Эмма и убежала продолжая кричать, – я знаю зачем была написана книга.

Несколько секунд я стоял в недоумении пока ко мне не пришло осознание. Я чувствовал себя идиотом, что не догадался сразу. Информация что навалилась на меня вытеснила из памяти столь важный элемент. Спустя минуту Эмма прибежала обратно держа в руках обложку от книги, "Место под солнцем"

– Вот, – сказала она, протягивая её Леону, – думаю, написавший книгу хотел, чтобы ты получил это.

Лео взял книжный разворот и начал пристально всматриваться в написанное. Его лицо исказилось в удивлении, а глаза стали слезиться. Проведя пару минут в молчании он произнес:

– Это оно.

– Что же это? – спросила Эмма с неподдельным интересом.

– Мы не могли разобрать что там написано, – добавил я, – ты можешь прочесть?

– Написано на шведском... Это он написал, Нейтон, он нашел ответ. И таким способом доставил его до меня.

– Что же там написано? – нетерпеливо спросила Эмма.

– Читайте, – сказал Лео, и начал всматриваться в текст, – "Леон, я пишу это послание в глубокой старости. Не было ни дня чтобы я переставал думать о том, как вернуть тебя домой, но ответ пришел слишком поздно. Мы образовали город, нарожали детей, шутка ли нас уже сто двадцать три, у меня самого уже трое, два сына и дочь. Мы привыкли к жизни здесь, и возвращаться уже никто не хочет. И все же я не мог забыть о том, что ты остался один в этом проклятом штабе, и я искал решение. Сейчас я не смогу тебе его доставить, моя жизнь скоро оборвется, а это послание я оставлю своим потомкам, и сделаю всё возможное чтобы ты его получил. Путь к солнцу оказался непростым испытанием, передать записи тебе будет сложно. У меня уже есть план, но на него нужно время. Надеюсь ты дождешься, в конце концов не просто так в лаборатории столько капсул для долгого сна. Надеюсь у тебя все получится. Твой друг Нейтон.

– Невероятно, – восхитилась Эмма, – спустя столько лет.

Эмма рассказывала, что пока я был без сознания, она пыталась найти смысл в происходящем. Она знала, что каждый человек сам для себя ищет смысл, и в тот момент ей он был необходим. И сейчас глядя на её счастливое лицо я понял, что она нашла тот самый смысл. Причину, по которой мы всё это пережили. И я ощутил умиротворяющее спокойствие.

Нам удалось доставить послания сквозь века.

– Лео, как думаешь, это поможет тебе всё починить? – спросил я.

– Я... Думаю, что смогу все наладить. Нужно время.

– Тебе нужна будет помощь?

– Нет, все в порядке, вы же так и не отдохнули с дороги, отдохайте. Я справлюсь.

Мы с Эммой кивнули и вышли из помещения, в коридоре напротив была комната отдыха, мы зашли в неё, оставив дверь нараспашку, чтобы слышать Леона. Мы присели на небольшой диванчик и выдохнули. Я приобнял Эмму за плечо и улыбнулся ей.

– Что думаешь? Что дальше?

– Я не знаю, думала ты скажешь.

– Мне кажется теперь у нас есть достаточно времени чтобы всё обдумать.

Это был очень длинный и насыщенный день, день к которому мы так долго шли, и теперь, достигнув своей цели, мы могли немного расслабиться. Так мы и продолжили сидеть пока наши глаза не сомкнулись, и мы не уснули.

Проснулись мы от восторженных криков Леона. Не успев продрать глаза, мы выбежали в центр управления где он бежал от панели к панели как ошпаренный. Завидев нас, он подбежал и что есть сил нас обнял.

– Пойдёмте, – сказал он, и схватил нас за руки ведя к панели управления. – смотрите.

Он указывал на место, где в ряд находилось двенадцать индикаторов, у трёх из которых лампочки горели белым светом.

– Получилось! — Восторженно продолжал он, – видите три индикатора, значит появилась связь с тремя системами. Альфа Семь, Бета Два и Дельта Три. Это чудо.

– Неужели ты успел все так быстро починить? – спросила Эмма.

– Ну как быстро, вы спали часов восемь. – мы с Эммой удивленно переглянулись, – это неважно. Сработало. Инstrukция Нейтона сработала, я знал, что он сможет.

– Это невероятно, но как же твой дом, Земля, с ней связи нет?

– Нет, но это не страшно, мир Бета Два, известный как Эдем, это первая и главная человеческая колония, скорее всего от них мы сможем попасть на землю.

– Мы? – недоуменно спросил я.

– Конечно, разве вы не хотите увидеть откуда ваши предки, разве не для этого вы здесь? – сказал он горящими глазами.

– Я... Не уверен... Эмма?

– А как работает перемещение, – спросила она.

– Хороший вопрос, – зажегся пуще прежнего Лео, – представьте, что мы, это пуля в барабане револьвера. Чтобы пуля оказалась в дуле, её не нужно доставать и перезаряжать, достаточно прокрутить барабан так чтобы пуля встала на нуж-

ное место. То есть мы будем стоять на платформе, а мир просто сменится.

– А если мы пойдем, – начал я, – то мы сможем вернуться назад?

– Боюсь, я этого не знаю. Я понимаю, вам нужно всё обдумать. Спешить не обязательно.

– Что думаешь, Коннор, – спросила Эмма, я – туда куда и ты.

– Аналогично, – улыбнулся я, – Что скажешь, взглянем на мир наших предков.

– Здесь мы уже всё увидели, – ответила она.

– Это безопасно? – обратился я к Леону.

– Более чем, об этом можно не волноваться.

– Ну, – медленно произнес я, – в таком случае, мы с тобой.

Так?

– Верно, – ответила Эмма.

– Отлично, в таком случае, через час. Общий сбор – здесь.

Спустившись обратно на четвертый этаж, Леон приготовил всем завтрак. Мы сидели, ели и слушали его рассказы о том, как нам понравится земля. Рассказывал нам про небо, устеленное звёздами, хоть мы с Эммой и не понимали, что это значит. Про бескрайние океаны, про поражающие воображения виды и масштабы. Через слово он благодарил нас за то, что мы пришли и фактически спасли его.

По завершении трапезы мы с Эммой пошли к своим рюкзакам, не зная, что нам может понадобиться, мы решили

взять все, что с нами было. Небольшая часть этого мира, что была с нами на протяжении всего пути. Вернувшись в центр управления, Лео принялся нажимать кнопки и рычаги предназначение которых было нам неизвестно. А мы встали на обозначенную им платформу с панелью управления сбоку.

Я много раз слышал фразу что однажды, каждый человек сталкивается с выбором, который изменит всю его жизнь, и в этот момент нужно быть смелым и сделать шаг в неизвестность, какой бы она ни была. И стоя на платформе, наблюдая за тем, как огни попеременно загораются на панели управления, держа Эмму за руку, я был готов сделать этот шаг. Мы с ней улыбнулись друг другу, кивнули Леону, он кивнул в ответ, подошёл к нам, и потянул за рычаг сбоку панели. Комнату залил ослепляющий белый свет, и мы покинули этот странный мир. Мир, где не было логики, а законы противоречили друг другу, мир в котором мы родились и выросли, мир в котором было много изъянов и много красоты, мир странный, и прекрасный. Мир, где солнце было между горизонтами.